

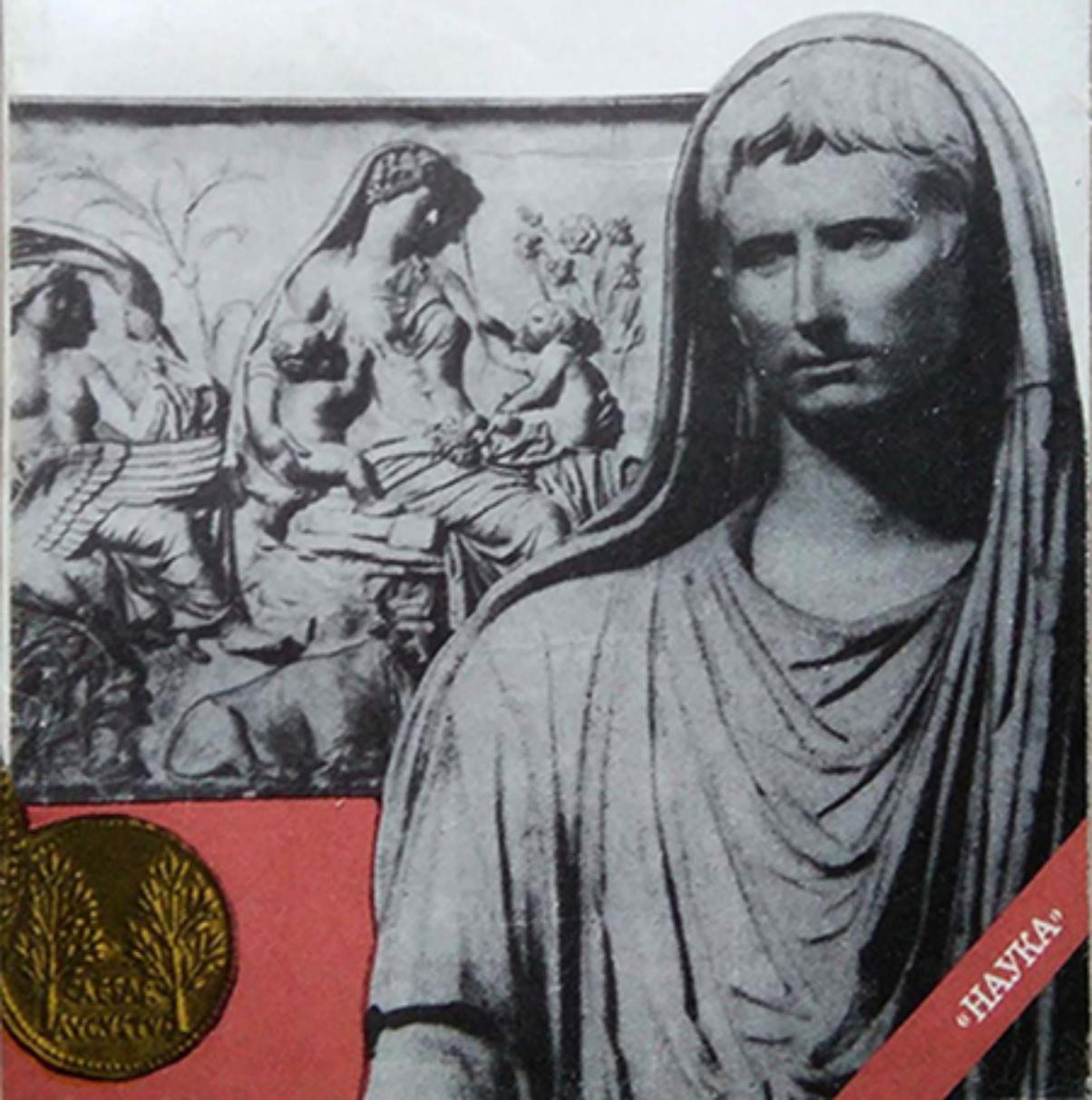

Серия „Из истории мировой культуры”

И. Ш. Шифман

ЦЕЗАРЬ АВГУСТ

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
Серия «Из истории мировой культуры»

И. Ш. Шифман

ЦЕЗАРЬ АВГУСТ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1990

Книга посвящена жизни и деятельности человека, сыгравшего решающую роль в истории Римского государства. Август был создателем режима империи, просуществовавшего около трех столетий; проявив выдающиеся способности государственного человека и дипломата, он вывел Римское государство из кризиса и под видом восстановления древних республиканских институтов создал новую политическую систему, обеспечившую Риму на длительное время стабильность и устойчивость. Книга содержит сведения о биографии Августа, его борьбе за власть, его реформах, его политике в идеологической сфере.

Книга рассчитана на всех, интересующихся историей античности, а также на специалистов-историков.

Ответственный редактор
д-р ист. наук Э. Д. ФРОЛОВ

Рецензенты:

А. Б. ЕГОРОВ, И. Л. МАЯК, Ю. Б. ЦИРКИН

Илья Шолеймович Ш и ф м а н

ЦЕЗАРЬ АВГУСТ

*Утверждено к печати Редакционной коллегией
серии научно-популярных изданий Академии наук СССР*

Редактор издательства Т. Н. Богданова Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор Л. Н. Каряева Корректор Г. И. Суварова
ИБ № 44467

Сдано в набор 11.12.89 Подписано к печати 7.05.90. М-28228
Формат 84×108¹/₃₂ Бумага № 1 офсетная Гарнитура литературная.
Печать офсетная Фотонабор Усл. печ. л. 11,34. Усл. кр.-от. 11,64.
Уч.-изд. л. 10,84 Тираж 100 000 экз. Тип. зак. 2180. Цена 45 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Ленинградское отделение. 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Ш 050301000-580
054(02)-90 12-90-НП

ISBN 5-02-027288-4

© И. Ш. Шифман, 1990

Величью Цезаря не верь.
Есть плотно запертая дверь,
во тьму открытая немного,
да два гвардейца у порога.

В Катаев

Несвободный человек всегда идеализирует
свою неволю.

Б Пастернак

Жизнь тирана есть бедствие для челове-
чества, но его история всегда полезна для
государей и народов: вселять омерзение
ко злу есть вселять любовь к добродетели.

И. М. Карамзин

ВВЕДЕНИЕ

Гай Октавий Фурий, именовавшийся с 44 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 40 г. до н. э. Император Цезарь и с 27 г. до н. э. Император Цезарь Август, сыграл в жизни стран и народов средиземноморского мира исключительную роль. Приняв, несмотря на возражения родственников, наследство своего приемного отца, знаменитого диктатора Гая Юлия Цезаря, он в возрасте девятнадцати лет в кризисной ситуации вступил на арену политической борьбы и сумел переиграть неизмеримо более политически опытных, влиятельных и популярных противников. Придя к власти, он добился прекращения опустошительных гражданских войн, водворил мир, спокойствие и порядок. Утверждая свое непререкаемое господство, он сумел найти такую форму единовластия, что оно могло быть провозглашено восстановленной республикой и действительно выглядело таковой. В отличие от Суллы и Цезаря он никогда не именовал себя диктатором и не стремился к одиозному в глазах римлян царскому титулу. Его власть осуществлялась как выполнение республиканских магистратур или функций, сопряженных с ними; по идее она основывалась на его личном авторитете влиятельнейшего гражданина и первоприсутствующего в сенате, на том, что он стал патроном всех италиков, т. е. всех римских граждан, принесших ему клятву клиентской верности. Он желал казаться — и сделал для этого все возможное — не «гос-

подином», а первым среди равных. Мир внутри Римского государства, установленный Августом, просуществовал почти два столетия; государственный строй, созданный им и постепенно эволюционировавший к неприкрытой самодержавной монархии без фигурных листочков республиканской «реставрации», — около трех столетий. Человек, которому удалось добиться таких результатов, мог быть кем угодно, но только не посредственностью, хотя этому очень ловкому, очень трезвому, очень осторожному, очень скрытному холодному прагматику сильно повредило во мнении современников и потомков соседство с блестящим Цезарем, чьим приемным сыном, наследником и продолжателем он стал.

Понятно, что созданный Августом политический режим явился прямым следствием социально-политического развития римского общества и всего средиземноморского мира, развития, которое вело — в интересах зажиточных слоев общества, крупных землевладельцев, торговцев, хозяев ремесленных мастерских — к установлению твердой власти, способной обеспечить необходимые им стабильность и порядок. Август хорошо понимал, в чем состоят объективные потребности выдвинувших его классов и социальных групп, и не только действовал в их высших интересах, но и нашел, как сказано, ту форму, в которой фактическая монархия его самого и его преемников оказалась приемлемой для широких слоев римского народа. Сенатская оппозиция, выражавшая недовольство отдельных аристократических родов и группировок режимом личной власти Юлиев—Клавдиев, не имела удовлетворительной альтернативы порядку, установленному Августом, и была в целом изолирована. Все верхушечные перевороты I—II вв. н. э. заканчивались появлением нового правителя, иногда действовавшего в соответствии с пожеланиями сената, иногда беспощадно истреблявшего оппозицию. На основы созданного Августом государственного строя они не посягали.

Деятельность Августа знаменовала собою конец одной эпохи римской истории (период Республики) и начало другой (период Империи; более точно: режима Принципата). Это переходное время привлекало и привлекает внимание не одного поколения исследователей. Их интересует процесс развития, приведший к столь

радикальным переменам, природа последних, их характер, основы нового государственного устройства, содержание полномочий и существо власти правителя, римские политические партии и группировки, люди, делавшие историю, в особенности Цицерон, Помпей, Цезарь, Антоний и Август. Заметное влияние на историографию, посвященную интересующей нас эпохе, оказали такие события, как Великая французская революция и диктатура Наполеона, становление Германской империи и в особенности Великая Октябрьская социалистическая революция. Появилась тенденция усматривать прямые аналогии между событиями римской истории конца Республики и начала Империи и фактами новой и новейшей истории, наблюдать вторые через призму первых, и наоборот. В процессах, приведших к установлению имперского режима, видели социальную революцию, аналогичную революциям Нового времени. Наиболее детально и последовательно это воззрение разработал Р. Сайм.* Эпоху Гражданских войн он изображает как период революции, а Августа — как вождя революционных масс. Новая политическая структура возникла в результате обмана и кровопролитий, насильственного захвата власти и перераспределения собственности «революционным лидером». Однако вне зависимости от субъективных намерений и политических убеждений историка (Р. Сайм — враг революции) краеугольным камнем подобных построений является обывательское представление о революции как только о насильственном перевороте с неизбежными нарушениями порядка и законности, экспроприацией и отстранением от власти одних, выходом на авансцену других. Между тем революция, как бы ни воспринимали события ее современники и непосредственные участники, имеет своим содержанием прежде всего и главным образом коренное преобразование производственных отношений в соответствии с достигнутым уровнем развития производительных сил и на этой основе создание нового общественно-политического устройства, в том числе и организацию власти. Политический переворот, связанный с именами Цезаря и Августа, явился разрешением кризиса римского общества, но в рамках существовавших производственных и об-

---

* *Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.*

ственных отношений, а потому не может считаться революцией в собственном смысле слова.

В современном антиковедении репутация Августа кажется раз и навсегда установившейся: это виртуоз лицемерия, постоянно приспособившийся к изменявшимся жизненным обстоятельствам; это посредственность, подхватывавшая и усваивавшая чужие идеи и лозунги, действовавшая под влиянием действительно крупных людей, таких как Агриппа или Ливия; это расчетливый политик, неуклонно стремившийся к достижению единовластия и выбиравший для достижения своих целей наиболее действенные средства. Проявляющий в начале своей карьеры чудовищную, часто не вызывавшуюся необходимостью жестокость, Август воспитал в себе осторожность и милосердие, сделавшие его популярным в различных слоях общества. Бездарный полководец, Август проявлял большую политическую проницательность, хотя и не мог выдвигать новые политические идеи. Хороший организатор, он сумел набрать себе первоклассных помощников. Не возвышаясь по своему духовному развитию над средним уровнем римской аристократии, усвоив модные неверие и скептицизм, Август пришел к насаждению староримской религиозности и «отеческих нравов». Порочный сластолюбец, он научился со временем держать себя в руках.

Ниже будет сделана попытка выяснить, насколько эти ходячие характеристики соответствуют реальному положению вещей. Пока же заметим следующее. Август был не только порождением своей эпохи, но и ее воплощением; он был человеком, оказавшимся вовремя на своем месте. Его общественно-политическая деятельность полностью соответствовала требованиям эпохи, именно ему принадлежат оптимальные решения общественных, социальных проблем Римского государства, и именно поэтому Август как общественный, политический, государственный деятель превосходит своих современников — не только таких, как Помпей или Антоний, но и таких блестящих людей, как Цицерон или Цезарь. И если споры об Августе в значительной степени утратили свою злободневность, они все же остаются научно актуальными, и попытка еще раз проследить жизненный путь этого человека кажется небесполезной.

Итак: Гай Октавий Фурий родился. . .

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

Гай Октавий Фурин родился в Риме (Кассий Дион¹ ошибочно: в Велитрах) в скромном доме у спуска с Палатина («К бычьим головам») перед восходом солнца за 9 дней до октябрьских календ в 691 г. от основания Рима, в консульство знаменитого оратора, философа, политика Марка Туллия Цицерона и, конечно, гораздо менее заметного, но в свое время известного римского государственного деятеля Гая Антония Гибриды, иначе говоря, 23 сентября 63 г. до н. э. в плебейской всаднической семье.² Пройдет время, и этот день станет сакральным общегосударственным праздником, который будет справляться по всей Империи еще в IV в. н. э.

Самый ранний известный нам предок будущего императора, Гай Октавий Руф, во время I Пунической войны (первая половина III в. до н. э.) избирался претором. От него пошли две линии Октавиев, постепенно утратившие родственные связи между собой. Одна из них сохранила прочные позиции в среде римского нобилитета,³ и за период после I Пунической войны до середины I в. до н. э. четыре ее представителя сумели подняться на одну из самых высших ступеней римской должностной иерархии, добиться должности консула. Другая ветвь Октавиев, к которой принадлежал и герой нашего повествования, была менее удачливой. Правда, еще его прапрадед Гай Октавий в 205 г. до н. э. во время II Пунической войны занимал должность военного трибуна, по-видимому самое высокое положение, достигнутое выходцами из этой семьи на протяжении более чем полутора столетий. О деде будущего императора, тоже Гае Октавии, известно, что он жил вдали от бурь, сотрясавших римское общество в I в. до н. э., в вольском городке Велитры, не стремясь к большой карьере, довольствуясь местными провинциальными магистратурами, и накопил значительные денежные сред-

ства.⁴ Марк Антоний в разгар борьбы за власть, пытаясь скомпрометировать приемного сына и наследника Цезаря, утверждал, что его прадед был вольноотпущенником, а дед — менялой.⁵ Последнее, возможно, и не лишено оснований,⁶ но вольноотпущенников среди его прямых известных нам предков, безусловно, не было.

Восхождение этой линии Октавиев круто вверх по римской иерархической лестнице начал Гай Октавий-отец. Он родился около 101 г. до н. э. и дважды был военным трибуном.⁷ Со II в. до н. э. положение военного трибуна не считалось особенно высоким; выходцы из старинных сенаторских родов к нему не стремились. На этом посту можно было обычно видеть всадников из тех, кто не принадлежал к столичной верхушке; именно таким был и Гай Октавий-отец. По своему положению в обществе он был типичным выскочкой, «новым человеком»; но подобное происхождение не могло помешать умному и удачливому человеку пробиться наверх. Из этой именно среды вышли такие государственные деятели, как Марк Порций Катон и Марк Туллий Цицерон. Не помешало оно и Гаю Октавию-отцу. В 66 г. до н. э., тридцатипятилетним, он стал квестором, а в 63 г. до н. э. — плебейским эдилом. Еще позже мы видим его судьейским следователем, претором,⁸ наместником римской провинции Македонии.⁹ Следуя туда, Гай Октавий-отец по специальному поручению сената организовал уничтожение остатков разгромленных войск Катилины и Спартака, действовавших на юге Италии. В Македонии он вел успешные войны с соседними племенами и даже был провозглашен императором («командующий, повелитель») — титул, дававший право на триумф, присваивавшийся армией победоносному полководцу. Гай Октавий-отец собирался домогаться консульства и, вероятно, имел шансы на успех,¹⁰ но смерть в 59 г. до н. э., в возрасте 42 лет, ему помешала. Проходя военную службу, Гай Октавий-отец завязал разнообразные связи в аристократических кругах. В частности, он заручился дружбой Луция Лициния Мурены, и тот впоследствии помог ему стать претором. Однако самой большой жизненной удачей Гая Октавия-отца была женитьба в 65 г. до н. э. вторым браком на Атии, дочери Марка Атия Бальбина и Юлии, сестры Гая Юлия Цезаря; от этого брака и родился будущий

император. Цезарь тогда был еще всего лишь одним из аристократов, правда, очень знатным, делавшим обычную для его круга карьеру (в год женитьбы Гая Октавия-отца он был курульным эдилом, а в 62 г. до н. э. — претором), но его хорошо знали в Риме, а главное — родство со знатнейшим и влиятельнейшим родом Юлиев широко распахнуло перед Гаем Октавием-отцом все двери. Сопоставляя приведенные выше даты, можно думать, что и эдильство Гая Октавия-отца, и его претура соответствовали политическим интересам Цезаря. Бальбин также принадлежал к знатной сенаторской семье; он был по материнской линии родственником Гнея Помпея,¹¹ в тот момент, пожалуй, самого авторитетного в Риме политического деятеля.

Должности принесли Гаю Октавию-отцу кресло сенатора; близость к ведущим деятелям сформировавшегося в 60 г. до н. э. первого триумvirата (Цезарь, Помпей) давала ему надежду при благоприятном развитии событий занять видное место при новом, тогда еще складывавшемся режиме. Он был, конечно, цезарианцем, и Цезарь это высоко ценил; позже, став неограниченным правителем Рима, Цезарь сделает своих родственников Октавиев патрициями.¹² По такому случаю сочинили даже легенду, будто они еще при царе Тарквинии Старшем были включены в сенат, при Сервии Туллии стали патрициями, но потом деградировали и опять превратились в плебеев.¹³ К чести героя нашего повествования, сам он никогда не повторял выдумок тех, кто желал подольститься к нему или к его отцу, и говорил о себе только как о выходе из старинного и богатого всаднического рода, где первым сенатором был его отец. Пройдет время, и Октавий, тогда уже полновластный владыка Рима, воздвигнет на Форуме статую отца с приличествующей случаю надписью и в его честь триумфальную арку на Палатине.¹⁴

Как и многие другие римские семьи, занимающие нас Октавии не имели фамильного прозвища (*cognomen*). Однако Гай Октавий-отец, когда у него в 63 г. до н. э. родился сын, дал своему отпрыску не только традиционное для семьи личное имя (*praenomen*) Гай, как звали и отца, и деда, и прадеда, и прапрадеда младенца, но и прозвище Фурий (*Thurinus*), т. е. Фурийский. По-видимому, отец желал увековечить память о своей победе в окрестностях Фурий над беглыми рабами из

войска Спартака, одержанной в тот самый год, когда ребенок появился на свет.

Само собой разумеется, что в Риме, несомненно, после того как Гай Октавий Фурин превратился в Императора Цезаря и в Императора Цезаря Августа, циркулировали слухи о всякого рода чудесах и предзнаменованиях, предрекавших ребенку в будущем верховную власть. Рассказывали,¹⁵ что некогда молния ударила в городскую стену, и это знамение предрекало для выходца из Велитр когда-нибудь верховную власть, и осуществилось оно в Августе. По другим слухам (Светоний ссылается на Юлия Марата), за несколько месяцев до рождения Октавия-сына в Риме совершилось при скоплении народа чудо, возвещавшее рождение царя для римского народа; сенат, будто бы, устранившись, запретил выкармливать детей, родившихся в этом году, но это распоряжение не было выполнено (поразительна близость этого предания к легенде о царе Ироде). В «Рассуждениях о богах» Асклепиада Мендетского Светоний нашел сказание, будто Атия, жена Октавия-отца, родила своего отпрыска от Аполлона, явившегося к ней, когда она спала в храме, в виде змея; аналогичные предания циркулировали об Александре Македонском и Сципионе Африканском, но там в виде змея являлся Зевс—Юпитер. Тем самым Октавий-сын вводился в сонм древних легендарных героев божественного происхождения. Были и другие повествования о вещих снах, гороскопах и оракулах. Столь же знаменательными были и предания о раннем детстве Октавия-сына. Будучи ребенком, он выбрался из колыбели, оставленной на полу; после долгих поисков его нашли на самой высокой башне, лежащим и обратившим лицо к солнцу. Едва научившись говорить, он приказал лягушкам, слишком громко квакавшим в его дедовской вилле, замолчать, и с тех пор, как говорят, лягушки там не квакают. Но подобным образом и Геракл унял стрекот цикад.¹⁶ Однажды Октавий-сын завтракал в роще у четвертого милевого столба на Кампанской дороге; внезапно на него напал орел, вырвал из его рук хлеб, взлетел высоко в небо, а потом опустился и отдал этот хлеб ребенку. Аналогичное чудо предвещало царскую власть Тарквинию Древнему.¹⁷

В этих преданиях правда переплетена с льстивыми вымыслами и вариациями на широко распространенные

фольклорные сюжеты, но человека характеризует в немалой степени также и то, что о нем рассказывают. Гаю Октавию Фурину было всего четыре года, когда умер его отец. Эта смерть не сказалась на общественном положении семьи, которое определялось родственными связями матери. Атия снова вышла замуж за Луция Марция Филиппа;¹⁸ активное участие в ребенке принимала его бабушка Юлия, в доме которой он рос до самой ее кончины. Мальчик получил воспитание, приличествующее знатному римлянину. Льстивые рассказы о его детстве¹⁹ едва ли достоверны; ясно только, что он вращался среди сверстников из высших аристократических кругов. Среди его учителей и воспитателей упоминаются раб-педагог Сфэр, которому в 40 г. до н. э. благодарный воспитанник устроил публичные похороны,²⁰ и греческий философ Арий родом из Александрии,²¹ видимо, получивший впоследствии от Октавия римское гражданство с родовым именем Юлиев. Много позже Октавий числил Ария среди своих друзей и даже сделал его наместником Египта. В греческом обучении Октавия вместе с Арием участвовал и Аполлodor из Пергама. Впрочем, познания Октавия в греческом языке всегда оставались весьма скромными; тем не менее он хорошо ориентировался в греческой поэзии и восторгался древней комедией. Латинской риторике Октавий учился у Марка Эпидия.

Октавий пополнял свои знания в течение всей жизни, много читал, даже находясь в критических ситуациях, и образование, полученное им, позволило ему стать искусным оратором, хотя он и не удостоивал произносить свои речи наизусть, он читал их по предварительной сделанной записи.²² Октавий активно участвовал и в литературной жизни. В 12 лет, в соответствии с римскими обычаями, Октавий произнес публичную похвально-поминальную речь по случаю кончины своей бабушки Юлии (51 г. до н. э.). Это выступление запомнилось; оно лишней раз дало знать о родстве юного оратора с могущественными Юлиями, и прежде всего с самим Цезарем. Теперь он живет вместе с матерью и отчимом.²³ В 49 г. до н. э., когда разразилась война между Цезарем и Гнеем Помпеем, они отправили Октавия в одну из своих вилл, однако вскоре, когда войска Цезаря заняли Рим, Октавий возвратился.²⁴ 18 октября 48 г. до н. э., в возрасте 15 лет, Октавий облачился

в мужскую тогу,²⁵ т. е. был признан достигшим совершеннолетия. Существует рассказ,²⁶ будто во время церемонии его senatorская туника разорвалась и упала к ногам; это было истолковано как предзнаменование его грядущей власти над сенатом. Тогда же он был включен в коллегию жрецов-понтификов, которых возглавлял сам Цезарь. Оценивая это назначение, необходимо иметь в виду, что понтифики занимали в римской жреческой иерархии центральное положение; они контролировали другие жреческие коллегии, отправляли обрядов, вели календаря, выполняли нормы скарального права и т. п., что позволяло им активно участвовать в общественной-политической жизни Рима и оказывать влияние на выработку всех сколько-нибудь значительных решений. Именно поэтому Цезарю было важно посадить на вакантное кресло одного из понтификов своего человека. Что же до Октавия, то ему участие в коллегии понтификов позволило войти с самого начала в верхние эшелоны власти Римского государства.²⁷ Вообще Цезарь начинает потихоньку приучать племянника к выполнению государственных функций. Так, Октавий по поручению Цезаря руководил греческими играми (это закончилось для него тяжелой болезнью),²⁸ а в 47 г. до н. э. он был префектом города во время Латинских игр.²⁹

Когда в секстилии (августе) 46 г. до н. э. Цезарь праздновал свой триумф по поводу победы в африканской кампании, среди отмеченных воинскими наградами был и Гай Октавий Фурин, стоявший у порога своего семнадцатилетия. Отличавшийся, вообще говоря, слабым здоровьем, Октавий пытался участвовать и в испанских кампаниях Цезаря. Он отправился в Испанию, но его корабль потерпел крушение, и в Тарраконе Октавий Цезаря уже не застал; к битве при Мунде он также опоздал. Как бы то ни было, кратковременная служба в армии Цезаря должна была стать школой, где юноша должен был приобрести репутацию доблестного воина и знания, необходимые для будущего государственного деятеля, которому придется выполнять наряду с другими обязанностями также и функции полководца. К тому же по римским понятиям определенный стаж воинской службы был необходим каждому, кто собирался делать большую карьеру.

В 44 г. до н. э. мы застаем Октавия в Аполлонии (Греция); биограф Октавия³⁰ связывает это с подготовкой Цезаря к походам против даков и парфян; другой источник³¹ — с предполагавшейся войной в Македонии. Там Октавий должен был продолжать учиться военному делу и совершенствовать свое общее образование.³² Впрочем, Цезарь не склонен был форсировать события; когда Октавий — еще совсем зеленый юнец — вздумал домогаться должности начальника конницы, т. е. положения второго после диктатора лица в государстве, Цезарь ему отказал и предпочел имевшего большой политический и военный опыт Марка Эмилия Лепида.³³ По другой версии³⁴ Октавий занимал этот пост в течение года. По-видимому, последняя традиция неточна и возникла вследствие недоразумения: должность городского префекта спутали с должностью начальника конницы. В Аполлонию его сопровождали по желанию Цезаря сверстники, выходцы из незнатных родов — Марк Випсаний Агриппа, впоследствии ближайший его друг,³⁵ и Квинт Сальвидиен Руф, также сыгравший заметную роль в его жизни.

Внезапная кончина Цезаря в мартовские иды (15 марта) 44 г. до н. э. круто все изменила. Из завещания Цезаря стало известно, что Октавий усыновлен диктатором и назначен его наследником.³⁶ Этот факт едва ли был для Октавия неожиданностью: подобного рода усыновления и передачи наследства (далеко не новость в римских аристократических кругах того времени) представляли собой чрезвычайной важности политический акт, который мог состояться только после совещаний и переговоров, прежде всего с усыновляемым и его семьей. Существует правдоподобная версия,³⁷ согласно которой усыновление состоялось по завершении африканской и других войн Цезаря; Октавий участвовал в жертвоприношениях и обрядах, совершавшихся Цезарем, появлялся с ним на зрелищах и пирах, успешно ходатайствовал перед Цезарем за друзей и других граждан. Если современникам и показалось, что Октавий ничего не слышал ни об усыновлении, ни о завещании,³⁸ то это был, очевидно, его первый и удачный ход в сложной и опасной политической игре. Выбор Цезаря остановился на Октавии, конечно, не только из-за родственных связей. Надо полагать, Цезарь был вполне

уверен в способностях, надежности и лояльности своего избранника.³⁹

Завещание Цезаря было рассчитано, конечно, на естественный ход событий. Его гибель под ножами заговорщиков открыла перед Римом перспективу не только государственного переворота, но и гражданской войны. Она поставила Октавия перед непростым выбором: принять наследство убитого диктатора и вмешаться в борьбу за власть либо отказаться от него и навсегда удалиться в частную жизнь.

* * *

Жизнь Гая Октавия-отца, детство и отрочество Гая Октавия Фурина пришлись на годы, когда римское общество и государство переживали затяжной кризис. Детство и юность Гая Октавия-отца — это годы, когда Гай Марий отчаянно боролся за власть, когда бунтовал Луций Аппулей Сатурнин, когда вся Италия была охвачена Союзнической войной, когда Луций Корнелий Сулла установил в Риме свою террористическую диктатуру, а затем неожиданно для всех отказался от власти и удалился на покой, когда вспыхнуло и с огромным трудом было подавлено восстание рабов под руководством Спартака. Гай Октавий-отец делал карьеру римского магистрата, когда Луций Сергий Катилина пытался захватить власть и погиб в непосильной борьбе с римской государственной машиной (и именно в тот год родился Гай Октавий Фурин), когда сложился так называемый первый триумvirат — тайное соглашение между Гаем Юлием Цезарем, Гнеем Помпеем и Марком Лицинием Крассом, поделившими между собой фактическое господство в Риме. Детство и отрочество Гая Октавия Фурина совпали с борьбой за власть между Клодием и Милоном, войной между Цезарем и Помпеем, стремительным возвышением Цезаря, его диктатурой и трагической кончиной. Что же, собственно, происходило в Риме?

К середине II в. до н. э. Рим представлял собой город-государство, непомерно разросшийся, где власть теоретически принадлежала квиритам — суверенному римскому народу, которым управляли сенат, где заседали бывшие магистраты и особо знатные граждане, народное собрание и ежегодно переизбиравшиеся ма-

гистраты. Экономическую основу Римского государства составляло земледелие; значительного размаха достигли ремесло и торговля, особенно после уничтожения в 146 г. до н. э. Карфагена и Коринфа — важнейших торговых соперников Рима.

Социальная структура общества определялась господством рабовладельческих отношений, которые проникали во все сферы жизни общества. Рабы трудились на полях и в ремесленных мастерских, в рудниках и каменоломнях, на строительстве дорог и других объектов; они пасли скот и обслуживали своих хозяев; они выполняли в хозяйствах функции администраторов и надсмотрщиков; они были воспитателями и секретарями, выполняли разнообразные функции при магистратах; на потеху толпе они сражались между собой на арене цирка; из рабов формировались вооруженные отряды, использовавшиеся в борьбе за власть, во время распрей с соседями. Иногда рабы вели свое хозяйство, имели свое предприятие, на свой страх и риск участвовали в деловой жизни. Среди рабов было много деятелей искусства — актеров и музыкантов, вообще широко образованных людей, делавших, получив свободу, карьеру писателей, ораторов, ученых. Так или иначе во всех случаях они оставались вещью, собственностью своего господина, эксплуатируемыми и бесправными; ими самими, их добром, их жизнью полноправно распоряжался рабовладелец, считавшийся юридическим собственником всего того, что мог накопить раб, и неукоснительно извлекавший доход из всех видов деятельности раба. Естественно, что рабы боролись за освобождение; своего пика их борьба достигала в восстаниях (около 185 г. до н. э. в Апулии, в 138—132 и в 104—101 гг. до н. э. в Сицилии, в 74—71 гг. до н. э. крупнейшее восстание рабов под предводительством Спартака), которые, однако, неизменно заканчивались поражением повстанцев. Рабы не стремились ликвидировать рабовладельческую систему; они хотели либо сами сесть на место своих господ, либо уйти от них и таким образом вновь добыть себе свободу. Самостоятельной, а тем более решающей роли в общественно-политической жизни Рима они не играли.

На протяжении столетий в Риме культивировалось представление о единстве римского гражданства, воплощавшееся во взгляде на государство как на ges

publica — «общественное достояние», «общее дело». С этой точки зрения рассматривалось историческое прошлое; единство, согласие римского народа было идеалом публицистики эпохи Гражданских войн. Но не больше, чем идеалом. Конечно, борьба между патрициями и плебеями, когда-то сотрясавшая Рим, уже в незапамятные времена исчерпала себя. Патриции были вынуждены признать полное гражданское равноправие плебеев. Однако очень скоро старую знать сменила новая — богатые и знатные патрицианские и плебейские роды, сконцентрировавшие в своих руках высшие должности в государстве. К середине II в. до н. э. суровая простота нравов, бедность и неприхотливость, о которых с восторгом повествует историко-публицистическая литература, давным-давно стали достоянием прошлого (если предположить, что они когда-нибудь реально существовали). В обществе все глубже становилась пропасть между горсткой знатных (в том числе и выбившихся в знать из низов) богачей, располагавших громадными ценностями, множеством вилл, ведших по всему Средиземноморью активную коммерческую деятельность, занимавших ключевые позиции во всех сферах политической жизни, и великим множеством тех, кто безысходно бился на жалком клочке земли или в крохотной мастерской, терпел постоянные притеснения сильных и богатых соседей, а то и, лишившись всего, шел в арендаторы или батраки, кормился за счет государственных выдач и подачек богатых покровителей. Каким было и как воспринималось положение римской бедноты накануне Гражданских войн, показывает известный отрывок из речи знаменитого народного трибуна Тиберия Семпрония Гракха: «Дикие звери, обитающие в Италии, и логовища имеют, и нора есть у каждого из них; тем же, кто за Италию сражается и умирает, принадлежат воздух и свет, а большие ничего; лишенные крова и бездомные, с детьми они бродят и женами. Полководцы обманывают воинов, в битвах призывая сражаться за гробницы и храмы: ведь ни у кого из столь многих римлян нет ни алтаря отеческого, ни могилы предков; за чужую роскошь и богатство они воюют и умирают. Говорят, они — владыки обитаемого мира, но нет у них ни единого клочка собственной земли». ⁴⁰ Александриец Аппиан, вдумчивый и обладавший огромным административным опытом историк-ис-

следователь (первая половина II в. н. э.), широко пользовавшийся свидетельствами современников и римской историографии о Гражданских войнах, рисует не менее впечатляющую картину. «Богачи, -- пишет он, -- захватили большую часть неразделенной земли («общественное поле». — *И. Ш.*) и со временем пришли к убеждению, что ее никто никогда у них не отнимет. А соседние с ними земли, те, что были ничтожными участками бедняков, они либо покупали, прибегая к уговорам, либо забирали силой. Огромные поля они обрабатывали как свои поместья. Они употребляли там покупных земледельцев и пастухов, отвлекая свободных от земледелия в походы. Кроме того, это хозяйство давало им большую выгоду вследствие многодетности рабов, размножавшихся в безопасности, так как они не участвовали в походах. От этого власть имущие очень обогащались и численность рабов в стране возрастала, а италийцы испытывали скудость и малодушие, изнуренные бедностью, и податями, и походами. Но если даже они освобождались от этого, они не занимались трудом, потому что землей владели богатые, и они употребляли земледельцев-рабов, а не свободных».⁴¹ Борьба этих двух социальных группировок, в конечном счете борьба за землю мелкого землевладения с крупным с теми модификациями, которые были обусловлены существованием рабства, составляла, по точному наблюдению К. Маркса, * основное содержание внутренней истории римского общества интересующей нас эпохи. К этому, по-видимому, следует добавить еще один аспект, очевидный, когда анализируешь ход событий, — борьбу внутри господствующей прослойки за власть и все новые и новые пределы власти.

Ситуация осложнялась острыми конфликтами внутри правящих кругов и плебейства. На поверхности событий постоянно наблюдаются конфликты и столкновения между различными политическими группировками, а также стычки в самих этих группировках, вызывавшиеся стремлением людей, оттесненных на второй план, пробиться к власти; в правящую элиту («нобилитет») рвались «новые люди» — выскочки, стремившиеся овладеть высшими должностями в государстве. Городской и сельский плебс враждовали между собою.

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 89.

Другим осложняющим фактором была широко распространенная система патроната (покровительства), развившаяся, по-видимому, из родовой и соседской взаимопомощи и заступничества за социально слабыми. Римский патронат был системой взаимозависимости, где права и обязанности патронов и клиентов (покровительствуемых) регулировались обычаями и законом. Патроны должны были защищать своих клиентов от притеснений, судебных преследований и т. п., снабжать в случае необходимости деньгами, вещами и продовольствием, помогать в обзаведении хозяйством. Нарушение патроном его обязанностей по отношению к клиенту квалифицировалось как обман и влекло за собой по Закону XII таблиц страшную кару: такой патрон объявлялся проклятым (т. е. на него налагалась табу) и он оказывался отверженным. В свою очередь клиенты обязаны были хранить верность своему патрону: присутствовать при его пробуждении, находиться в его свите, поддерживать его своим голосом, а если понадобится, то и кулаками или мечом, выполнять его поручения и требования, в том числе и работать в его хозяйстве. Эта религиозно освященная взаимозависимость позволяла патронам не только эксплуатировать своих клиентов, но и опираться на них в борьбе за власть. Она раскалывала плебс; отдельные его группировки связывали свои надежды не с успехами общей борьбы против аристократической верхушки, а с приходом к власти своего патрона. При благоприятных обстоятельствах она могла стать своеобразным стержнем личной власти предприимчивого авантюриста.

И наконец, сама структура римского гражданства и Римское государство как политический организм претерпели серьезные изменения. В 88 г. до н. э. закончилась длившаяся три года кровопролитнейшая Союзническая война, поставившая Рим на грань катастрофы. В процессе завоевания Италии римляне создали сложную систему союзов и подчинения. Правовой статус различных италийских обществ не был одинаковым; необладание римским гражданством делало италиков политически бесправными и серьезно затрудняло их хозяйственную деятельность, лишало их уверенности в завтрашнем дне, в имущественной и социальной стабильности. Между тем Италия под властью Рима достигла такого уровня экономического

и политического единства, который превращал ее фактически в централизованное территориальное государство. Начиная Союзническую войну, италики вовсе не добивались ликвидации этого государства; они требовали равноправия с римлянами и получили его, несмотря на то что потерпели военное поражение. В результате исконные римские граждане растворились в италийской массе и потеряли бывшее привилегированное положение; Римское государство перестало быть городом-государством в строгом смысле слова, и его правительство должно было в своих действиях учитывать не только собственно римские, но и общейталийские интересы. Эти изменения были поняты в Риме далеко не сразу.

Во II—I вв. до н. э. римское общество и государство переживало глубокий внутренний кризис. Древние полисные институты в ситуации, когда резко обострились социальные противоречия, не гарантировали стабильности и устойчивого порядка. Они не обеспечивали условий, при которых состоятельные люди могли бы спокойно владеть своим богатством, а бедняки рассчитывать на улучшение своего положения и на поддержку со стороны государства. Превращение бывших союзников Рима в римских граждан потребовало приспособления традиционной римской политической системы, ставшей недостаточно эффективной, к новому положению вещей. Восстания рабов в Сицилии и в самой Италии были подавлены только в результате напряжения всех сил государства, но и они обнаружили внутреннюю слабость государственных учреждений. На этой почве в обществе произрастает немислимое прежде равнодушие к государству и его судьбам, стремление замкнуться в мире личных интересов и переживаний.

Римская политическая мысль интересующей нас эпохи видела основную причину кризиса в моральном разложении общества. Так бывает всегда, пока не познаны законы общественного развития, и существующий строй, общественный и государственный, представляется извечным, неизменным, отприродным установлением. Всякого рода социальные неурядицы объясняются порчей нравов, попранием отеческих норм и забвением высших духовных ценностей. Отсюда и ориентированность римской публицистики на идеализированное прошлое, казавшееся живым воплощением

совершенства, или на идеализированную жизнь первобытных народов, свободных от пороков цивилизации, от которых, как думалось, страдали римляне.

Послушаем, например, Гая Саллюстия Криспа (85—35 гг. до н. э.). Прежнее цветущее состояние римского общества он рисует, не жалея ярких красок: «Так вот, в мирное и военное время они блюли добрые нравы; было величайшее согласие и совсем не было жадности; право и добро были сильны у них не только по законам, но и по природе. Споры, раздоры, распри с врагами они устраивали; граждане с гражданами состязались в мужестве. В жертвоприношениях богам великолепными, дома бережливыми, друзьям верными они были. Двумя вот такими способами — доблестью на войне, справедливостью, когда наступал мир, они и о себе, и о государстве заботились. Этому я достовернейшими свидетельствами считаю то, что в войну чаще наказывались те, кто вопреки приказу с врагом сражались, и кто, будучи отозванным, слишком поздно выходил из битвы, чем те, кто осмеливались оставить знамена или, будучи оттесненными, покинуть место боя. А в мирное время они властвовали более благодеяниями, нежели страхом, и, претерпев несправедливость, предпочитали прощать, а не преследовать».⁴² Теперь, когда враги Рима покорены и побеждены, все изменилось: «сначала страсть к власти, а потом и к деньгам выросла; это была как бы причина всех бед. И действительно, жадность уничтожила верность, порядочность и другие хорошие качества; вместо них она учит высокомерию, жестокости, презирать богов, все считать продажным. Погоня за должностями принудила многих смертных стать лживыми, одно таить в груди, другое высказывать вслух, дружбу и вражду оценивать не по сути, но по выгоде, иметь лучше привлекательную наружность, чем добрый нрав. Это сначала понемногу возрастало, иногда наказывалось; позже, когда зараза, как язва, ворвалась, гражданство изменилось, власть из справедливейшей и наилучшей сделалась жестокой и невыносимой».⁴³ Продуктом этого общества был заговорщик Луций Сергий Катилина: «Луций Катилина был знатного происхождения, обладал могучей силой, и душевной и телесной, но нравом скверным и порочным. Ему с малолетства междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты были приятны, и в них

Марк Туллий Цицерон

он провел свою юность. Тело его сверх всякого вероятия терпело голод, холод, бодрствование. Душа его — смелая, хитрая, непостоянная; в любом деле он лицемер и притворщик, домогающийся чужого, расточающий свое, сгорающий в страстях, в меру красноречивый, недостаточно разумный. Душа его ненасытная постоянно испытывала страсть к непомерному, невероятному, чрезмерно высокому». ⁴⁴ Власть сената и суверенитет народа — таков политический идеал Саллюстия. Но путь диктатуры не был для него принципиально неприемлемым: не даром он обращался к Цезарю с проектами конкретных мер по оздоровлению Рима.

Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.), крупнейший римский оратор и мыслитель, активно участвовавший в общественно-политической жизни своего времени, придерживался, несомненно, этих же воззрений; его внимание было направлено на решение основного вопроса: как выйти из того невыносимого положения,

в котором римское общество находится. Взгляды Цицерона сформировались под греческим влиянием; он отталкивается в своих рассуждениях от разработанных греческим государствоведением теорий о трех видах государства (монархия, аристократия, демократия; соответственно искаженные формы: тирания, олигархия и охлократия — власть толпы) и приходит к выводу тому же точно, что и его греческие учителя. В 51 г. до н. э., когда Гаю Октавию Фурину было 12 лет, Цицерон опубликовал трактат «О государстве». Вот что он там пишет: «При таких обстоятельствах из трех основных типов самый превосходный, по моему мнению, — царская власть; но даже царскую власть превзойдет такое государственное устройство, которое возникнет в результате равномерного смещения трех наилучших форм государства. Желательно ведь, чтобы в государстве было бы нечто выдающееся и царственное, было бы также нечто другое, уделенное и переданное авторитету первенствующих, и были бы какие-то дела, оставленные суждению и воле толпы. Такому устройству свойственно, во-первых, некое великое равенство, долго быть лишенными которого свободные едва ли могут, затем — прочность, потому что те, упоминавшиеся ранее, легко превращаются в порочные противоположности, так что возникает из царя владыка, из аристократов — клика, из народа — беспорядочное скопище, и потому что сами эти типы часто сменяются новыми типами. Это при таком объединенном и умеренно смешанном государственном устройстве случается разве что при огромных пороках первенствующих. Да и нет причины для переворота там, где каждый прочно помещен на своем месте, и ему некуда упасть или свалиться».⁴⁵ И дальше: «Я считаю наилучшим образом устроенным такое государство, которое умеренно смешано из трех этих типов — монархического, аристократического и демократического — и не вызывает, наказывая, жестокости и злобы».⁴⁶ Целиком в духе этих рассуждений Цицерона его постоянные призывы к установлению «единомыслия сословий», «согласия всех добрых людей», без чего государство становится игрушкой правящих клик и гибнет. Существует только один способ воплотить этот идеал в жизнь: «Пусть будет противопоставлен ему (Тарквинию Гордому. — *И. Ш.*) другой — добрый, и мудрый, и опытный в том, что приносит пользу госу-

дарству, как бы опекун и управитель государства; ведь так следует называть того, кто бы стал правителем и кормчим города. Такого мужа сумеете распознать: это он может советом и деяниями охранять общество». ⁴⁷ Важнейшими качествами идеального правителя Цицерон считал ученость, мудрость, справедливость, умеренность и красноречивость, ⁴⁸ его высшей целью — благо народа, а его воплощением — себя. ⁴⁹

Повторно к этой проблеме Цицерон обратился в 44 г. до н. э. в трактате «Об обязанностях». Только что погиб Гай Юлий Цезарь; Рим переживал предельно острую политическую ситуацию; Гай Октавий Фурин делал свои первые шаги на арене большой политики. Каким будет новое государственное устройство? Кто унаследует безграничную власть Цезаря? В этих обстоятельствах Цицерон создает образ «доброго мужа» — идеального римлянина, приверженца староримских устоев и традиций, умеренного и воздержанного, носителя «добропорядочности», т. е. стремящегося к постижению истины, к справедливости и щедрости, к свободе от суетного корыстолюбия, от погони за славой, властью, должностями, наслаждениями. В плане общественном высший долг состоит в служении государству, а в конечном счете общему благу. «Но если ты взвесишь все рассудком и душою, — пишет он, — ни одна из этих связей не является для нас ни более сильной, ни более дорогой, чем те, которые связывают с государством. Дороги родители, дороги дети, но из всех все привязанности объединяет в себе одно отечество. Кто добрый усомнится умереть за него, если ему это пойдет на пользу?». ⁵⁰ Исходя из своих общетеоретических положений, Цицерон набрасывает портрет идеального государственного деятеля: «Суровый и сильный гражданин, и в государстве достойный первенства, предаст всего себя государству и не будет стремиться ни к богатству, ни к власти, и его целиком так станет оберегать, чтобы заботиться обо всех. И он не станет возбуждать ненависть или недоброжелательство к кому-либо ложными обвинениями и вообще настолько будет привержен справедливости и добропорядочности, что, дабы это сохранить, пойдет на самые тяжелые столкновения и скорее умрет, чем отступится от того, о чем я говорил». ⁵¹ И далее: «Прямая обязанность магистрата — понимать, что он действует как предста-

витель общества и должен поддерживать его достоинство и славу, блюсти законы, определять права и помнить, что они поручены его верности. Частному человеку надлежит жить с согражданами в условиях равноправия и не быть ни униженным и подавленным, ни заносчивым, а в государственных делах желать того, что спокойно и добропорядочно. Такого человека мы обычно и считаем, и называем хорошим гражданином. Чужеземцы же и поселенцы должны заниматься только своими делами и не беспокоиться о чужих, тем более интересоваться чужим государством».⁵²

Конечно, опыт Цицероновского поколения вступал в резкое и всем очевидное противоречие с этими политическими мечтаниями. Люди помнили беспощадные преследования, конфискации, царство ужасающего террора, казни и убийства поверженных врагов, а то и просто людей, ни к чему не причастных, но имевших несчастье быть богатыми, нажать соперников и конкурентов, вызвать чью-то зависть и злобу, — помнили и со страхом ждали все новых и новых бедствий. Вот почему их так поражали небывалые и неслыханные качества — кротость и милосердие правителя;⁵³ вот почему Цицерон снова и снова многословно прославляет милосердие, кротость, справедливость, умеренность, мудрость Цезаря, благодаря его за возвращение в Рим Гая Клавдия Марцелла, одного из самых жестоких его противников.⁵⁴ Нужды нет, что Цезарем двигал точный политический расчет и что Цицерон был далек от искренности в своих восхвалениях; после гибели Цезаря в трактате «Об обязанностях» он даст себе волю и охарактеризует убитого диктатора как преступника, тиранического правителя. И тот, и другой, каждый по-своему, выразили общественные настроения, характерные для эпохи потрясений и Гражданских войн.

Взгляды Саллюстия и Цицерона отражали идеи века, имевшие хождение в римских аристократических кругах. Именно их программу воплотил в жизнь Гай Октавий Фурий — будущий Император Цезарь Август.

Но возвратимся к нашему рассказу. В день мартовских ид. . .

НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ

В день мартовских ид (15 марта) 44 г. до н. э. у входа в сенат на глазах у многочисленных сенаторов, даже пальцем не пошевеливавших, чтобы спасти его жизнь, Цезарь был убит. Говорили, что на его теле нашли 23 раны.

Собственно, такой финал этой блестящей общественно-политической карьеры теперь, с расстояния более чем в два тысячелетия представляется закономерным и неизбежным, хотя современники и восприняли события как удар грома среди более или менее ясного неба. Нельзя же было принимать всерьез ворчание и хмурые лица римских аристократов, угодливо склонившихся перед каждым, за кем стояли хорошо вооруженные и обученные легионы.

Упорная борьба Цезаря за власть с его основным противником Гнеем Помпеем завершилась его полной победой. Летом 48 г. до н. э. в битве при Фарсале Помпей был разгромлен, бежал в Египет и там был предательски убит. В августе 46 г. до н. э. в сражении при Тапсе были побеждены помпеянцы, собравшиеся в Африке, а в марте 45 г. до н. э. в бою при Мунде Цезарь наголову разбил помпеянцев, находившихся в Испании. Но уже в конце 48 г., вскоре после Фарсала, Цезарь стал постоянным диктатором с начальником конницы, фактическим наместником Италии, Марком Антонием, одним из ближайших его сподвижников. Тогда же Цезарь получил трибунскую власть, которая давала ему возможность вмешиваться в дела и действия магистратов и сената, отменять их решения и распоряжения, а также право в течение пяти лет быть консулом, т. е. возглавлять пирамиду исполнительной власти. При выборах магистратов Цезарь мог теперь рекомендовать удобных ему кандидатов; нет необходимости говорить, что каждая такая рекомендация фактически была непрекаемым приказом. Значительно расширив состав

сената (до 900 человек) и увеличив количество магистратов (эдилов, квесторов и преторов), он пополнил открывшиеся места и должности своими сторонниками. Особое место в титулатуре Цезаря занял императорский титул. Последний вовсе не был нововведением. Римские солдаты издревле провозглашали императором («повелителем») удачливого победоносного полководца, одержавшего решительную победу над неприятелем; императорский титул давал право на триумф — высшую почесть, которой мог удостоиться римский военачальник. Находясь вне иерархии магистратур, императорский титул не давал реальной власти. Однако теперь он наполнился новым содержанием: императора стали рассматривать в качестве носителя империя — высшей, по римским понятиям, военно-административной власти. Цезарь сделал его своим личным именем и стал называться Император Гай Юлий Цезарь. Кроме этого, он получил титул «отца отечества»; его особа была объявлена священной и неприкосновенной; для него были изготовлены специальные кресла из слоновой кости с золотой отделкой; на жертвоприношениях Цезарь теперь появлялся в одежде триумфатора, т. е. царской.

Для того чтобы удовлетворить своих солдат и других, кто нуждался в земле, Цезарь начал осуществление программы интенсивной колонизации Африки, Испании, Галлии, Македонии, Греции и Понта: всего он поселил в основанных им колониях около 80 тыс. человек.¹ Эта политика должна была создать опору власти Цезаря, укрепить господство Рима в провинциях и сделать диктатора популярным в Италии: ведь он сумел своим ветеранам землю дать, и обойтись без конфискаций земли, которых все со страхом ожидали. В самом Риме Цезарь вел последовательную линию на примирение с врагами-помпеянами и другими противниками своей власти. Чтобы крепче привязать к Риму провинции, он щедро предоставлял отдельным областям и городам римское гражданство или латинское право, упорядочивал сбор податей, ограничивал откупную систему и следил за неукоснительным соблюдением закона о вымогательстве.

И тем не менее Цезарь постепенно оказывался в изоляции. Он уменьшил численность получателей бесплатного хлеба с 300 тыс. до 100 тыс. человек, и это

чувствительно ударило по плебсу. Его провинциальная политика не могла быть выгодной для всадников, которые видели в провинциях объект нещадной эксплуатации и инструмент своего обогащения. Римской знати, лишившейся фактически не только власти, но и перспективы когда-нибудь к ней пробиться, самодержавие Цезаря казалось чуть ли не вселенской катастрофой, полным крушением и привычного образа жизни, и государственных устоев. В апреле 45 г. до н. э. Сервий Сульпиций Руф, выражая соболезнования Цицерону по случаю смерти его нежно любимой дочери Туллии, писал: «То у нас отнято, чем люди должны дорожить не меньше, чем детьми, — родина, честь, достоинство, все почести».² «Почести» — т. е. не только знаки почтения и достоинства, но еще и государственные должности.

Губительным для Цезаря в глазах римского общественного мнения было его кокетничанье с царским титулом и в конце концов откровенное стремление к царскому венцу. К статуям древних царей, стоявшим на Капитолии, Цезарь велел присоединить и свою собственную; он появлялся в пурпурном плаще и красных сапогах, которые по преданию носили его предки — цари Альбы Лонги; он не соизволил встать, когда сенат прибыл к нему.³ 26 января 44 г. до н. э. приверженцы Цезаря попытались провозгласить его царем, но урюмое молчание народа заставило их отказаться от этого намерения; 15 февраля Цезарю предложил царский венец его ближайший приспешник Марк Антоний, и снова явное недовольство народа вынудило Цезаря отвергнуть корону. Цезарь готовился к войне с Парфией, и в Риме распространялись слухи, что, согласно оракулам, только царь может победить парфян. После изгнания Тарквиниев царская власть традиционно считалась в Риме явлением, чуждым и даже враждебным римской государственной системе, а желание овладеть ею — тягчайшим государственным преступлением. В конце концов была найдена формула, которую сочли наиболее удобной: «внутри» Цезарь должен был оставаться носителем республиканских магистратур и соответствующих полномочий, тогда как «вовне» он должен был выступать в роли царя подвластного ему эллинистического мира. Это хитроумное измышление могло обмануть разве что грудных младенцев. Все хорошо понимали, что провозглашение Цезаря ца-

рем — не более, чем вопрос времени и более или менее благоприятной политической конъюнктуры.

Злоумышления против Цезаря, планы убить его и восстановить «древние» порядки сенатской республики возникали в римской аристократической среде уже в 46 г. до н. э.; по крайней мере о некоторых из них Цезарь был хорошо осведомлен. В начале 44 г. до н. э. сложился еще один заговор; его возглавили Марк Юний Брут Цепион и Гай Кассий Лонгин. В нем участвовали сенаторы и всадники — не только старые враги помпеянцы из тех, кого Цезарю так и не удалось приручить, но и бывшие сподвижники — цезарианцы, всего от 60 до 80 человек.⁴ 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит.

* * *

Находясь в Аполлонии, Гай Октавий Фурин проходил обучение военному делу в кавалерийских подразделениях, прибывших из Македонии. Три месяца продолжалась жизнь знатного и влиятельнейшего аристократа, родственника самого Цезаря. Известен рассказ,⁵ как вместе с Агриппой Октавий посетил в Аполлонии «математика» (астролога) Феогена и получил от него благоприятный оракул; Феоген будто бы бросился к его ногам. Октавия окружали и постоянно навещали командиры всадников, добивавшиеся в своих карьерных целях его расположения; повсюду шли разговоры, как милостив Октавий и как его любит войско.⁶ Пошел четвертый месяц. . .

Получив внезапно от матери известие о гибели Цезаря от руки наиболее близких ему и авторитетнейших в его глазах людей,⁷ Октавий был повергнут в смятение.⁸ Он поначалу ничего не знал: действовали заговорщики на свой страх и риск, или же за ними стоял сенат, расправился ли с убийцами народ, или же они пользуются всенародной поддержкой.⁹ Октавия осаждали центурионы легионов, расквартированных вблизи Аполлонии, обещая защиту, убежище и поддержку.¹⁰ Из Рима он получал советы искать убежища в войсках и потом, убедившись в непричастности сената к убийству, отомстить преступникам.¹¹ Октавий колебался; его ближайшие друзья, Сальвидиен и Агриппа, тоже советовали ему не пренебрегать предложениями центури-

*Гай Юлий Цезарь Октавиан
в молодости.*

онов;¹² однако мать Октавия Атия выражала свои сомнения, а его отчим Филипп решительно отсоветовал поступать таким образом.¹³ Более того: в своем письме Октавию оба, Атия и Филипп, рекомендовали ему не рисковать, помня о судьбе Цезаря, которого загубили лучшие друзья, удалиться в частную жизнь, при сложившихся обстоятельствах наименее опасную, и, соблюдая всю возможную осторожность, вернуться в Рим под родительский кров.¹⁴ В конце концов Октавий счел обращение к легионам преждевременным и «незрелым»¹⁵ и, не имея надежной информации о том, что происходит в Риме, решил отправиться в Италию без армии, как частное лицо. Впрочем, он отправился не обычным путем через Ионийское море в Брундисий,¹⁶ — ведь он не знал о настроениях стоявших там войск, а в расположенный неподалеку от Брундисия небольшой городок Лупии.¹⁷ Находясь там, он сразу же начал собирать информацию о том, что происходит в Риме,

и налаживать контакты с нужными и влиятельными людьми.¹⁸

Положение в Риме после смерти Цезаря было крайне тревожным. Заговорщики, по-видимому, даже не задавали себе вопроса, что они станут делать после осуществления своего замысла; Цицерон,¹⁹ отдавая должное их мужеству, не зря называл их намерения детскими. Надежды, что народ и сенат с восторгом встретят убийство тирана, не оправдались. Перепуганные сенаторы разбежались, в Риме началась паника, убийства, насилия; народ не поддержал заговорщиков, но на первых порах не поддержал и цезарианцев. Люди запирались в домах и готовились защищаться. . .

Впрочем, цезарианцы очень скоро вышли из шокового состояния. Пока заговорщики и их сторонники (претор Луций Корнелий Цинна, избранный консулом на 43 г. до н. э. Гней Корнелий Долабелла) устраивали публичные демонстрации и произносили патетические речи, они действовали. Ближайшие к Цезарю люди — Марк Эмилий Лепид, начальник конницы, т. е. фактически первый помощник диктатора, и Марк Антоний, в момент убийства консул, договорились о совместных действиях. Антоний (родился в 83 г. до н. э.) происходил из знатного рода (Антонии вели свое происхождение от Геркулеса), но обедневшего и деградировавшего. У Антония не было средств для разгульной аристократической жизни, которую он вел. К моменту гибели Цезаря его долги достигали 40 млн сестерциев; правда, это говорит его злейший, смертельный враг.²⁰ Его отчим Публий Лентул был с позором изгнан из сената, участвовал в заговоре Катилины и был казнен. Сам Антоний делал военную карьеру сначала в армии Авла Габиния, где он стал командующим всадниками, а затем при особе Цезаря. Лепид был выходцем из богатого патрицианского рода; он проделал карьеру, обычную для знатного римлянина. В 49 г. до н. э. Лепид был претором и присоединился к Цезарю. В отличие от самого Цезаря и Антония сколько-нибудь яркими личными качествами и дарованиями полководца и государственного деятеля он не обладал. Однако именно Лепид первым предпринял активные действия для того, чтобы овладеть положением. Уже 16 марта он выступил с требованием отомстить убийцам Цезаря,²¹ ввел в город войска и занял Форум; Антоний, поначалу запершийся

в своем доме, появился в городе вооруженным, всем своим видом демонстрируя готовность к борьбе; повсюду были разосланы вестники к тем, кто пользовался милостями Цезаря, был поселен в городах, получил от него земли и денежные награды. Цезарианцы стягивали в Рим своих сторонников.²²

Однако начинать еще одну гражданскую войну пока никому не хотелось. Противники Цезаря и цезарианцы договорились о том, что Антоний в своем качестве консула созывает сенат, и заседание состоялось 17 марта. Заговорщики на него не явились. У храма Земли, где собрались сенаторы, скопилась огромная, до предела наэлектризованная толпа (там было много ветеранов), открыто поддерживавшая цезарианцев. В сенате раздавались голоса тех, кто требовал объявить Цезаря тираном и выразить тираноубийцам благодарность. На это Антоний заявил, что тогда сенату придется отменить и все веления Цезаря: тем, кто получил должности и сенаторские кресла от Цезаря, пришлось бы от них отказаться. Такой поворот событий многих сенаторов, обязанных Цезарю своим положением и состоянием, не устраивал; естественно, у них вызвали сочувствие речи Антония, который энергично противился всяким предложениям, направленным против Цезаря, и добивался подтверждения всех его распоряжений. В конце концов было принято компромиссное предложение Цицерона, который принял сторону заговорщиков: амнистия, и следовательно безнаказанность, убийцам Цезаря; утверждение и проведение в жизнь всех решений и указаний Цезаря, в том числе и тех, которые намечены на будущее, а среди них — и о выводе колоний. По предложению зятя убитого диктатора Луция Кальпурния Писона похороны Цезаря взяло на себя государство.²³ В знак примирения была даже устроена совместная трапеза Брута и Кассия с Антонием и Лепидом. Фактически компромисс, достигнутый в сенате, был внушительной победой цезарианцев; убийцы Цезаря были юридически признаны преступниками, хотя и амнистированными. Ожидать, что соглашение между убийцами и приверженцами убитого будет хоть сколько-нибудь прочным, разумеется, не приходилось.

Незадолго до похорон Цезаря, вероятно 19 марта, по требованию Писона в доме Антония было прочитано завещание диктатора. Этот документ еще больше укре-

пил положение цезарианцев. Оказалось, что Цезарь, которого заговорщики представляли тираном и врагом республики, завещал государству свои сады за Тибром и каждому римлянину по 300 сестерциев. Основным наследником был объявлен Гай Октавий; ему предназначалось $\frac{3}{4}$ имущества. Еще одна четверть была завещана двум другим внучатым племянникам Цезаря — Луцию Пинарию и Квинту Педию. Гай Октавий, как уже говорилось, был усыновлен Цезарем и должен был унаследовать его имя. Наследниками второй очереди были назначены Марк Антоний и Децим Юний Брут — один из убийц Цезаря. В завещании упоминались и другие участники заговора. Эти детали также оказали свое эмоциональное воздействие на римлян.²⁴ Пройдет немного времени, и станет ясно, что расстановка сил, которую предусмотрел Цезарь в своем завещании, ведет к новому взрыву, новому туру борьбы за власть. Где-то в тумане маячила фигура наследника, но юнец без политического и военного опыта, без сколько-нибудь широкой известности, без реальной силы в руках — что он мог? . . .

Наступил день похорон (19 или 20 марта), и поминальную речь произнес Марк Антоний, выступавший в качестве коллеги по консульству, друга и родственника.²⁵ Траурная церемония была организована так, чтобы вызвать народное возмущение против убийц. Рядом с погребальным ложем на столбе была выставлена окровавленная одежда Цезаря. При совершении обрядов, во время заупокойных игр пелись стихи из трагедии Марка Пакувия (200—ок. 130 г. до н. э.) «Суд о доспехах»: «Не я ли спас, чтобы были те, кто меня погубит?», и такие же отрывки из Электры, пьесы Атилия, малоизвестного драматурга II в. до н. э. Марк Антоний напомнил постановление сената, которым были декретированы Цезарю все божеские и человеческие почести, и клятву, которую все сенаторы поклялись блюсти жизнь одного — Цезаря; к этому, свидетельствует биограф Цезаря, он добавил несколько слов от себя.²⁶ То, что Антоний сказал «от себя», известно в двух изложениях, не полностью совпадающих одно с другим;²⁷ тем не менее, ясно, что он чрезвычайно эмоционально и со всевозможными театральными эффектами восхвалял Цезаря, оплакивал его мученическую смерть и жестокую несправедливость, которую он

претерпел, и то намеками, то явно угрожал отомстить убийцам. Пока он говорил, над траурным ложем подняли восковую статую Цезаря и показывали народу раны убитого. Цицерон имел, несомненно, право оценить речь Антония как подстрекательскую.²⁸ Толпа была предельно возбуждена; в городе началась охота за заговорщиками, причем погиб ни в чем перед Цезарем или его памятью не виноватый трибун Гай Гельвий Цинна, которого случайно спутали с Луцием Корнелием Цинной;²⁹ дома, в которых заговорщики жили, пытались разграбить и сжечь. В пламени пожара погиб дом некоего Луция Беллиена.³⁰ События грозили выйти из-под контроля их организаторов. Во главе народных выступлений попытался встать Гай Аматиий (Лже-Марий; по всей видимости, грек Герофил из южной Италии), однако Антоний арестовал его и казнил, а Долабелла окончательно расправился с его приверженцами.³¹ Перепуганные событиями заговорщики и их сторонники бежали из Рима.

Во всех этих событиях Антоний вел себя как признанный вождь цезарианцев и естественный преемник Цезаря. Сам он был консулом, его брат Луций — народным трибуном, а еще один брат, Гай, — претором;³² обладание этими позициями обеспечивало Антонию фактическую власть. Лепид, ставший великим понтификом, был оттеснен на второй план. Традиция, дожившая до IV в. н. э.,³³ именно Антонию приписывает организацию похорон; родственники убитого диктатора (Писон, Луций Юлий Цезарь) возражали, а Долабелла убрал с Форума колонну, воздвигнутую при погребальной церемонии. Еще в ночь с 15 на 16 марта Антоний захватил в доме Цезаря, видимо с согласия его жены Кальпурнии, его записи, документы и деньги;³⁴ основываясь на постановлениях сената и постоянно ссылаясь на волю Цезаря, Антоний мог проводить свою политику, щедро раздавая цезарианцам деньги, должности и сенатские кресла, распределяя и перераспределяя провинции. Он не забыл и себя, назначив себе Македонию; Долабелла должен был получить Сирию. Это были провинции, которые раньше предназначались Бруту и Кассию; им взамен были предоставлены Кирена и Крит.

Желая укрепить свою власть, Антоний попытался сблизиться с сенатской оппозицией Цезарю. В частно-

сти, он предложил вызвать из Испании Секста Помпея, сына Гнея Помпея, наследственного врага Цезаря, с которым все еще вели войну полководцы Цезаря; в возмещение конфискованного отцовского имущества ему предполагалось выдать 50 млн аттических драхм; кроме того, он должен был бы вступить в командование римским флотом. Сенат принял это предложение, рассчитывая с помощью Секста Помпея возродить демократический режим, и одновременно позволил Антонию иметь личную вооруженную охрану, которую Антоний довел до 6 тыс. человек.³⁵

Из этой сделки ничего хорошего для сената не получилось. Секст Помпей в Рим не возвратился, так что связанные с ним планы провалились. Между тем Антоний на законном основании получил возможность формировать воинское подразделение своих наемников, на которых в случае необходимости он мог опереться. Но и независимо от этого переломить настроения сенаторов в свою пользу Антоний не сумел. Его хозяйничанье вызывало недовольство. Цицерон, несомненно, выражал общее мнение, когда писал, что хотя «тиран устранен, тирания осталась», и что «мы повинемся записной книжке того, чьими рабами не в состоянии были быть».³⁶ К тому же Антония обвиняли, видимо не без оснований, в том, что он с помощью Фаберия, писца Цезаря, фальсифицировал записи последнего в свою пользу.³⁷

* * *

Явившись в Луции, Октавий получил там всю необходимую информацию — как произошло убийство Цезаря, как его погребли, что происходит в Риме; получил он и копии завещания и постановлений сената. Мать и отчим настойчиво советовали ему в письмах опасаться врагов Цезаря, чьим сыном и наследником он должен был стать, и отказаться от наследства и усыновления. Но Октавий поступил иначе. Он отправился в Брундисий. Стоявшее там войско приняло его как сына Цезаря, и он тотчас же в соответствии с завещанием переименовал свое имя. Отныне он стал называться Гай Юлий Цезарь Октавиан; последнее прозвище по римскому обычаю указывало на его происхождение из рода Октавиев. Впрочем, сам Октавиан его никогда не

употреблял; им пользовались его противники (в современной науке оно используется во избежание недоразумений). Эта демонстрация показала, что он принимает завещание и претендует на положение главы цезарианцев.³⁸

И сам Октавиан, и все вокруг, в Италии и в Риме, хорошо понимали, что на этой почве неизбежен конфликт между ним и Антонием; данная тема всплывает в переписке Цицерона с Аттиком, которая вводит нас в самую гущу событий. Октавиану были нужны связи в римском обществе, и поэтому его первым шагом в затейной им сложной политической игре стала поездка в Неаполь (18 апреля), где он на следующий день встретился с Бальбом; оттуда, ни дня не медля, он отправился на куманскую виллу Цицерона и там беседовал с этим влиятельнейшим сенатором и врагом цезарианцев, прежде всего Антония, о своем вступлении в наследство.³⁹ Из следующих писем мы узнаем новые подробности. Оказывается, Октавиан остановился на вилле своего отчима; во время встречи с Цицероном он держался так, что этот постоянно довольный собой самолюбивый пэзер решил, будто Октавиан ему «целиком предан».⁴⁰ Действительность была иной. Во время визита к Цицерону Октавиана сопровождали его отчим Луций Марций Филипп и зять (муж его сестры) Гай Клавдий Марцелл; они договорились, что Цицерон использует все свое влияние в сенате и в народном собрании для поддержки Октавиана, а последний обеспечивает ему защиту.⁴¹ Очевидно, имела место элементарная политическая сделка: обе стороны объединялись против общего врага — Антония.

Между тем в Брундисий к Октавиану стекались цезарианцы — друзья Цезаря, его вольноотпущенники, рабы и воины; одни везли снаряжение и деньги в Македонию, другие доставляли деньги и подати, поступавшие из других провинций, в Брундисий.⁴² Настроения октавиановского окружения очень беспокоили Цицерона. 22 апреля Цицерон пишет Аттику: «С нами здесь почтительнейший и дружественнейший Октавий, хотя его люди приветствуют его Цезарем, но Филипп этого не делает, и я тоже: я отрицаю, что он может быть добрым гражданином; его окружают многие, заявляя, что это невозможно вынести; как ты думаешь, что

будет, когда мальчишка явится в Рим, где наши освободители не могут быть в безопасности?».⁴³

Наконец, Октавиан двинулся в Рим. Сопровождавшая его толпа цезарианцев росла с каждым днем; ветераны Цезаря и колонисты приходили его приветствовать; они оплакивали Цезаря, поносили Антония за то, что он не отомстил за столь гнусное преступление, и выражали готовность сражаться, если их кто-нибудь поведет в бой.⁴⁴ Октавиан с удовольствием все это выслушивал: демонстративная поддержка цезарианцев, ветеранов и колонистов, была ему действительно необходима; однако вести их на Рим он не хотел, надеясь, быть может, договориться с Антонием.

В Рим Октавиан прибыл в конце апреля как частное лицо, скромно и с небольшой свитой, желая показать, что он озабочен только принятием наследства.⁴⁵ Впрочем, по Риму поползли слухи, возможно инспирированные самим Октавианом, что при его вступлении в город вокруг солнца появилось радужное кольцо, а в гробницу Юлии, дочери Цезаря, ударила молния.⁴⁶ Каждый мог догадываться о значении этих предзнаменований. Октавиан всячески старался показать, что он никому не угрожает, не затаил недовольство и не предполагает мстить.⁴⁷

На следующий день по приезде Октавиан сообщил претору Гаю Антонию, брату упоминавшегося выше Марка Антония, о том, что он принимает усыновление Цезаря, и его заявление было официально запротоколировано.⁴⁸ Около 9 мая народный трибун Луций Антоний, другой брат Марка Антония, представил Октавиана народному собранию; там Октавиан произнес речь. Он говорил о своем решении принять наследство главным образом для того, чтобы выполнить завещание Цезаря и раздать римлянам по 300 сестерциев.⁴⁹ Однако взаимные улыбки продолжались недолго. Уже первая встреча Октавиана с Антонием показала, насколько их противоречия глубоки. По сути дела Октавиан потребовал у Антония власти и захваченных им денег, которые должны были получить наследники первой очереди, т. е. прежде всего Октавиан. Излагая речь Октавиана, обращенную к Антонию, Аппиан вкладывает в уста говорящего упреки в том, что Антоний не отомстил убийцам, требование помогать или хотя бы не мешать, когда он, Октавиан будет совершать месть, и возвра-

тить деньги Цезаря («чеканное золото», — пишет Аппиан), которых должно хватить для раздач тремстам тысячам человек. Слухи, ходившие по Риму, будто Октавиан не требует у Антония своих денег, можно рассматривать, очевидно, как очередной пропагандистский трюк. Содержался в речи и легкий намек на самое щекотливое обстоятельство, именно, что Цезарь избрал своим приемным сыном (и, как подразумевалось, приемником) его, Октавиана: «Сказано тебе (это) как ближайшему другу Цезаря и удостоенному им наибольшей почести и власти, который, наверно, и сам бы стал его приемным сыном, если бы он знал, что ты предпочитаешь быть потомком Энея, а не Геркулеса». ⁵⁰ Со своей стороны Антоний решил с первых же шагов продемонстрировать разницу между собою — консулом, обладающим фактически верховной властью, и явившимся бог весть откуда, приняв всерьез завешание Цезаря, наглым мальчишкой-претендентом. Антоний заставил Октавиана долго ждать приема у ворот в Помпеевы сады, где он тогда находился; весь Рим должен был видеть и глубочайшее унижение Октавиана, и то, что он приходит к Антонию просителем. ⁵¹ Отвечая Октавиану, если следовать изложению Аппиана, Антоний сразу же заявил, что Цезарь вместе со своим именем и наследством вовсе не завещал и не мог завещать Октавиану власть, так что все претензии такого рода со стороны Октавиана беспочвенны; уступки сенату были сделаны для того, чтобы обеспечить Цезарю почетное погребение; от денег, принадлежавших Цезарю, ничего не осталось, а на другое имущество Цезаря много претендентов, которые будут требовать их по суду. Не обошел Антоний и скрывавшихся в речи Октавиана ядовитых стрел. Он шел напролом: «Ты намекаешь, будто я стремлюсь к высшей власти, хотя я не стремлюсь, но и не считаю для себя недостойным быть верховным правителем; ты огорчаешься, что меня нет в завещании, а сам признаешь, что мне достаточно и происхождения от Геркулеса». ⁵²

Разрыв был полным и для Октавиана имел тяжелые последствия. Конечно, Октавиан набирал очки в пропагандистской борьбе: слишком разителен был контраст между ним, обнаруживавшим по отношению к Антонию внешнюю почтительность, и последним, оскорблявшим его и наносившим ему жестокие обиды.

И все же Антоний, делая вид, что он хлопочет об утверждении усыновления Октавиана на куриатных комициях, добился с помощью одного народного трибуна, что принятие соответствующего решения было отложено. По сути дела он воспрепятствовал оформлению усыновления Октавиана;⁵³ строго говоря, Октавиан не был признан сыном Цезаря, хотя и продолжал себя так называть и именоваться Гай Юлий Цезарь. Из окружения Антония про Октавиана распространялись порочащие слухи (наш источник, естественно, отзываясь о них, как о клевете); его обвиняли в разврате и мужеложестве; именно этим способом он якобы добыл себе усыновление и даже пытался заработать 300 тыс. сестерциев.⁵⁴ Что бы Октавиан ни предпринимал, Антоний всячески старался ему помешать и чинил по отношению к нему всякого рода беззакония и несправедливости.⁵⁵ Другой стороной этой политики Антония были его попытки, правда чрезвычайно непоследовательные, сблизиться с убийцами Цезаря и стоявшими за ними сенаторскими кругами. Именно так воспринимали (или пытались убедить Антония, что именно так воспринимают) поведение Антония сами Брут и Кассий, выразившие свое беспокойство по поводу того, что в Риме собираются толпы ветеранов.⁵⁶ Имелись в виду, очевидно, стекавшиеся в Рим сторонники Октавиана. Антоний ответил на упреки резким эдиктом и таким же письмом непосредственно Бруту и Кассию.⁵⁷ Желая сохранить популярность в среде цезарианцев, Антоний не мог поступить иначе, но заигрывание продолжалось.

Денег ожидать Октавиану было также неоткуда; он не только не мог рассчитывать на заем из казны или у Антония, но сенат постановил потребовать государственные деньги, которые, как полагали, Цезарь забрал себе. Кроме того, начались непрерывные многочисленные судебные разбирательства по поводу земельных владений, которые присвоил Цезарь в ходе проскрипций, казней и изгнаний. Все эти процессы Октавиан проигрывал, и его долги непрерывно росли.⁵⁸

Свои стесненные обстоятельства Октавиан ловко обратил себе на пользу. Антоний уклонялся от завещанных Цезарем раздач; Октавиан все унаследованное и полученное им имущество предназначил на продажу, чтобы раздать деньги народу, а затем на эти же цели

обратил наследство, причитавшееся Педию и Пинарию, а также свое личное состояние, унаследованное от Гая Октавия-отца и от других лиц, имущество матери и отчима. Все продавалось дешево, все раздавалось всеми подряд, причем раздачи воспринимались получателями уже не как завещанные Цезарем, а как исходящие непосредственно от Октавиана. Как бы то ни было, последний имел основания заявить в своей политической автобиографии,⁵⁹ что он отсчитал римским плебеям в соответствии с завещанием отца каждому по 300 сестерциев. Такое поведение способствовало росту популярности Октавиана.⁶⁰

Ответом Антония на действия Октавиана стал аграрный закон, проведенный летом 44 г. до н. э. братом Антония, трибуном Луцием Антонием. Имелось в виду раздать ветеранам Цезаря пустовавшие и пригодные для обработки государственные земли. Осталось бы только Марсово поле, замечает Цицерон, если бы братья не были вынуждены бежать. В январе 43 г. до н. э. этот закон по предложению Луция Юлия Цезаря был отменен.⁶¹

3 июня 44 г. до н. э. Антоний провел (силой, утверждает Тит Ливий) чрезвычайной важности политический акт — закон об обмене провинциями. Его существо заключалось в следующем. Раньше в соответствии с решениями Цезаря Антонию предназначалась провинция Македония, обладание которой не давало сколько-нибудь ощутимых стратегических преимуществ, а Дециму Юнию Бруту, одному из убийц Цезаря, — Галлия, откуда можно было хозяйничать по всей Италии и в самом Риме. Вместо этого Галлию должен был получить Антоний, а Децим Брут — Македонию.⁶² Это был удар по антицезарианской партии; впрочем, подготавливая эту акцию и одновременно хлопоча о том, чтобы овладеть стоявшими в Македонии шестью легионами, Антоний провел через сенат закон, запрещающий установление диктатуры и внесение подобных предложений.⁶³

Тем временем приближались цирковые и театральные зрелища (первая половина июля 44 г. до н. э.), которые претор Гай Антоний устраивал в честь своего коллеги по претуре Марка Юния Брута, одного из главных убийц Цезаря. Сам Брут в Риме отсутствовал. Он рвался в Рим, но Цицерон и, видимо, другие его

сторонники ему отсоветовали.⁶⁴ Надеялись, что привлеченная богатыми представлениями толпа станет призывать его вернуться на родину. Смысл действий Гая Антония, за которым, несомненно, стоял его брат Марк, очевиден: Марк Антоний, группировавшиеся вокруг него цезарианцы предприняли еще одну попытку добиться соглашения с антицезарианскими сенаторскими кругами. В этом случае Октавиан оказался бы в критической ситуации. Однако толпы народа, инспирированные, конечно, Октавианом, заставили умолкнуть тех, кто требовал возвращения Брута.⁶⁵ Соглашение между Антонием и врагами цезарианцев было сорвано; Брут и Кассий решили отправиться в Македонию и Сирию, чтобы закрепиться там.

Между тем Октавиан снова и снова предпринимал шаги для того, чтобы укрепить свое положение среди цезарианцев и обрести в Риме официальный статус; снова и снова он наткнулся на сопротивление Антония. Эдил Критоний организовывал очередные зрелища, и Октавиан приготовил золотое кресло и венок, которые в соответствии с прежними решениями сената должны были выставляться в честь Цезаря. Критоний запротестовал: на играх, которые он устраивает на свои средства, он не допустит, чтобы Цезарю оказывались почести. Октавиан обратился к Антонию в качестве консула; Антоний сначала предложил ему внести дело на рассмотрение сената, а когда разгневанный Октавиан в чрезвычайно грубой форме стал настаивать, не позволил ему выполнить свое намерение.⁶⁶ Прошло некоторое время, и Октавиан сам устроил зрелища в честь Венеры-Прародительницы; они были учреждены самим Цезарем по поводу победы при Тапсе. Так как лица, которым они были поручены, не отважились их организовать, действия Октавиана приобрели характер вызывающей политической демонстрации.⁶⁷ Сами зрелища Антоний запретить не решился, но выставить золотое кресло и венок не позволил. Собственно, запрет наложили народные трибуны, а Антоний, несомненно стоявший за ними, к ним присоединился.⁶⁸ Антонию даже приписывали высказывания в том смысле, что Цезаря убили по справедливости.⁶⁹ Эти поступки Антония были, конечно, направлены прежде всего против Октавиана; но их также нельзя было истолковать иначе как жест в сторону сенатской антицезарианской груп-

пировки. Так их и представлял Октавиан, обращаясь к окружавшим его толпам цезарианцев: Антоний издевается над Цезарем, их императором и благодетелем; они должны защитить Цезаря и тем самым защитить свое благополучие. Аппиан вкладывает в уста Октавиана такие речи, которые последний, по его словам, проносил повсюду в городе, взбираясь на возвышения: «Не гневайся из-за меня на Цезаря и не оскорбляй его, Антоний, того, кто был больше всего и в самой большей степени твоим благодетелем! Меня оскорбляй, как хочешь, но от разграбления имущества воздержись, пока гражданам не будут выданы раздачи, а все остальное забирай! Мне достаточно и в бедности отцовской славы, если она сохранится, и раздачи народу, если ты позволишь выдать».⁷⁰ Так их воспринимали и сенаторы — враги цезарианцев, всецело их одобрявшие. При всем том, однако, появление во время зрелищ кометы было истолковано собравшимися как явление народу Цезаря, обретшего бессмертие и включенного в сонм звезд. Октавиан спешно поставил в храме Венеры статую Цезаря со звездой на голове. Были и такие, кто видели в появлении кометы счастливое предзнаменование для Октавиана; гаруспик Вулкаций на народной сходке объявил, что комета означает конец IX и начало нового, X в. по римскому исчислению.⁷¹

Все более обострявшаяся борьба между Октавианом и Антонием не на шутку стала тревожить ветеранов Цезаря: она создавала условия для возможного захвата власти врагами цезарианцев и, следовательно, угрозу их благополучию. Они потребовали от Антония примириться с Октавианом; Антоний, все-таки нуждавшийся в Октавиане для того, чтобы овладеть Галлией, согласился, и примирение, казалось, было достигнуто. Дион Кассий изображает события так: Октавиан сделал все, чтобы возбудить ненависть к Антонию и привлечь народ на свою сторону; одно время он перестал появляться публично, и испугавшийся Антоний публично заявил, что он против Октавиана ничего не имеет, готов относиться к нему доброжелательно и устранить возникшие недоразумения. Эти слова были переданы Октавиану, и тот охотно пошел навстречу.⁷² Во время обсуждения вопроса о Галлии Октавиан поддержал притязания Антония, но едва они были удовлетворены, конфликт разгорелся с новой силой.⁷³

На этот раз поводом послужила борьба вокруг открывшейся после смерти одного из трибунов (Цинны) вакансии в корпусе народных трибунов. Октавиан поддерживал Гая Фламиния, однако народ угадывал за этим желание самого Октавиана получить освободившееся место и решил во время выборов провозгласить его трибуном.⁷⁴ Светоний говорит, что Октавиан добивался должности трибуна, несмотря на то что был патрицием (трибуном мог быть только плебей) и не был сенатором.⁷⁵ Как бы то ни было, возможное избрание Октавиана или его ставленника народным трибуном создавало прямую угрозу убийцам Цезаря, которых он мог бы привлечь к суду народного собрания, и вызывало беспокойство в сенате. Антоний решил еще раз попытаться обрести благоволение сената; закон о Галлии еще не был проведен в жизнь, и поддержка сената была теперь Антонию нужнее, чем «дружба» с Октавианом. Антоний объявил в своем качестве консула, что Октавиан не имеет право поступать противозаконно, в противном случае он применит всю полноту власти. Предупреждение, однако, возымело не тот результат, которого добивался Антоний. Возникла угроза, что во время выборов произойдут столкновения, и тогда Антоний вовсе их отменил.⁷⁶ Положение осложнилось тем, что Антоний обвинил Октавиана в покушении на его жизнь; Октавиан яростно отвергал это обвинение, но ему и верили, и не верили; говорили даже, что он пытался совершить это преступление по наущению каких-то советчиков. Попытка нового торжественного примирения оказалась бесплодной.⁷⁷ Как бы то ни было, народ сочувствовал Октавиану; этому способствовали и память о Цезаре, и надежды, которые на Октавиана возлагали, и отрицательное в общем отношении к Антонию.⁷⁸

Лето 44 г. до н. э. подходило к концу. . .

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

Лето 44 г. до н. э. подходило к концу, и политическая борьба в Риме вступила в новую фазу. Все попытки враждующих группировок мирными средствами устранить соперничество провалились; медленно, но верно Рим вползал в новую полосу Гражданских войн. Одной из сторон в конфликте были убийцы Цезаря и их сторонники в сенате. Их виднейшим идеологом и наиболее активным политическим деятелем был Цицерон; их основную ударную силу составляли войска, находившиеся в распоряжении Марка и Децима Брутов и Кассия. Марк Юний Брут овладел Македонией, Кассий вел борьбу за обладание Сирией, Децим Юний Брут занимал Цисальпийскую Галлию.

2 сентября Цицерон произнес в сенате первую из своих «Филиппик» — речей, направленных против Антония. Пока что он поставил под сомнение намерение Антония предоставить, ссылаясь на волю Цезаря, осужденным за государственные преступления право обращаться к народному собранию за окончательным решением. В ответной речи 19 сентября, также в сенате, Антоний обрушил на Цицерона целую серию политических обвинений. Цицерон виновен в том, что по его инициативе сенат вынес противозаконные смертные приговоры (намек на расправу со сторонниками Катилины); Цицерон подстрекал к убийству Клодия — одного из политических деятелей эпохи; Цицерон был идейным вдохновителем убийства Цезаря. Отвечая на эти нападки во второй «Филиппике» (это был обвинительный памфлет против Антония, составлявшийся в октябре—ноябре в Путеолах),¹ Цицерон не только защищается от обвинений, возводимых на него, но и обличает Антония в совершении именно этих преступлений. Антоний с мечом в руке гнался за Клодием, Антоний готовил покушение на Цезаря; вообще Антоний в изображении Цицерона — пьяница, развратник,

отъявленный негодяй. После этого примирение Антония с Цицероном стало невозможным; пройдет время, и Цицерон расплатится за свои обличения жизнью.

Заговорщики и их сторонники желали возвращения к доброму старому времени, когда в Риме действовала традиционная политическая система и, используя сенат, магистратуры и иные рычаги управления, господствовал нобилитет. Они опасались, что диктатура, опирающаяся на легионы, подчиняющаяся только полководцу, потенциальному диктатору, отстранит их от участия в управлении государством и, следовательно, в дележе государственного пирога; они опасались и неизбежных изъятий их земли для раздачи ветеранам будущего самодержца.

Этой партии противостояли цезарианцы, основную массу которых составляли ветераны, получившие свою землю из рук Цезаря, римский плебс, воины, ожидавшие для себя от диктаторского режима новых раздач, земли и обогащения, — вообще все те, кто рассчитывал в случае победы цезарианцев на улучшение своего имущественного и общественного положения. Ничего хорошего для себя от восстановления республиканского режима они не ждали; им нужен был диктатор, умеющий награждать своих людей за верность и беспощадно расправляющийся с врагами своего непрерываемого господства.

Однако ситуация здесь осложнялась борьбой за власть между Антонием и Октавианом. Каждый из них был кровно заинтересован в том, чтобы привлечь на свою сторону ветеранов и заключить союз с сенаторской партией. Немаловажно было и то, чью сторону примут цезарианцы, управлявшие западными провинциями, — Луций Мунаций Планк в Трансальпийской Галлии, Марк Эмилий Лепид в Нарбоннской Галлии и Ближней Испании, Гай Асиний Поллион в Дальней Испании.

* * *

Осень 44 г. до н. э. ознаменовалась в Риме дальнейшей поляризацией политических сил. Ветераны — колонисты на юге Италии, воины, стоявшие в Брундисии, были чрезвычайно недовольны Антонием, который, казалось, оставил всякую мысль о мести за

убийство Цезаря. Об этом через своих тайных агентов знал Октавиан,² об этом же, по-видимому, знал и Антоний.

По всей вероятности, недовольство среди цезарианцев побудило Антония продемонстрировать свою цезарианскую лояльность. На статуе Цезаря, которую он поставил на рострах, по его приказанию была сделана надпись: «отцу прекраснейшему за заслуги» (напомним, что Цезарь был «отцом отечества»); таким образом, убийцы Цезаря и те, кто их поддерживал, объявлялись отцеубийцами и соответственно осуждались. На сходке, созванной 2 октября трибуном Каннутием, он говорил о «спасителях отечества» (так Цицерон именуется убийц Цезаря) то, что следует говорить о предателях.³ Действия Антония, разрыв Антония с Цицероном сделали Октавиана естественным, хотя и на сравнительно короткое время, союзником сенаторской партии. Его биограф прямо говорит о переходе Октавиана на сторону оптиматов.⁴ Почва для такого сближения была подготовлена уже при первой встрече Октавиана с Цицероном, когда последний решил, что Октавиан ему целиком предан. В июне 44 г. до н. э. Цицерон писал об Октавиане своему другу Аттику: «У Октавиана, как я убедился, достаточно способностей, достаточно духа, и, кажется, по отношению к нашим героям он будет настроен, как мы пожелаем; но что должно доверить возрасту, что имени, что наследию, что поучению, нужно основательно обдумать: его отчим, которого мы видели в Астуре, полагает, что ничего. Но все же его нужно поддержать и, как никого иного, от Антония отлучить».⁵ Разговоры, которые вел с Цицероном Луций Марций Филипп, отчим Октавиана, следует, по-видимому, расценивать как элемент в политической игре самого Октавиана, который стремился внушить Цицерону превратные представления о своей особе. В другом письме, написанном уже в октябре, Цицерон возлагает на Октавиана большие надежды; он, дескать, ничего не сделает такого, что не заслуживало бы похвалы и славы.⁶

Однако и Антоний, и Октавиан нуждались прежде всего в солдатах и в ветеранах Цезаря.

9 октября 44 г. до н. э. Антоний выехал в Брундисий, куда должны были прибыть из Македонии четыре легиона; они по решению сената должны были быть по-

ставлены под его командование, чтобы, опираясь на них, он мог овладеть Галлией. Судя по некоторым сведениям, Октавиан его опередил и послал в Брундисий своих агентов, чтобы привлечь солдат на свою сторону.⁷ Через несколько дней на юг Италии, в Кампанию, отправился Октавиан, объявив, что едет продавать отцовские владения и собирать деньги на выполнение его завещания.⁸ В действительности, однако, он ехал туда, чтобы привлечь на свою сторону ветеранов и сколотить себе армию, которую он мог бы противопоставить Антонию.

Находясь в Кампании, Октавиан сумел привлечь на свою сторону Калатию и Касилин — города, населенные ветеранами Цезаря; уговорами и щедрыми раздачами (по 500 денариев на человека) он собрал вокруг себя 10 тыс. человек, правда плохо вооруженных и плохо организованных.⁹ По свидетельству Цицерона, у Октавиана было 3 тыс. солдат.¹⁰ Как бы то ни было, ветераны седьмого и восьмого легионов, которых Цезарь поселил в Кампанию, встретили его молодого наследника с энтузиазмом;¹¹ этому свидетельству современника нет оснований не доверять.

Антоний, как и следовало ожидать, натолкнулся в Брундисии на чрезвычайно холодный, даже прямо враждебный прием со стороны солдат. Вместо приветствий они осыпали Антония упреками в том, что он не преследует убийц Цезаря, и тащили его к трибуне, чтобы он отчитался перед войском. Антоний упрекал бунтовавших солдат в неблагодарности: ведь он привез их вместо Парфии в Италию, они же не пожелали выдать ему агентов «дерзкого мальчишки» — Октавиана. Антоний обещал, несмотря на это, повести легионы, собранные в Брундисии, в «счастливую» Галлию и выдать каждому солдату по 100 драхм. Эти обещания были встречены смехом — еще бы! ведь Октавиан давал по 500! — волнение усилилось, и солдаты разошлись. В ответ на это Антоний с помощью военных трибунов арестовал наиболее активных, как предполагалось, бунтовщиков и решил устроить децимацию — по римскому обычаю, казнь каждого десятого в провинившейся воинской части. Впрочем, казнены были не все намеченные.¹² По словам Цицерона, Антоний «перерезал» тех, кого держал в тюрьме в Суэссе, а в Брундисии убил до трехсот сильнейших мужей и наилучших

граждан.¹³ Дион Кассий излагает ход событий несколько иначе: солдаты приняли Антония благосклонно; их настроения переменялись, только когда выяснилось, что Антоний предлагает солдатам столь мизерную сумму.¹⁴

Эта расправа Антония не способствовала окрещению власти и престижа Антония в армии. Агенты Октавиана активизировали свою работу; в лагере появилось множество подметных листов, в которых яркими красками живописалась скверность и жестокость Антония, призывалась память Цезаря и напоминалось о выгодах и щедрых раздачах, исходивших от Октавиана. Все попытки Антония добиться выдачи агентов Октавиана закончились ничем. Ему пришлось снова объясняться с солдатами, говорить, как он сожалеет о совершившихся казнях, обещать новые раздачи. С грехом пополам взаимопонимание было достигнуто, и Антоний начал отправлять легионы в Аримин — город, расположенный в Умбрии на берегу Адриатического моря у границы Цисальпинской (собственно, Циспаданской) Галлии.¹⁵ Сам Антоний во главе легиона алаудов (солдаты, набранные Цезарем в Галлии и, естественно, получившие римское гражданство) двинулся на Рим.¹⁶

В этой ситуации Октавиан решился на прямую вооруженную конфронтацию с Антонием. Естественно, он по-прежнему стремился обеспечить себе поддержку нобилитета. Прежде всего он пытался договориться о тайных переговорах с Цицероном в Капуе или в ее окрестностях — план, который Цицерон считал детским, потому что такие переговоры не могут быть тайными; по мнению Цицерона, переговоры через переписку также не нужны и не возможны.¹⁷ Октавиан проявил настойчивость: в начале ноября он послал к Цицерону своего друга Цецину («какого-то Цецину из Волатерр», — пишет Цицерон) с известием о движении Антония на Рим; Октавиан спрашивает, что ему делать: отправиться ли в Рим, занять ли Капую, или двинуться к трем македонским легионам, чтобы привлечь их на свою сторону.¹⁸ Получил ли Октавиан какой-либо ответ от своего адресата, мы не знаем, но он продолжал забрасывать Цицерона письмами. 4 ноября Цицерон пишет, что в один день он получил сразу два письма от Октавиана: Октавиан хочет, чтобы Цицерон немедленно прибыл в Рим; он хочет управлять через сенат и даже добавляет: «по твоему (Цицерона. — *И. Ш.*) указа-

нию». Что же больше? — вопрошает престарелый оратор. Вообще Цицерон выражает теперь полное удовлетворение Октавианом: если у него будет сильное войско, его поддержит Децим Брут; между тем Октавиан организует и обучает в Капуе свое войско.¹⁹

Но Октавиан вовсе не собирался напрасно терять время. В письме Цицерона к Аттику от 5 ноября мы видим его уже идущим через Калес и Теаны в Самниум и далее на Рим.²⁰ Разумеется, Цицерон не упускает случая еще раз повторить, что Октавиан настойчиво призывает его в Капую, призывает его еще раз спасти республику (опять как бы вскользь напоминая о подавлении заговора Катилины); но по оценке автора письма Октавиан еще совершенный мальчишка: он рассчитывает на сенат, но кто же придет на заседание? А если придет, кто решится в неопределенной ситуации выступить против Антония?²¹

Суждения Цицерона отражали, разумеется, его мнение о складывавшейся ситуации, однако они лишь частично отвечали реальному положению вещей. По словам Аппиана, боялись обоих — и Антония, и Октавиана; кто-то носился с мыслью использовать Октавиана против Антония (собственно, это была идея Цицерона); были и такие, кто вспоминал о примирении Антония и Октавиана на Капитолии и считал все происходящее сплошным притворством, своего рода сделкой, при осуществлении которой Антоний получит власть, а Октавиан отомстит убийцам Цезаря.²²

Между тем Октавиан приблизился к Риму, и к нему явился народный трибун Канутий, враг Антония и поэтому друг его соперника в борьбе за власть. Октавиан уверил Канутия, что он собирается выступить против Антония; это же он говорил и народу, собравшемуся у храма Диоскуров на римском Форуме. Октавиан напомнил о своем отце (Цезаре) и о всем хорошем, что тот сделал; он много распространялся о себе и о своей умеренности, обвинял Антония и восхвалял воинов, сопровождавших его, т. е. Октавиана, для защиты города.²³ Эти речи вызвали неожиданную реакцию ветеранов, явившихся в Рим вместе с Октавианом. Узнав, что они завербованы вовсе не для того, чтобы примирить Октавиана с Антонием или хотя бы охранять Октавиана и мстить убийцам Цезаря, но что их собираются вести на Антония, они начали под разными

предлогами расходиться по домам. Впрочем, они скоро вернулись, а Октавиан продолжил вербовку ветеранов в Равенне и ее окрестностях: центром, где собирались его новые контингенты, он сделал Арреций.²⁴ Его наибольшим успехом в этот момент был переход на его сторону от Антония двух легионов — Марсова и Четвертого.²⁵

Тем временем в Рим явился Антоний. Однако его планы выступить в сенате с обвинениями против Октавиана сорвались; уже находясь в Риме, буквально перед тем, как войти в сенат, Антоний узнал об измене двух легионов. Сказав в сенате короткую речь вовсе не о том, о чем первоначально хотел говорить, Антоний бросился уговаривать изменивших ему солдат вернуться. Эта попытка закончилась неудачей; у стен Альбы, где засел Марсов легион, Антония обстреляли, и он отправился в Тибур, где приводил к присяге своих солдат и ставших на его сторону многочисленных ветеранов. В Тибур явились почти все сенаторы и большинство всадников, а также знатнейшие представители плебса. Они присоединились к дававшим присягу, заверяли Антония в своей приверженности и верности ему, так что, иронизирует Аппиан, «можно было бы спросить, кто были те, кто недавно на собрании, созванном Цезарем (т. е. Октавианом. — *И. Ш.*) поносил Антония».²⁶ 28 ноября Антоний, которому были устроены пышные проводы, отправился в Аримин, на границу Галлии. В его распоряжении были четыре легиона, в том числе один легион ветеранов, вспомогательные войска и новобранцы.

Положение Октавиана было не из легких. Ему были враждебны и Децим Брут, и Антоний; бороться с обоими у него не было сил, и он решил принять сторону Децима Брута, привлечь его на свою сторону. При этом Октавиан рассчитывал, что впоследствии Децим Брут окажется менее опасен, чем Антоний.²⁷ Дион Кассий говорит даже, что он заключил с Децимом Брутом союз.²⁸ Октавиан располагал в этот момент двумя легионами, перешедшими к нему от Антония, одним легионом новобранцев и двумя легионами ветеранов, плохо укомплектованными и снаряженными. Сосредоточив свои войска в Альбе, Октавиан пополнил их новобранцами и отправил в сенат донесение о своих действиях. Все должны были убедиться, что он, Октавиан, дей-

ствует строго в рамках легальности, как верный слуга отечества. Скрепя сердце (сенат был недоволен тем, что солдаты перешли к Октавиану, а не к сенатскому правительству), сенаторы выразили одобрение действиям Октавиана и обещали принять решение о том, что надлежит делать, когда в должность вступят новые магистраты. Аппиан и по этому поводу ехидно вопрошает: «кто же были те, кто сопровождал Антония?».²⁹ Аппиану почти полтора века спустя было легко задавать свои вопросы. Сенату приходилось гораздо труднее, и его позиция, да и не только его, объяснялась элементарным желанием обеспечить себе на будущее благосклонность обоих претендентов на власть. Положение Октавиана осложнялось еще и тем, что в отличие от Антония он выступал как частное лицо; при желании его можно было бы счесть бунтовщиком. Не случайно Октавиан демонстрировал свою покорность сенату. Позже Октавиан поставит эти обстоятельства себе в заслугу и описание своих деяний откроет фразой: «Девятнадцати лет от роду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетенное господством партии, освобо[дил]». ³⁰ Пройдет время, и Луций Анней Флор в своем сокращенном изложении римской истории, упомянув о деятельности Октавиана как частного лица, коротко заметит: «кто поверит?».³¹ Но это все будет потом, а пока солдаты настойчиво требовали, чтобы Октавиан объявил себя пропретором, т. е. легализовал свое положение. С большим трудом Октавиану удалось уговорить их: чем скромнее они будут держаться, тем охотнее сенаторы сами все дадут; решение вопроса Октавиан предоставлял сенату.³²

Децим Юний Брут отказался подчиниться Антонию и передать ему свою провинцию. Он засел в городе Мутине с тремя легионами своих регулярных войск и отрядом гладиаторов. Антоний окружил Мутину осадными рвами и стенами и запер там своего противника.³³

Вся Италия застыла в напряженном ожидании. . .

1 января 43 г. до н. э. в должность консулов вступили Авл Гирций и Гай Вибий Панса, оба цезарианцы, оба назначенные непосредственно Цезарем, но оба в общем второразрядные политические деятели. В тот же день они обратились, согласно обычаю, к сенату с докладом о положении государства. Заседание продолжалось три дня и было чрезвычайно бурным. Квинт Фуфий Кален, один из сторонников Антония, предложил направить к Антонию послов для того, чтобы попытаться выйти из кризиса мирными средствами. Против этого предложения энергично выступил Цицерон, произнесший во время обсуждения свою пятую «Филиппику». Он добивался учреждения диктатуры (пусть консулы защитят республику и позаботятся, чтобы она не потерпела ущерба; ³⁴ этой формулой в Риме провозглашалось введение диктаторского режима), объявления Антония врагом республики, оказания поддержки Дециму Юнию Бруту, предоставления военной власти (империя) и ранга пропретора Октавиану. Активное сопротивление сторонников Антония не позволило Цицерону полностью добиться своих целей. Сенат решил одобрить действия Децима Брута и сделать Октавиана пропретором, поставить его позолоченную статую, включить его в сенат в ранге квестора и предоставить ему право на десять лет раньше обычного срока добиваться магистратур, в том числе должности консула, денежные выдачи солдатам, перешедшим к Октавиану от Антония, принять на государственный счет, а по окончании войны наделить солдат землей.³⁵ Употребив стандартную формулу, которою в Риме, как сказано, вводилась диктатура (оказывается, его назначили пропретором для того, «чтобы республика не потерпела ущерба»), Октавиан, тогда уже Август, намекнул в своих «Деяниях», что ему были предоставлены диктаторские полномочия. Ситуация была, конечно, более сложной, однако и непосредственные участники событий видели в предоставлении Октавиану звания пропретора наделение его чрезвычайным империем.³⁶ Как бы то ни было, заветная цель была достигнута: Октавиан вошел в римское правительство, он стал полководцем республики, а его армия — армией республики. Он выступал теперь в роли человека, борюще-

гося не за свои частные интересы, но за стабильность республики, а Антоний. . .

Антоний пока еще не был объявлен врагом республики, но сенат отказал ему в Галлии и подтвердил его назначение в Македонию;³⁷ кроме этого, сенат постановил отправить к Антонию послов. Так или иначе, в нем видели теперь мятежника, осмелившегося выступить против сената. В посольство входили Сервий Сульпиций Руф, тот самый, который в переписке с Цицероном определенно выразил свое недовольство диктатурой Цезаря (по дороге в Галлию он умер), Луций Кальпурний Писон, тесть Цезаря, а также Луций Марций Филипп, отчим Октавиана. Для последнего было важно участие в посольстве Филиппа: Октавиан мог рассчитывать быть через него в курсе всех дел посольства и влиять на послов. Однако в центре событий находился Цицерон.

Посольство должно было сообщить Антонию о решении сената по поводу провинций; сформулировать другие требования к нему было поручено Цицерону. Результат не замедлил сказаться: Цицерон от имени сената потребовал, чтобы Антоний отступился от Мутины, Галлию оставил Дециму Бруту, покинул ее и явился в Италию, а там ждал решения сената,³⁸ но не приближался к Риму ближе, чем на 200 миль.³⁹ По рассказу Диона Кассия, Антоний должен был отступить в Галлии и отправиться в Македонию, а его сторонники должны были разойтись по домам; сенаторы, получившие от Антония наместничества в провинциях, должны были сложить свои полномочия.⁴⁰ На эти требования Антоний отвечал нарочито вызывающе: вместо Cisальпийской Галлии, от которой он вроде бы согласился отказаться, Антоний потребовал для себя на пять лет Трансальпийскую; кроме этого, он настаивал на сохранении в силе всех проведенных им законов, добивался денежных и земельных раздач для своих воинов,⁴¹ того же, что было постановлено дать солдатам Октавиана, а также избрания консулами Марка Брута и Кассия.⁴² Антоний высказал и прямую угрозу Цицерону, «оскверняющему» сенат.⁴³ В сенате снова разгорелись бурные дебаты. Цицерон предлагал объявить Антония врагом отечества, тогда как Луций Юлий Цезарь и консул Панса считали достаточным, если Антония объявят мятежником.

Уже 7 января Октавиан явился в своем лагере в Сполетиуме, облеченным знаками пропреторского достоинства, и впервые принес жертву от имени Римского государства.⁴⁴ Он спешил продемонстрировать римлянам — и прежде всего своим воинам — прочность своих позиций. И действительно, за эти несколько месяцев Октавиан достиг многого: место в сенате, место в правящей верхушке и, самое главное, в его распоряжении были солдаты. И все же его одолевали сомнения и тревоги, которые, разумеется, он до поры не высказывал вслух. Его серьезно тревожило то, что сенат своими действиями укрепляет положение убийц Цезаря (Брут получил Македонию и Иллирию, Кассий — Сирию, т. е. ключевые провинции Римской державы; им были подчинены и другие провинции Восточного Средиземноморья); пребывание консулов в войске оттесняло пропретора на задний план. Октавиан, конечно, видел, что сенат хочет использовать его в борьбе с Антонием; затем, разумеется, настал бы черед и самого Октавиана.⁴⁵ Для того чтобы уцелеть и пробиться к власти, Октавиану предстояло сначала нанести удар по Антонию, а затем одолеть антицезарианскую группировку в сенате. Пока, следовательно, его интересы совпадали с интересами сената; что будет потом, зависело от того, в чьих руках окажется реальная сила. Октавиан беспрекословно подчинился требованию консула Авла Гирция поделить с ним войско и даже уступил ему наиболее ценные в боевом отношении контингенты.⁴⁶

Постепенно борьба вокруг Мутины вступала в решающую фазу. По-видимому, уже в конце января Авл Гирций овладел Клатерной,⁴⁷ а Октавиан разместил свои войска у Корнелиева Форума на Эмилиевой дороге.⁴⁸ Прошло еще некоторое время, и Гирций и Октавиан овладели Бононией, в середине марта двинулись к Мутине.⁴⁹ Туда же направился и Панса с набранными им в Риме новыми легионами. 14 апреля у Галльского Форума состоялось ожесточенное сражение, в котором войска Антония были разбиты, а консул Панса получил смертельное ранение. Вскоре он умер в Бононии. На следующий день солдаты провозгласили обоих консулов и Октавиана императорами.⁵⁰ 21 апреля произошло новое сражение, в котором Антоний потерпел еще одно сокрушительное поражение. Он был вынужден уйти от

стен Мутины и направиться в Нарбоннскую Галлию к Лепиду. Консул Авл Гирций в сражении был убит.⁵¹

Впоследствии Антоний писал, что во время первого сражения Октавиан бежал и лишь через два дня явился в позорнейшем для полководца виде — без плаща и без коня,⁵² но Антоний был слишком заинтересован в компрометации Октавиана, чтобы ему можно было доверять. Достоверно известно только,⁵³ что во втором сражении Октавиан бился как рядовой легионер, в гуще боя, а когда был тяжело ранен аквилифер (носитель орла; изображение орла заменяло знамя) его легиона, Октавиан подхватил орла и долго его носил.

Исход боев под Мутиной был чрезвычайно выгоден прежде всего Октавиану. Марк Антоний перестал — по крайней мере на время — быть сколько-нибудь опасным соперником; к тому же он был вне Италии, где поле действия было предоставлено Октавиану. Оба консула погибли, и реальная военно-административная власть и все войска теперь также сосредоточились в руках Октавиана. Не случайно в Риме упорно держались слухи, что и Панса, и Гирций были устранены их тогда совсем молодым коллегой: Пансу будто бы отравил его врач Гликон, действовавший, конечно, не по своей инициативе, а Гирция заколол сам Октавиан во время боя.⁵⁴

* * *

Результаты Мутинской войны — снятие осады с Мутины и бегство Антония из Италии — были восприняты в Риме как выдающаяся победа сената — той сенаторской группировки, которая вела последовательную антицезарианскую политику. В Риме царил ликование; радостно возбужденная толпа заставила Цицерона говорить народу с роостр; на следующий день Цицерон держал речь в сенате; сенат по предложению Цицерона объявил Антония (наконец-то!) врагом отечества,⁵⁵ и это означало, что сенаторское большинство уверилось в окончательном поражении Антония. Специальная комиссия должна была проверить действия Антония и расследовать его злоупотребления в связи с использованием документов Цезаря.⁵⁶ Не были забыты и победители: Дециму Юнию Бруту был предоставлен триумф, а Октавиану — всего лишь овация.⁵⁷

Командование войсками, предназначавшимися для дальнейшей борьбы с Антонием, также было поручено Дециму Бруту.⁵⁸ В оскорбительной для Октавиана форме его солдатам было объявлено, что только часть из них получит награды и денежные выдачи; предполагалось, что в его армию будет внесен раскол. Этого не случилось, но в ней воцарилось глубокое недовольство действиями сената.⁵⁹

Все отмеченные выше решения были чрезвычайно важными и симптоматичными. Они возвещали наступление нового тура политической борьбы, где основными противниками должны были стать сенат и Октавиан. Собою активно, сенат стремился отстранить Октавиана от активной военно-политической деятельности. Особенно существенно было то, что сенат постановил передать Сексту Помпею власть над морем, Марку Бруту — Македонию, а Кассию — Сирию.⁶⁰ До Октавиана дошло высказывание Цицерона, что «юнца следует восхвалить, разукрасить, поднять»;⁶¹ смысл этого описания был очевиден: речь шла не столько о земных почестях, сколько о погребальном обряде. Октавиан заявлял, что не допустит ничего подобного, и, конечно, такие остроты не способствовали укреплению взаимного согласия между Октавианом и Цицероном.⁶² К тому же, сравнительно быстро выяснилось, что избавиться от Октавиана далеко не просто.

Октавиан не скрывал своего недовольства, и сенат решил его успокоить. Однако, не давая ему должности консула, к чему Октавиан стремился, сенат предоставил Октавиану ранг сенатора-консуляра и право голосовать вместе с бывшими консулами.⁶³ Впрочем, Октавиан до поры до времени не отказывался от заигрывания с сенаторами. Децим Брут вскоре после снятия осады с Мутины встретился с ним; если до разговора он Октавиану не доверял, то после свидания его отношение переменилось в благоприятную сторону.⁶⁴ В Риме встал вопрос о наделении ветеранов землей, и Децим Брут указывал на опасность, проистекающую из того, что ни он сам, ни Октавиан в соответствующую комиссию не входят.⁶⁵ И все же это маневрирование не могло заслонить того факта, что Октавиан не передал Дециму Бруту свои войска, на которые тот рассчитывал, и явно демонстрировал свое нежелание продолжать войну с Антонием. Это видел и Брут, жаловавшийся Цицеро-

Октавиан в венце.

ну: «Если бы Цезарь (Октавиан. — *И. Ш.*) меня послушал и перешел Аппеннины, я загнал бы Антония в такие теснины, что с ним было бы покончено скорее голодом, чем железом, но ни Цезарю нельзя приказать, ни Цезарь не может приказать своему войску; и то, и другое скверно».⁶⁶ Из лагеря Октавиана доносились еще более тревожные рассказы, явно рассчитанные на цезарианцев, которые могли быть недовольны намечавшимся, хотя и иллюзорным, сближением Октавиана с убийцами Цезаря: никакого свидания в сущности не было; Децим Брут прислал к Октавиану послов с изъявлениями благодарности, а он, Октавиан, эту благодарность отверг. «Я не Децима прибыл спасать, — будто бы говорил он, — а с Антонием воевать, с которым я могу когда-нибудь и помириться, а с Децимом все мое существо противится и видется, и разговаривать! Пускай он спасается, пока граждане так решают». Децим в ответ на такие речи будто бы громко прочитал с другого берега решение сената о предо-

ставлении ему управления Галлией и запретил Октавиану без консулов переправляться через реку в чужую провинцию.⁶⁷ Эти слухи едва ли соответствовали реальному положению вещей, и все же они содержали и смертельную угрозу Дециму Бруту, и предложение Антонию.

Положение Антония было сложным. Он направлялся на север; между тем и Лепид, наместник Нарбоннской Галлии и Ближней Испании, и Луций Мунаций Планк, хозяйничавший в Трансальпинской Галлии, и Гай Асиний Поллион, управлявший Дальней Испанией, — все они уверяли Цицерона в своей лояльности по отношению к сенату,⁶⁸ и Антонию, казалось, некуда было податься. Войск у него не хватало; он открывал эргастулы и брал в свою армию рабов.⁶⁹ Однако решающей оказалась позиция Октавиана.

Еще в 44 г. до н. э. один из соратников Антония, Публий Вентидий Басс, набрал на юге Италии два легиона и двинулся на Рим, намереваясь захватить Цицерона. В Риме известие об этом походе вызвало панику; сам Цицерон бежал из Рима. При таких обстоятельствах Вентидий отправился на соединение с Антонием. Его остановили Октавиан и Авл Гирций; Вентидий задержался в Пиценуме, на вербовал еще один легион и там ждал развития событий.⁷⁰ Вскоре после событий при Мутине Октавиан стал лагерем возле лагеря Вентидия, однако не предпринимал враждебных действий и не только позволил ему уйти на соединение с Антонием, но и велел упрекнуть последнего в том, что он не понимает их общей пользы. Вообще Октавиан обнаруживал доброе отношение к солдатам и командирам Антония, поправляя в плен, брал их к себе на службу или позволяя уйти к Антонию. Одному из них, Децию, спросившему, каковы его намерения относительно Антония, Октавиан отвечал, что его многочисленных намеков понимающему достаточно, а непонимающему еще какие-то дополнительные намеки излишни.⁷¹ В своих письмах Лепиду и Аксинию Поллиону Октавиан предложил им, а через них и Антонию, объединить свои силы.⁷² Наконец, Антоний перешел Альпы, и в конце мая на берегу реки Аргентей (ныне Аржан) у Юлиева Форума его войска соединились с легионами Лепида. Последний поначалу сопротивлялся (инсценировал сопротивление?), но солдаты заставили его согласиться.⁷³

Децим Брут в этой новой обстановке попытался бежать в Македонию к Марку Бруту, но по дороге попал в плен к галльскому вождю Камиллу и по требованию Антония был умерщвлен.⁷⁴ Началась новая полоса заигрывания сената с Октавианом; сенат пытался использовать Октавиана против Антония и Лепида, и Октавиан вроде бы пошел навстречу сенату, желая добиться возжеленного консульства. В свою очередь он предложил Цицерону добиваться совместно консульства, и Цицерон обещал поддержать его кандидатуру.⁷⁵ Однако ничего из этого не вышло: интересы Октавиана и сенаторской верхушки были слишком несовместимы. Выборы Октавиана в консулы затягивались, а его солдаты, явно по его наущению, дали клятву не воевать с ветеранами Цезаря, т. е. с солдатами Лепида и Антония. Антоний в конце концов снова стал грозным соперником, но и он нуждался в Октавиане, как Октавиан нуждался в нем.

Как можно видеть, Октавиан все более настойчиво и энергично добивался для себя консульства. Его опорой были его солдаты, которым сенат задерживал награды; Октавиан убеждал их, что единственное спасение и для него, и для них — стать ему консулом. Только тогда останется в силе то, что дано им, солдатам, его отцом, Цезарем, только тогда будут организованы новые колонии, где солдаты получают земли, только тогда им будут выданы награды. Наэлектризованная такими речами сходка отправила в Рим делегацию центурионов потребовать для своего предводителя консульской власти. Сенат упирался (претендент, мол, слишком молод); центурионы указывали на исторические примеры (Корвин, Сципионы, Помпей, Долабелла, Цезарь), когда люди добивались консульства задолго до наступления узаконенного возраста.⁷⁶ Диалог приобретал все более напряженный характер; один из центурионов, некто Корнелий, пригрозил потрясенным сенаторам мечом: «Если вы консульство не дадите Цезарю (Октавиану. — *И. Ш.*), это даст». Цицерон отвечал: «Если так вы просите, пусть он возьмет его».⁷⁷ Как и следовало ожидать, центурионы, возвратившись в лагерь Октавиана, консульства ему не привезли. Легионы пришли в неистовство; они требовали, чтобы их немедленно повели на Рим и там на специальном заседании народного собрания они сами выберут Окта-

виана в консулы как сына Цезаря. Октавиан воспользовался этим взрывом энтузиазма и двинул свои войска на Рим.⁷⁸ В городе началась паника, люди бежали куда глаза глядят в поисках спасения от неминуемой кровавой бани, сенат, не располагавший воинскими контингентами, метался от одного решения к другому. Прибытие из Африки двух легионов побудило его решиться на сопротивление, но из этих планов ничего не вышло. Октавиан вступил в Рим; находившиеся там войска приняли его сторону. Цицерон попытался возобновить контакты с Октавианом; Октавиан заметил только, что Цицерон пришел к нему последним из друзей. И все же ожидавшийся с таким страхом и, казалось, неминуемый разгром города не состоялся. Октавиан, разумеется, легко добился своего: он был избран в возрасте двадцати лет консулом вместе с Квинтом Педием⁷⁹ и в должность вступил, по-видимому, 19 августа 43 г. до н. э.; его усыновление было окончательно оформлено куриатными комициями, и он был внесен в родовые списки Юлиев Цезарей;⁸⁰ Октавиан внес предложение начать судебные процессы против убийц Цезаря.⁸¹ По закону Педия они подвергались лишению огня и воды, т. е. обрекались в лучшем случае на изгнание.⁸² По этому закону заочно были осуждены Марк и Децим Бруты, а также Гай Кассий; впрочем, Децим Брут, как сказано, вскоре погиб. Марк Брут и Гай Кассий, находившиеся на Востоке, конечно, были смертельными врагами; тем более Октавиан нуждался в союзе с Антонием и Лепидом. Солдатам Октавиан роздал по 2500 денариев из государственных и личных средств. Законы, объявлявшие Антония и Лепида врагами отечества, были отменены.⁸³ Сенат делал вид, что все указанные решения он принял добровольно, и Октавиан охотно принял эту игру. Правда, один из сенаторов, Сульпиций Корона, вздумал оправдывать и прославлять Марка Брута. Октавиан воздержался от каких-либо мер против него; он хорошо понимал, что сенаторы втайне одобряют Сульпиция и что ему, Октавиану, важно снискать репутацию милосердного правителя. Пройдет совсем немного времени, и Сульпиций попадет в список проскрибированных.⁸⁴

Получив в Риме то, чего он хотел, Октавиан двинулся на север, к Бононии. Между тем Антоний вернулся к Мутине. В роли посредника между ними выступил

Лепид. На небольшом острове на речушке Лавиния в ноябре 43 г. до н. э. состоялась встреча всех троих. Сопровождение продолжалось два дня; речь шла о захвате и разделе высшей власти в государстве. Они решили, что Октавиан откажется от консульской власти, которой совсем недавно он так настойчиво добивался; до конца года консульские полномочия переходили к Гаю Каррине и Публию Вентидию,⁸⁵ а на ближайшие пять лет римскими магистратами должны были назначаться, естественно, те, кто принадлежал к верхушке цезарианцев. Специальным декретом, в свое время предложенным и проведенным Антонием, в Риме запрещалось на будущее создание диктатуры, поэтому свою коллективную власть Октавиан, Антоний и Лепид оформили как создание сроком на пять лет комиссии трех для приведения в порядок государства (*tres viri rei publicae constituendae*; откуда: триумвират)⁸⁶ с фактически неограниченными полномочиями: издание законов, установление и сбор налогов, назначение магистратов и сенаторов, верховный суд без права апелляции на его решения. Все трое получили право чеканить от своего имени монету. Провинции были поделены так, что Галлия (кроме Нарбоннской) переходила к Антонию, тогда как Африка, Нумидия, Сардиния, Сицилия и другие острова достались Октавиану, а Нарбоннская Галлия и Испания — Лепиду. На долю Антония и Октавиана выпала война с Брутом и Кассием, находившимися на Востоке; Лепиду было поручено ведение дел в Риме, причем своими провинциями он должен был управлять через легатов, а из своих войск четыре легиона отдать Антонию, три — Октавиану (у каждого из них было, таким образом, по двадцать легионов), а себе оставить для охраны порядка в Риме три легиона. В результате Лепид был с самого начала оттеснен на задний план. К тому же Октавиан женился на Клодии, падчерице Антония.⁸⁷ Кроме этого, триумвиры должны были удовлетворить своих солдат; для их расселения были выбраны восемнадцать крупнейших и наиболее цветущих городов Италии, в том числе Капуя, Регий, Венусия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиппоний. Наконец, триумвиры приняли решение путем так называемых проскрипций, т. е. составления списков лиц, объявляемых вне закона и подлежащих немедленному уничтожению, расправиться со своими политическими противниками

и заодно с теми, кто казался чересчур влиятельным, независимым и чьими богатствами можно было поживиться.⁸⁸ В Риме причину проскрипций видели в жадности Лепида, который рассчитывал завладеть чужим добром, в желании Антония отомстить тем, кто объявил его врагом, в решимости Октавиана покарать убийц Цезаря.⁸⁹ Как бы то ни было, и проскрипции, и всякого рода конфискации и разорительные поборы триумвиры использовали, чтобы собрать деньги, которые были им нужны для расчетов с ветеранами.⁹⁰ По всей Италии шел повальный грабеж, творились чудовищные насилия; даже когда умерла Атия, мать Октавиана (ее торжественно похоронили за государственный счет), один ветеран потребовал у Октавиана ее имущество для себя. Первый список проскрибированных из двенадцати или семнадцати имен был отправлен в Рим.⁹¹ Консул Педий пытался убедить взволнованный народ, что этим репрессии ограничатся; скоропостижная смерть избавила его от горького разочарования.

Решения совещания были одобрены солдатами-цезарианцами (впрочем, о проскрипциях им ничего не сказали). Вступив в Рим, триумвиры поспешили легально оформить свои договоренности. 27 ноября по предложению трибуна Публия Тития без обсуждения и без голосования был введен в действие закон, которым всем троим предоставлялась на пять лет, т. е. по 31 декабря 38 г. до н. э., «для упорядочения дел» власть, равная консульской. Ночью в Риме были вывешены новые списки проскрибированных из 130 имен, а вскоре потом был обнародован еще один список в 150 имен.⁹²

Террористический режим триумvirата надолго запомнился античному миру; еще Плиний Старший несколько десятилетий спустя упрекал Октавиана в соучастии в «триумvirате гнуснейших граждан», хотя преимущественное положение в нем принадлежало Антонию; он же говорит и о ненависти к Октавиану, вызванной проскрипциями.⁹³ Еще позже Плутарх высказался без обиняков: «Так они лишились от ярости и бешенства человеческого рассудка или, лучше сказать, показали, что нет зверя более свирепого, чем человек со страстями, захвативший власть».⁹⁴ По словам Аппиана, эдикт триумvirов о проскрипциях был сформулирован следующим образом: «Из проскрибированных по этому списку никто пусть не принимает никого, не скрывает,

не отсылает куда, и пусть никто не позволит подкупить себя. Если же кто-то будет изобличен в спасении ли, в оказании ли помощи или в знании, того мы, не принимая во внимание ни оправданий, ни извинений, включаем в число проскрибированных. Пусть приносят головы убившие к нам — свободный за двадцать пять тысяч аттических драхм за каждую, а раб за свободу личности, и десять тысяч аттических драхм, и гражданские права господина. То же пусть будет и доносчикам. А из получивших никто не будет записан в наши документы, чтобы он не был известен».⁹⁵

По всей Италии началась охота за людьми. Происходили человеческие трагедии, ломались судьбы, кому-то удавалось бежать, кто-то попадал в руки солдатни или кончал жизнь самоубийством, кого-то выдавали на лютую смерть, а кого-то спасали рабы, соседи, жены, сыновья.⁹⁶ Традиция запомнила, что в списки проскрибированных были внесены по инициативе Лепида его брат Луций Эмилий Павел, по инициативе и с согласия Антония дядя последнего (брат матери) Луций Юлий Цезарь и по инициативе Антония Цицерон. Внесению в списки последнего имени пытался сопротивляться Октавиан, но сравнительно быстро уступил.⁹⁷ Интересно проследить судьбы этих людей. Луция Эмилия Павла центурионы пощадили, и он смог уехать в Милет; говорили, что сам Лепид позволил ему бежать;⁹⁸ по еще одной версии,⁹⁹ он был казнен, и его раб, чтобы отомстить, позже покушался на Октавиана. Луция Юлия Цезаря спасла его сестра Юлия, мать Антония, заявившая убийцам, что сначала они должны убить ее, а уж потом ее брата.¹⁰⁰ В связи с этим предполагалось, что и тот, и другой были внесены в проскрипционные списки в демагогических целях, с явным намерением не допустить кровавой развязки. Однако античная историография, приводящая эти факты, единодушно видит в них проявление аморальности триумвиров, так что даже если цели, приписываемые им, действительно имели место, то достигли они прямо противоположного результата. Не проще ли предположить, что и Лепид, и Октавиан с Антонием действительно стремились устранить проскрибированных, но натолкнулись на непреодолимые даже для них препятствия?.. Зато Цицерон погиб 7 декабря 43 г. до н. э. на 64-м году жизни во время бегства; его убили военный трибун Попилий

Ленат, некогда благодаря Цицерону выигравший судебный процесс, и центурион Геренний. Голова Цицерона и отрубленная рука были доставлены Антонию, и тот долго держал голову врага на своем столе, пока не насладился этим зрелищем. Жена Антония, Фульвия, исколола язык Цицерона булавкой. Позже голову и руку выставили около роствра, с которых знаменитый оратор произносил свои речи. Убийцы получили от Антония награду в шестикратном размере.¹⁰¹ Письма Цицерона, дошедшие до нас, характеризуют его крайне неблагоприятно; есть основания думать, что их публикация должна была погубить его во мнении современников и потомков как человека. Видимо, чтение произведений Цицерона долгое время было опасным занятием. Плутарх рассказывает, как один из племянников Октавиана (тогда давно уже Августа), застигнутый им за чтением Цицерона, попытался было спрятать в рукаве недозволенный свиток. Октавиан взял его, почитал и, возвращая, сказал: «Красноречивый это был человек, дитя, красноречивый и любивший отечество».¹⁰² Здесь характерно все: и высказывание Октавиана, хорошо понимавшего, на кого триумвиры подняли руку (уж не расказывался ли он, что уступил настояниям Антония? не зря ведь он потом оказывал милость Цицерону-младшему и даже назначил его консулом и наместником Сирии¹⁰³), и первое движение юнца, прячущего опасную — даже для него! — и, возможно, запрещенную книгу. Впрочем, «рукописи не горят»; труды Цицерона, его речи и письма пережили и своего создателя, и вызвавшую их к жизни общественно-политическую злободневность, и погубивших его триумвиров. . .

О той роли, которую сыграл во время проскрипций Октавиан, известно немного. В триумвирате он был младшим и по возрасту, и по положению; лидером триумвирата был Антоний. Октавиану приписывали спасение многих жертв.¹⁰⁴ Светоний пишет, воспроизводя враждебную Октавиану традицию, что он какое-то время противился коллегам и стремился предотвратить проскрипции, однако когда они были решены, именно Октавиан оказался самым жестоким из всей троицы: тех еще можно было умолить или умиловить, но Октавиан был беспощаден.¹⁰⁵ Даже по окончании проскрипций Октавиан заявил в сенате, что, оставившая их, он оставляет за собой полную свободу действий; по

его замыслу, угроза проскрипций должна была висеть над обществом и в будущем. Впрочем, известны факты, находящиеся в противоречии с этими общими утверждениями и характеристиками. Так, жене одного из проскрибированных удалось вымолить для него прощение у Октавиана, но именно Лепид отказывался выполнить решение коллеги.¹⁰⁶ Как бы то ни было, Светоний обвиняет Октавиана в том, что он внес в списки своего опекуна Гая Торания. Октавиан, по словам Светония, приказал заколоть у себя на глазах Пинария, заподозренного в шпионаже; назначенного консула Тедия Афра за какие-то насмешливые речи о нем Октавиан довел до самоубийства. Претора Квинта Галлия, заподозрив, что он, явившись к нему, прятал меч, Октавиан подверг пытке и казнил, предварительно своими руками выколов ему глаза. Впрочем, Октавиан опровергал эту версию. По его словам, Галлий за покушение на его жизнь был посажен в тюрьму, потом выслан из Рима и погиб то ли при кораблекрушении, то ли от руки разбойников. Видимо, Октавиану впоследствии было важно снять с себя обвинения в зверской жестокости, ходившие по Риму. Недаром он сделал всадником некоего Тита Виния Филомена, про которого говорили, что он спрятал своего проскрибированного патрона. Проскрибированного, но случайно уцелевшего Валерия Мессалу Октавиан внес в 36 г. до н. э. в список авгуров даже сверх их обычного количества,¹⁰⁷ Эмилия Павла, уцелевшего от проскрипций, и Луция Мунация Планка, брата проскрибированного Планка, Октавиан сделал в 22 г. до н. э. цензорами.¹⁰⁸ Вскоре после вступления в Рим Октавиан организовал освящение того места на Форуме, где было совершено сожжение трупы Цезаря; там предполагалось воздвигнуть храм Цезарю,¹⁰⁹ однако обожествление последнего произошло только в 42 г. до н. э. по закону Руфрена.¹¹⁰ 1 января 42 г. до н. э. сами триумвиры и по их приказанию весь народ принесли клятву сохранять в неприкосновенности все сделанное Цезарем. День рождения Цезаря был объявлен праздничным, а день гибели — несчастным.¹¹¹ Само собой понятно, что обожествление Цезаря сказалось и на положении Октавиана, который стал сыном божественного Юлия.

Проскрипции создали в Риме атмосферу террора и заставили надолго умолкнуть всех уцелевших оппози-

ционеров. Однако борьба за власть еще не была закончена. На Западе грозную силу представлял Секст Помпей, сын знаменитого Гнея Помпея. Это был враг давний, ведший борьбу еще против Цезаря; несмотря на то что сенат предоставил ему возможность вернуться в Италию, получить компенсацию за утраченное отцовское имущество, а также занять пост командующего флотом, Помпей оказался в конце концов противником цезарианцев (он подпадал под действие закона Педия). К нему сбегались уцелевшие жертвы проскрипций¹¹² и вообще все недовольные; в его руках был флот, и в конце концов под его властью оказалась вся Сицилия. Прослышав о массовых убийствах, Секст Помпей подошел к берегам Италии и дал знать в Рим и в другие города, что тем, кто спасет проскрибированных, он даст вдвое больше того, что обещали триумвиры убийцам, и что проскрибированные могут рассчитывать у него на приют, защиту и материальную помощь.¹¹³

Неожиданный театр военных действий открылся и в Африке. Ее наместником в 44 г. до н. э. был бывший легат Цезаря Квинт Корнифиций. Он не пожелал передать свою провинцию ни Гаю Кальвицию Сабину, которого ему на смену назначил сенат, ни Титу Секстию, поставленному Октавианом, когда ему при разделе провинций между триумвирами досталась Африка. Началась война; провинцией овладел Секстий, но и он впоследствии отказался передать по распоряжению Октавиана Африку и другую свою провинцию, Нумидию, Фуфицию Фангону. Секстию удалось сохранить провинцию, разгромив Фангона, и только Лепид сумел отнять ее у непокорного наместника.

Тем не менее главная угроза триумвирам сосредоточивалась на Востоке. После ожесточенной и трудной войны Кассий овладел Сирией, Брут укрепился в Македонии (он, в частности, казнил Гая Антония, брата триумвира). Зимой 43 г. до н. э. Брут двинулся в Вифинию; с помощью флота он принуждал города Малой Азии и острова Эгейского моря выплачивать в свою пользу контрибуцию. В начале 42 г. до н. э. войска Брута и Кассия соединились в Сардах. В середине 42 г. до н. э. триумвиры отправили в Македонию часть своих войск под командованием Луция Децидия Саксы и Гая Норбана Флакка; остальная армия во главе

с Октавианом и Антонием вскоре была переправлена через Ионийское море туда же. Впрочем, Октавиан в Диррахии заболел, и Антоний должен был самостоятельно двинуться на соединение с Норбаком; через какое-то время к войскам явился и Октавиан, еще не окрепший и вынужденный командовать с носилок.¹¹⁴ Нападения триумвиров Брут и Кассий ожидали в долине при Филиппах. В первом сражении перевес был на стороне республиканцев. Солдаты, которыми командовал Брут, напали с фланга на войско Антония во время его движения по дороге между армиями Брута и Октавиана и нанесли ему значительный урон. Затем воины Брута напали на выстроенные против них легионы Октавиана, обратили их в бегство и захватили лагерь Октавиана. Последний чудом избежал гибели; в своих воспоминаниях он рассказывал, будто состоявшему при нем врачу Марку Арторию привиделся вещий сон, и он опасался этого дня. Во всяком случае в лагере его не нашли; по некоторым сведениям, он бежал к Антонию.¹¹⁵

Между тем Антоний овладел лагерем Кассия, и последний, думая, что республиканцы потерпели поражение, покончил с собой.¹¹⁶ Новое сражение произошло 23 октября; в этом бою войско Октавиана обратило Брута в бегство; сам Брут также покончил жизнь самоубийством. «Нападение было и неистовым, и жестоким, — рассказывает Аппиан. — Стрел, и камней, и метательных копий у них было меньше, чем требовалось военным обычаем, да и никакими другими приемами искусства и строя они не пользовались, но, кинувшись с обнаженными мечами в битву, они рубили и были рубимы, и одни других вытесняли из строя, одни ради спасения скорее, чем ради победы, другие же ради победы и повинувшись убеждениям полководца, вынужденного вступить в битву. Кровопролития и стонов было много, и тела от них уносились, а другие становились на их место из резервных. . . Те же отступали шаг за шагом и осторожно; когда же у них и боевой порядок уже стал нарушаться, они начали отходить быстрее; а когда с ними стали отступать стоявшие во втором и в третьем ряду, перемешавшись все вместе, в беспорядке теснились и своими, и врагами, беспорядочно на них налегавшими, пока, наконец, явно не побежали».¹¹⁷ Пройдет время, и великий римский поэт

Квинт Гораций Флакк, бывший в армии Брута военным трибуном, вспомнит о своем бесславном бегстве, когда он бросил щит, и его, трепещущего от страха, сквозь ряды врагов в сгустившейся туче провел быстрый Меркурий:¹¹⁸

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил? . .

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно броса щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся, как бежал!
Но Эрмий сам незанной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.*

В общеисторическом плане битва при Филиппах справедливо расценивалась уже в древности как противостояние свободы против единовластия;¹¹⁹ поражение Брута и Кассия знаменовали собой окончательное крушение в Риме республиканского строя. В личном плане Октавиан воспользовался победой для новых кровавых расправ со своими противниками. Рассказывали, что одному из них, молившему не лишать его погребения, Октавиан ответил: «Это будет во власти воронов». В другом случае он предложил отцу и сыну разыграть, кому из них умереть; отец поддался и был казнен, сын покончил с собой, а Октавиан за всем этим наблюдал. В свою очередь и некоторые пленники, когда их проводили в цепях мимо победителей, осыпали Октавиана жестокими оскорблениями.¹²⁰ Голову Брута он отправил в Рим, чтобы ее бросили к статуе Цезаря. Это были, конечно, самые впечатляющие случаи на фоне казней, репрессий, убийств.

Пройдет время, и, подводя итоги своей жизни, Октавиан (тогда уже Август) поставит себе в заслугу то, что он отомстил убийцам своего отца (Цезаря) — изгнал их, и предал суду, и разгромил в двух сражениях.¹²¹

---

* Перевод А. С. Пушкина.

После разгрома республиканцев при Филиппах власть в Римской державе оказалась в руках триумвиров. Впрочем, фактическое господство досталось победителям — Октавиану и Антонию; последний отправлялся на Восток, а Лепид оказался оттесненным на второй план. Его провинции поделили между собой победители при Филиппах; его самого обвиняли в том, что он будто бы установил предательские связи с Секстом Помпеем, и Октавиан должен был провести специальное расследование по этому поводу. Если бы обвинение оказалось ложным, то Лепиду могла быть выделена одна из провинций. Позже выяснилось, что обвинения были вздорными. При дележе добычи в целом Антонию достался Восток, а Октавиану — Запад, причем Октавиан получил Испанию и Нумидию, а Антоний из западных провинций — Галлию и Африку. Цисальпинская Галлия должна была оставаться самостоятельной провинцией. Центром владений Октавиана была Италия, — позиция, давшая впоследствии ему немалые преимущества. Спустя некоторое время Антоний передал Африку Октавиану, а Октавиан — Лепиду.¹²²

Разболевшийся Октавиан, прибыв в Италию, столкнулся с серьезными трудностями и волнениями. В Риме распространялись слухи о его смерти; одни встречали это известие с радостью, другие — с тревогой, ожидая всяких бедствий. Октавиан обратился к сенату с письмом, в котором призывал сенаторов к спокойствию и обещал управлять кротко и человеколюбиво по отцовскому (Цезаря) примеру.¹²³ Но такие обещания было легче дать, чем выполнить. Октавиан был вынужден проводить в жизнь мероприятия, которые не могли прибавить ему популярности, и первое из них, конечно, — наделение ветеранов землей. Всего землю должны были получить около 170 тыс. человек из территорий, принадлежавших 18 богатейшим и крупнейшим городам Италии, таким как Капуя, Регий, Вибон, Венусия, Беневент, Нудерия, Аримин, Гиппоний.¹²⁴ Впоследствии Регий и Вибон, чья помощь была необходима в борьбе с Секстом Помпеем, были изъяты из этого списка.¹²⁵ Землю ветераны получали со скотом, рабами, инвентарем; они захватывали лучшие участки

и зачастую больше, чем им полагалось.¹²⁶ Ветераны добивались получения имущества в ранее намеченных богатых городах, не затронутых войной; города требовали распределения ветеранских колоний по всей Италии, чтобы ветеранам давали наделы в других городах и получатели заплатили за полученные участки.¹²⁷ В результате ситуация в Италии резко обострилась; по всей стране появились толпы обездоленных, которых прогоняли с их полей, лишали отеческого очага и крова. Какие при этом разыгрывались человеческие трагедии, видно на примере того, что постигло Вергилия — величайшего римского поэта эпохи.

Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.) родился близ Мантуи в относительно богатой семье; его родителям принадлежало земельное владение в окрестностях этого города. После битвы при Филиппах оно было конфисковано, и некий центурион Аррий выгнал их из дома; родители стихотворца и их тогда 28-летний сын, в ту пору уже известный литератор, оказались разоренными. О размерах потерь свидетельствует тот факт, что отобранная земля была поделена между шестьюдесятью ветеранами. Обращения к местным властям не дали результата. Октавиан по ходатайству друзей поэта — Корнелия Галла, Асиния Поллиона и Альфена Вара — вернул Вергилию его участок, однако один из ветеранов, Милий Торон, едва его не убил. Вергилий получил возмещение в Риме. На том дело и кончилось.¹²⁸ Сам Вергилий¹²⁹ яркими красками живописал горькую участь изгнанника, которому осталось брести на край света — в Африку, Скифию, на Крит или в Британию. Никогда больше он не увидит ни отеческого предела, ни крыши родимого дома. То, что обрабатывал изгнанник, будет принадлежать бесчестному солдату, варвару, для коего «мы» засевали землю.¹³⁰ Видимо, обезземеленные италийки массами высеялись в провинции и там создавали свои колонии.

В Италии то там, то здесь вспыхивали солдатские бунты и мятежи населения, беспощадно подавлявшиеся;¹³¹ Рим был переполнен изгнанниками; на Форуме и в храмах при скоплении народа они жаловались на свою горькую судьбу: не совершив никакого преступления они, италийки, изгоняются из страны и от родных очагов, как в завоеванной стране.¹³² Известное представление о настроениях этих людей дает поэма «Про-

клятия»; автор проклинает все окрест, чаёт гибель мироздания и уничтожения в огне шеста, которым отмеряют наделы, — весьма прозрачный намек на Октавиана. Эти речи выслушивались сочувственно: в Риме были уверены, что колонии ветеранов создаются для того, чтобы республика никогда больше не могла возродиться, а власть предержавшие могли бы опираться на готовых на все солдат.¹³³ Ссылки Октавиана на государственную необходимость не достигали своей цели, как и его попытки уговорить ветеранов, тем более что последним раздавались все новые и новые земли и имущество.¹³⁴ Солдатская вольница затрагивала и самого Октавиана. Однажды, рассказывает Аппиан, Октавиан прогнал в театре солдата, севшего на всадническое место, ему не принадлежавшее. Другие солдаты решили, что он арестован и, когда Октавиан выходил из театра, потребовали показать им прогнанного солдата; раздавались голоса, что он убит. Когда солдат был приведен и рассказал, как было дело, гнев собравшихся обратился на него; его обвиняли в измене общему делу.¹³⁵ Другой случай, о котором Аппиан счел нужным рассказать, был гораздо опаснее. Однажды Октавиан должен был явиться к солдатам, созданным на Марсово поле для наделения землей. Солдаты сошлись затемно и негодовали на Октавиана, который заставляет себя ждать. За последнего заступился центурион Ноний, последовала перебранка, Ноний, забрасываемый камнями, пытался бежать, бросился в реку, но ожесточенные солдаты вытащили его и убили, а труп бросили на дорогу, по которой должен был пройти Октавиан. Вопреки настояниям приближенных Октавиан прибыл к солдатам, упрекал их за убийство, произвел раздачу и выдал награды, так что собравшиеся раскаялись и выражали свою поддержку и преданность Октавиану.¹³⁶

Ситуация была достаточно ясной: Октавиан создавал социальный фундамент своей власти; им должны были стать ветераны, всем Октавиану обязанные и без Октавиана могущие потерять все. Такое положение вещей серьезно беспокоило сторонников Антония и его приближенных. Поначалу жена Антония Фульвия и его брат Луций Антоний намеревались даже воротить его в Италию, но так как это оказалось невыполнимым, они добились назначения устроителей колоний из числа

ветеранов Антония.¹³⁷ Пользуясь общим недовольством италиков, Луций Антоний, имевший репутацию покровителя земледельцев, лишившихся земли, и демократически настроенного политического деятеля,¹³⁸ попытался даже затеять открытую борьбу с Октавианом.

Первая схватка между ними состоялась в тот момент, когда Октавиан отправил своих всадников на юг Италии, к Брутиуму, против действовавших там войск Секста Помпея. Луций Антоний представил дело так, будто всадники имели своей задачей захватить его самого и детей Марка Антония, и бежал в колонии ветеранов последнего. Луций Антоний и Октавиан начали кампанию взаимных обвинений: первый обвинял второго в измене Марку Антонию; второй заявлял о своей лояльности к Марку Антонию и о том, что это Луций Антоний хочет их поссорить и препятствует власти триумвиров. Конфликтная ситуация была, казалось, разрешена совещанием высших военачальников, состоявшимся в Теане. Они договорились, что триумвиры не должны мешать консулам управлять государством по обычаям отцов, что земли должны получить только участники битвы при Филиппах, что ветераны Антония должны на равных правах участвовать в разделе имущества проскрибированных, что никто из триумвиров не будет набирать войска в Италии, а Октавиан должен получить два легиона от Антония и ему будет открыт путь в Испанию через Альпы. На этих условиях Луций Антоний должен был распустить свою охрану.¹³⁹ Договор этот существенно ограничивал власть триумвиров, в конечном счете Октавиана, и немудрено, что он был выполнен только в одном пункте: войска Октавиана под командованием Сальвидиена перешли через Альпы; правда, вскоре Сальвидиен со своими легионами был отозван в Италию.

Луций Антоний и Фульвия укрылись от Октавиана в Пренесте. Летом 41 г. до н. э. Октавиан пытался побудить Марка Антония выступить в качестве посредника; он направил к последнему своих послов — Луция Кокцея Нерву, одинаково близкого к ним обоим, и Цецину — в Финикию, но их миссия не дала результатов.¹⁴⁰ Упреки врагов,¹⁴¹ будто Октавиан желал войны и сам ее развязал, таким образом, были несправедливыми; да и что он мог выиграть, начиная войну в Италии, несмотря на всеобщее, в том числе и ветеранов,

стремление к миру? Другие попытки примирить враждующие стороны также остались безрезультатными. Началась война. Луций Антоний сумел пройтись в Рим, и там он говорил о необходимости наказать Октавиана и Лепида за противозаконный захват власти и о сложении Марком Антонием с себя звания триумвира.¹⁴² Тем самым он провозглашал в перспективе восстановление республики, и это должно было привлечь к нему симпатии римлян. Однако в маневренной войне с войсками Октавиана он потерпел неудачу и отступил в Перузию (совр. Перуджа). Там его осадили сам Октавиан и войска, находившиеся под командованием его друзей и приближенных Агриппы и Сальвидиена. Октавиан окружил Перузию осадным рвом, валом и стенами. Армии Луция Антония, шедшие ему на выручку, не сумели ему помочь; самому Луцию Антонию также не удалось прорвать блокаду, и его войско заставило его просить мира. Октавиан считал необходимым не обострять отношений с Антонием. Он не только пощадил Луция Антония, но и разрешил ему отправиться к брату; впрочем, Луций удалился в Испанию. Фульвия бежала в Брундисий и оттуда в Грецию; вскоре она умерла в Сикионе. Мать Антония укрылась у Секста Помпея, а потом была отправлена в Афины. Больше всего пострадала Перузия. Она была отдана на разграбление солдатам,¹⁴³ а члены ее совета были казнены, кроме одного — Луция Эмилия. Его Октавиан пощадил потому, что он голосовал за осуждение убийц Цезаря.¹⁴⁴ В Риме ходило много разговоров о чудовищной жестокости, которую проявил Октавиан при взятии Перузии: всех, кто пытался молить о пощаде или оправдаться, он обрывал словами: «Ты должен умереть!»; он выбрал из сдавшихся триста человек, выходцев из всех сословий, и в мартовские иды у алтаря обоженного Цезаря перебил их, подобно жертвенному скоту. Более того, его обвиняли в изощренной хитрости: он спровоцировал войну, чтобы все тайные враги и вообще все те, кто присоединились к нему скорее из страха, чем по желанию, обнаружили себя и примкнули к Антонию. Разгромив их и конфисковав их имущество, он сумел бы выдать ветеранам обещанные награды.¹⁴⁵ Ливий рассказывал и о разрушении города; ¹⁴⁶ действительно, вскоре Перузия сгорела от пожара.

Эта победа, однако, не водворила спокойствия. Назначив Агриппу своим наместником в Италии, Октавиан в июле 40 г. до н. э. сам повел свои легионы через Альпы; воспользовавшись смертью Фуфия Калена, наместника Антония в Галлии, он захватил галльские и испанские провинции, ранее принадлежавшие Антонию. В Пренесте, а позже в Неаполе претор Тиберий Клавдий Нерон пытался развязать войну против Октавиана. Он созывал к себе прежних собственников, у которых была отнята земля, он обещал рабам свободу, но по возвращении Октавиана в Италию движение было подавлено. Сам Антоний уже весной 40 г. до н. э. двинулся из Александрии через Финикию и Малую Азию в Италию.¹⁴⁷

Против Октавиана складывалась еще одна коалиция в составе Марка Антония, Гнея Домиция Агенобарба, чей флот господствовал на Адриатическом море, и Секста Помпея. Во время осады Брундисия Антонию предлагал свои услуги и Квинт Сальвидиен Руф, один из наиболее значительных военачальников Октавиана; он обещал возвратить Антонию галльские провинции и легионы.¹⁴⁸ Вся Италия снова пришла в движение. Положение Октавиана осложнялось тем, что он не мог заставить ветеранов воевать против Антония; они готовы были следовать за ним (вернее, за его другом и полководцем Агриппой), но только затем, чтобы примирить Антония и Октавиана.¹⁴⁹ Центром борьбы на этот раз стал Брундисий, поддерживавший Октавиана. Флоту Антония было запрещено войти в гавань Брундисия. Антоний, вновь появившийся в Италии, осадил Брундисий; войска Октавиана в свою очередь заняли позиции против укреплений Антония. Ни та, ни другая сторона не могла добиться решительной победы: у Антония не хватало сухопутных войск, а у Октавиана — флота. К тому же и солдаты явно не хотели воевать. С обеих сторон они перебранивались, обменивались взаимными упреками, однако ни те, ни другие не доводили дела до сражения. В конце концов они заставили полководцев покончить дело миром. В качестве посредника снова выступил Луций Кокцей. По его совету Антоний потребовал от Секста Помпея не тревожить побережье Италии (тем самым союз с ним был разорван), а Домиция Агенобарба назначил своим наместником в Вифинии. По новому соглашению 40 г. до н. э. Антоний

получил опять восточные провинции, Октавиан — западные, а Лепиду была оставлена Африка. И Антоний, и Октавиан могли набирать себе войска, первый для войны с парфянами, а второй для войны с Секстом Помпеем. Фульвия к тому времени умерла, и Антоний по требованию войск женился на Октавии, сестре Октавиана, также овдовевшей.¹⁵⁰ Этот династический брак должен был сделать союз Антония и Октавиана нерасторжимым; опыт показывал, однако, что подобные браки в среде римской аристократии не мешали возобновлению конфликтов. Антоний выдал Октавиану Сальвидиена, и тот был осужден в Риме и казнен.

Казалось, можно было быть уверенными, что на этот раз долгожданный мир принесет с собой начало золотого века. Вергилий в своей четвертой эклоге предрекал наступление царства Сатурна и всеобщего благоденствия вместе с рождением в консульство Поллиона «отпрыска богов, происходящего из племени Юпитера». Когда чудесный младенец возмужает, настанет счастливое время. Кто тот младенец, коего ожидал Вергилий, неясно; возможно, имелась в виду эсхатологическая фигура, представления о которой сложились под влиянием восточных религий и чаяния близкого конца этого мира. Но общее устремление автора очевидно.

Заклучив между собой очередное соглашение, Октавиан и Антоний вернулись в Рим. Однако вопреки ожиданиям до подлинного мира было еще далеко. Серьезную опасность по-прежнему представлял Секст Помпей, с которым связывали надежды на освобождение Италии и Рима от триумвиров и которому в Риме сочувствовали.¹⁵¹ Опираясь на свои островные владения (Сицилию, Сардинию и Корсику), Секст Помпей дезорганизовал морскую торговлю. Снабжение Рима хлебом было нарушено, цены на продовольствие росли. Октавиану нужны были деньги, и триумвиры установили новые налоги, в том числе налоги на рабов и на наследство.¹⁵²

Все эти обстоятельства вызвали в Риме стихийные беспорядки; огромная яростная толпа уничтожала статуи триумвиров, срывала указы о налогах. Попытки Октавиана уговорить людей оказались тщетными; в него полетели камни. На помощь Октавиану поспешил Антоний, но и его забросали камнями. Наконец, со-

лдатам удалось разогнать толпу; многих они убили и трупы бросили в реку. Солдаты в свою очередь воспользовались беспорядками для новых грабежей и насилиий.¹⁵³

В подобной ситуации Октавиан и Антоний не могли решиться на крайне непопулярную войну с Секстом Помпеем; они предпочли путь переговоров. Октавиан и прежде делал примирительные жесты в сторону Секста Помпея и даже породнился с ним: он женился на Скрибонии, сестре того Луция Скрибония Либона, чья дочь была замужем за Секстом Помпеем.¹⁵⁴ В окружении последнего не было согласия. Одни, как например его флотоводец Менодор, советовали ему продолжать начатое, тогда как другие — и в их числе мать, жена, друзья, вообще знатные римляне, укрывавшиеся у него, — настойчиво требовали мира и возможности вернуться в Рим. Со Стаием Мурком на этой почве даже произошел разрыв, и последний был убит при неясных обстоятельствах в Сиракузах.¹⁵⁵ Однако в конце концов Секст Помпей уступил. Переговоры состоялись в Путеолах. Секст Помпей потребовал для начала, чтобы его вместо Лепида включили в триумвират, но это притязание было отвергнуто Октавианом и Антонием.¹⁵⁶ После долгих препирательств соглашение было достигнуто на следующих условиях: Секст Помпей легально получил в управление Сицилию, Сардинию, Корсику и Ахайю; беглые рабы, находившиеся в его армии, получали свободу, а свободные — те же раздачи, которые предназначались солдатам Октавиана и Антония; изгнанники, укрывавшиеся у него, могли вернуться в Рим, кроме убийц Цезаря; сам Секст Помпей мог через друзей выполнять в Риме обязанности консула и авгура. Ему была обещана и компенсация в 17,5 млн сестерциев; однако разрешения возвратиться в Рим он не получил. В свою очередь Секст Помпей обязывался не принимать беглых рабов и высылать в Рим хлеб. Многие из возвратившихся аристократов примкнули к Антонию. Последний снова отправился на Восток.¹⁵⁷

Договор триумвиров с Секстом Помпеем очень скоро был нарушен: Антоний не торопился передать Сексту Помпею провинцию Ахайю (Пелопоннес);¹⁵⁸ нуждаясь в пополнении своего флота, Секст по-прежнему принимал к себе беглых рабов, и их число даже выросло; доставка хлеба из Сицилии быстро прекрати-

лась, и корабли Помпея препятствовали его привозу из других мест. Секст явно не выполнял условия договора, и руки у Октавиана были развязаны. Когда один из военачальников Помпея, вольноотпущенник Менодор (по другой версии — Мена), перешел на сторону Октавиана и в руки последнего передал Сардинию и Корсику,¹⁵⁹ Октавиан начал войну с Помпеем. В морском сражении при Кумах Менодор (в тот момент на стороне Октавиана) одержал победу, однако при Скилле Октавиан был разбит и, покинув свой флот, бежал на берег. С прибытием помощи Октавиан предполагал дать новое сражение, но буря уничтожила большую часть его кораблей.¹⁶⁰ Октавиан обратился за поддержкой к Антонию, и между Тарентом и Метапонтом весной 37 г. до н. э. состоялось их новое совещание. По условиям сговора триумвиры продлили свои чрезвычайные полномочия, истекшие 1 января 37 г. до н. э., еще на 5 лет. Октавиан получил от Антония 120 кораблей для войны с Секстом Помпеем, а Антоний от Октавиана — 20 тыс. солдат для войны с Парфией. Секст Помпей был объявлен врагом отечества, а договор с ним, заключенный в Путеолах, был отменен.

Готовясь к новому туру войны с Секстом Помпеем, Октавиан развернул активную деятельность. Правда, Менодор снова переметнулся к Сексту Помпею¹⁶¹ (позже он опять перебежал к Октавиану), однако эта потеря была компенсирована тем, что друг Октавиана, Марк Випсаний Агриппа, был отозван из Галлии, наместником которой он был (он там еще раз покорил Аквитанию и, переправившись через Рейн, вторгся в Германию); теперь он устроил возле Кум новый порт и там организовал строительство флота.¹⁶² Гребцами на кораблях должны были стать рабы Октавиана и его друзей, а также некоторых сенаторов. Октавиан заставлял сенаторов, всадников и других состоятельных людей «добровольно» жертвовать на военные нужды значительные средства.¹⁶³ Естественно, это вызвало недовольство. В Риме циркулировали стихи, в которых Октавиан зло осмеивался в связи с его поражениями на море и в связи с его новыми подготовительными мероприятиями.¹⁶⁴ В Этрурии начались волнения, однако они не смогли повлиять на ход и исход событий.¹⁶⁵ Вообще война эта была в Риме крайне непопулярной. Рассказывали, что Габием, один из ветеранов Цезаря,

смертельно раненым попал в плен к неприятелю; очнувшись на мгновение, он сказал: это боги отпустили его передать Помпею, что его дело правое и он победит.¹⁶⁶ Среди подготовительных мер было и переселение жителей Липарских островов, которым Агриппа не доверял, в Кампанию, в окрестности Неаполя.¹⁶⁷

В июле 36 г. до н. э. флот Октавиана направился к Сицилии. Снова буря разбила значительную часть кораблей; снова в Риме происходили подавлявшиеся солдатами волнения и бунты плебса, недовольного дороговизной и сокращением раздач.¹⁶⁸ Но корабли были отстроены заново, а рабам, находившимся на них, предоставлено римское гражданство.¹⁶⁹ Во второй половине 36 г. до н. э. война вступила в завершающую фазу. В битве при Милах Агриппа заставил Секста Помпея отступить.¹⁷⁰ Однако попытка Октавиана высадить десант в Тавромении оказалась неудачной. Поражение было очень серьезным; сам Октавиан едва не попал в плен;¹⁷¹ растерянный и паникующий, он просил своего друга Прокуля его убить,¹⁷² но в конце концов ему удалось скрыться в Италию.¹⁷³ 3 сентября 36 г. до н. э. в битве при Навлохе Секст Помпей был разгромлен и покинул Сицилию.¹⁷⁴ Вскоре он погиб на Востоке.

Биограф рассказывает любопытные подробности, касающиеся Октавиана. Перед битвой при Милах его одолел сон, и друзьям пришлось его будить, Антоний издевательски писал, что Октавиан даже глаз не смел поднять на готовые к бою суда; он валялся, как бревно, глядя в небо, и вышел к войскам только тогда, когда Марк Агриппа уже одержал победу.¹⁷⁵

В войне с Секстом Помпеем участвовал и Лепид; после победы он вознамерился захватить Сицилию, а в перспективе лишить Октавиана власти. Однако последний сумел переиграть своего соперника: ему удалось уговорить солдат и Лепида, и Секста Помпея перейти на свою сторону.¹⁷⁶ Октавиан сохранил Лепиду жизнь как великому понтифику; до 12 г. до н. э. Лепид жил в Риме в качестве частного лица.¹⁷⁷ Иной была судьба воинов Секста Помпея. Октавиан вероломно предал свои обещания. Поначалу они были размещены в различных областях; затем по приказу, который военачальники вскрыли в один и тот же день, все беглые рабы были отправлены в Италию и Рим и там

возвращены своим прежним хозяевам. Всего их было 30 тыс. человек.¹⁷⁸

Солдаты Октавиана волновались; они требовали награды (чрезмерных — говорит Дион Кассий), угрожали и в конце концов стали добиваться отставки. Они рассчитывали, что на это Октавиан не пойдет. Однако Октавиан согласился: отставку получили участники сражений при Мутине, а затем и те, кто прослужил в армии десять лет. При этом Октавиан заявил, что никого из них он больше на службу не возьмет. Помимо ветеранов Мутинской войны «достойнейшим» были обещаны не только деньги, но и земли; всем солдатам было выдано по 500 драхм. Участникам морской победы Октавиан приказал раздать венки; военный трибун Офиллий, требовавший земли и денег, видимо один из организаторов бунта, бесследно исчез.¹⁷⁹

Особенно щедро был награжден за свои победы Агриппа — золотым венком из весел и огромными земельными владениями в Сицилии.¹⁸⁰

Римляне-аристократы, остававшиеся до конца с Помпеем, были в большинстве своем убиты; такая же судьба постигла и многих друзей Лепида.

Возвратившись в Рим, Октавиан созвал за городской чертой сходку граждан, на которой заявил, что им прекращена гражданская война; с аналогичной речью Октавиан выступил и перед сенатом.¹⁸¹ Следствием этого заявления была серия важнейших политических мер: сложение недоимок по налогам и откупам,¹⁸² сожжение непрочитанными документов, относящихся ко времени Гражданских войн,¹⁸³ что означало прекращение проскрипций. В Риме обратили внимание и на чрезвычайную умеренность Октавиана: он отказался от ряда почестей, которые были для него предназначены, и — что было особенно существенно — отверг при жизни Лепида должность великого понтифика. Подобно своему приемному отцу, Октавиан получил пожизненную трибунскую власть;¹⁸⁴ он обещал, когда Антоний возвратится с Востока, восстановить прежний государственный строй.¹⁸⁵ Энергичные меры Октавиан принимал и для искоренения разбоя и наведения порядка в Италии. По-видимому, в этих поступках, мерах и обещаниях можно видеть первые ростки той системы, которую позднейшие историки назовут принципатом.

Очевидно, объявленная Октавианом политика находила благоприятный отклик в Италии, истомленной войнами, насилиями, грабежами и конфискациями. Не случайно Вергилий в «Георгиках» прославляет Октавиана как защитника и покровителя италиков и призывает ему на помощь италийских богов. Конечно, Вергилий выступает в роли официозного поэта; он и начал писать «Георгики» в 37 г. до н. э. по наущению Мецената — друга Октавиана, покровителя литературы и литераторов. И все же поэма Вергилия звучит слишком искренне, чтобы счесть ее только продуктом такого рода творчества. Да и обращался он к аудитории, у которой его речи должны были вызвать благоприятный отклик.

Популярность Октавиана еще больше возросла благодаря его иллирийским походам. Первоначально он планировал поход в Британию, но затем ограничился более близкой и, главное, более понятной народу целью: иллирийцы были старыми врагами, опустошавшими италийские берега, промышлявшими пиратством. Еще в 48 и 44 гг. до н. э. иллирийцы нанесли Риму серьезные поражения.¹⁸⁶ В 35—33 гг. до н. э. вместе с Агриппой Октавиан одержал несколько побед над иллирийцами, сражаясь в ряду легионеров, и получил рану — камнем в колено.¹⁸⁷

В 33 г. до н. э. Агриппа (а за ним, несомненно, стоял Октавиан) занял должность эдила.¹⁸⁸ Это также был акт большого общественного звучания. Эдильство в системе римских магистратур было одной из должностей, которыми начиналась карьера государственного деятеля. Ее же получали относительно молодые люди; теперь же ее занял человек, находившийся у вершины пирамиды; за его плечами были и блестящие победы, и должность претора (следом за нею шла должность консула), и — самое главное — дружба с Октавианом. Но и Агриппа, и Октавиан знали, что делали. Агриппа восстанавливал на свои средства общественные здания, ремонтировал улицы, очищал клоаки, устроил блестящие и дорогостоящие игры. В его эдильство бесплатно раздавали соль и масло, были открыты общественные бани, которые можно было посещать бесплатно, в театрах разбрасывались тессеры — своеобразные жетоны, по которым можно было получить деньги, одежду, продукты и т. п. Демонстри-

руя свою староримскую добропорядочность, Агриппа изгнал из Рима магов и астрологов. Наконец, было запрещено привлекать к суду по обвинению в пиратстве, т. е. в сочувствии и помощи Сексту Помпею; это был жест в сторону сената.

Могли ли такие действия вычеркнуть из памяти ужасы проскрипций и конфискаций? Едва ли. Но они свидетельствовали об умиротворении, о возрождении былой мощи, былого величия, былого благоденствия Рима. . .

* * *

Вопреки всем ожиданиям современников, в том числе и прежде всего ветеранов-цезарианцев, примирение Октавиана с Антонием не было прочным, да и не могло быть: слишком застарелым было соперничество, слишком глубокой была вражда, чтобы она могла быть выкорчевана даже и многократными урегулированиями. Да и ставка была чересчур высока: господство над всей Римской державой. Но в этом последнем раунде Гражданской войны Октавиан переиграл Антония. И прежде всего, несомненно, в глазах общественного мнения.

В самом деле, в то время как Октавиан и сам лично, и через друзей проявлял заботу об умиротворении и реставрации государства, в то время как он пекся о благе народа и о величии Римской державы, — в это самое время Антоний. . .

Еще в конце 41 или в начале 40 г. до н. э. парфяне овладели почти всей Сирией; только в 49—38 гг. до н. э. Публий Вентидий Басс, полководец Антония незнатного происхождения, нанес им ряд поражений и даже получил титул императора с правом отпраздновать триумф. Триумф был действительно отпразднован в 38 г. до н. э., и после этого Вентидий исчез с политической арены. Антоний провел зиму 39/38 г. до н. э. вместе с Октавией в Афинах, участвуя в праздниках, риторических состязаниях и т. п. Афиняне провозгласили его новым Дионисом и даже выдали за него замуж Афины, дав ей приличествующее случаю приданое.¹⁸⁹ Но ведь и Октавиана исподволь представляли богом! После совещания в Таренте Антоний снова направился на Восток. В Керкире он расстался с Окта-

вией, и она вернулась на родину, а осенью 37 г. до н. э. Антоний снова встретился с Клеопатрой. Не прерывая брака с Октавией, он, вопреки всем римским нормам и обычаям, женился также и на Клеопатре.¹⁹⁰ В 35 г. до н. э. Октавия отправилась к Антонию; он, однако, велел ей из Афин вернуться обратно. Конечно, Антонием двигала его безумная, безоглядная любовь к знаменитой египетской царице (все попытки образумить его оканчивались неудачей), но подобный поступок был откровенным вызовом и Октавии, и Октавиану, и всей римской традиции. Мало того, он отдал под власть Клеопатры громадные территории в Передней Азии — Иерихон с бальзамными рощами, причем иудейский царь Ирод считался на этой территории как бы управителем Клеопатры,¹⁹¹ северную Финикию от Берита до Лаодикеи, Халкидику и, кроме того, Кипр и владения в Малой Азии. Весной 36 г. до н. э. начался поход Антония против парфян, закончившийся неудачно, и этого факта не могли изменить победные реляции, которые Антоний слал в Рим.¹⁹² Захватив армянского царя Артавазда, которого он обвинил в своих неудачах, Антоний отпраздновал по поводу «победы» над Армянский триумф в Александрии (не в Риме, как требовал обычай!), причем Клеопатра была провозглашена царицей царей, ее сын от Цезаря Цезарион — царем царей, ее сыну от Антония Александру Гелиосу были обещаны Армения, Мидия и Парфия, еще одному сыну Клеопатры от Антония, Птолемею Филадельфу, — Финикия, Сирия и Киликия, а их дочери Клеопатре Селене — Ливия с Киренаикой. Римские солдаты образовывали личную охрану Клеопатры и носили на щитах ее имя.¹⁹³ Все это могло восприниматься только как еще один вызов Риму потерявшего голову влюбленного безумца, который не Римскую державу укрепляет и расширяет, а строит вселенское государство для Клеопатры и для себя — при Клеопатре.

Новый этап борьбы начался со взаимных обвинений в письмах, эдиктах и указах, которыми обменивались триумвиры и которые, конечно, распространялись в широкой аудитории. Октавиан упрекал Антония в неверности, в скандальности той жизни, которую он вел в Александрии; на это Антоний без обиняков отвечал, что Клеопатра уже 9 лет как его жена (письмо написано в 32 г. до н. э.) и в свою очередь упрекал Окта-

виана в неблагоприятном поведении по отношению к женщинам.¹⁹⁴ Обвинял Антоний Октавиана и в том, что он разорил Италию и без согласия Антония сместил Лепида; он требовал своей доли добычи, захваченной в Сицилии, а также новых земель для своих солдат.¹⁹⁵ Он заговаривал даже об отказе от чрезвычайных полномочий, на что Октавиан пойти никак не мог. Октавиан настаивал на том, что Лепида лишь постигло заслуженное наказание, что он не поделился с Антонием сицилийской добычей так же, как тот не поделился с ним Арменией. Октавиан обвинял Антония в захвате Египта, требовал от него половины всей взятой на Востоке добычи. Он упрекал Антония и в вероломстве по отношению к армянскому царю Артавазду (нарушение римской верности!), в жестокости по отношению к Сексту Помпею, в раздаче римских владений Клеопатре и ее детям.¹⁹⁶

Окончательный разрыв наступил в самом начале 32 г. до н. э. Консулами на этот год были избраны Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий, оба активные приверженцы Антония. По обычаю консулы должны были выступить 1 января с докладом о положении государства, и Сосий, несомненно по наущению Антония, использовал эту возможность для прославления Антония и для обвинения Октавиана, причем Антоний заявлял о своей готовности сложить полномочия триумвира (они истекали как раз в 32 г.), если Октавиан сделает то же самое и если сенат утвердит распоряжения Антония на Востоке.¹⁹⁷ Все это было равносильно объявлению войны. Впрочем, на второй части этого требования Сосий, по-видимому, не настаивал,¹⁹⁸ тем более энергично обвиняя Октавиана.¹⁹⁹ Однако провести благоприятное для Антония решение Сосий не сумел: сторонник Октавиана народный трибун Марк Ноний Бальб наложил на него вето.

Октавиан блистал на заседании своим отсутствием; даже в Риме он не удостоил быть в этот критический момент.²⁰⁰ Однако, воротившись в Рим, Октавиан созвал сенат и явился на его заседание в окружении солдат и своих приверженцев: сенаторы должны были сразу понять, на чьей стороне сила. Заняв место между консулами, Октавиан произнес обвинительную речь против Сосия и Антония, обещая представить затем и документальные доказательства. По-видимому, к ре-

чи Октавиана восходит обвинение, сохранившееся у Ливия, что Антоний не желает ни в Рим являться, ни по окончании триумвирата сложить свою власть.²⁰¹ В этом изложении инициатором войны изображается Антоний. Сторонники Антония в сенате молчали: окружение Октавиана было красноречивее любых доводов и документов. В ту же ночь они, в том числе и оба консула, покинули Рим и отправились к Антонию. Октавиан остался в Италии хозяином положения.

Случай помог Октавиану набрать новые политические очки в разгоравшейся схватке. На его сторону перешли Луций Мунаций Планк, один из ближайших друзей Антония, его наместник в провинции Азии (Антоний выражал свое недовольство тем, что Мунаций слишком беззастенчиво грабит свою провинцию), и племянник Мунация Марк Титий, которому Антоний поручил войну против Секста Помпея и командование флотом на севере Архипелага. Перебежчики стремились проявить повышенное усердие; Мунаций так рьяно поносил Антония в сенате, что один из цезарианцев, Кононий, отвечал ему: Антоний действительно, должно быть, совершил много постыдных дел как раз в тот день, когда Мунаций его оставил.²⁰² Репутация этого человека была слишком очевидна: наш источник говорит, что в нем все было продажно, что он страдал болезнью предательства, но Октавиан принял и его, и его племянника. Будучи близкими друзьями Антония, они подписывали в качестве свидетелей его завещание, хранившееся у весталок, и, конечно же, не преминули раскрыть Октавиану его содержание. Оно было настолько поразительным и настолько компрометирующим Антония, что Октавиан овладел им и огласил его на сходке народа.²⁰³ Антоний объявлял в завещании Цезариона подлинным сыном Цезаря, оставил колоссальные суммы другим детям Клеопатры;²⁰⁴ даже если бы он умер в Риме, его тело должно было отправить к Клеопатре в Александрию.²⁰⁵ Владения, которые были переданы Клеопатре, также закреплялись за нею.

Октавиан решил начать войну. Так как гражданской войны никто не хотел, дело было обставлено так, что это Римское государство объявляет войну египетской царице Клеопатре за то, что она претендует на провинции, принадлежащие римскому народу. Так как было очевидно, что Антоний не останется безучастным,

предполагалось, что он окажется в позиции инициатора конфликта, человека, объявляющего из-за египтянки войну своему отечеству.²⁰⁶ В своем качестве жреца-фециала Октавиан совершил необходимый обряд — бросил копье на участок, считавшийся неримской землей.²⁰⁷ Но подлинным противником Октавиана был, конечно, Антоний; решением сената, где никто не хотел и не смел возражать, Антоний был лишен власти триумвира и консульства на последующий год.²⁰⁸ Но и полномочия Октавиана в качестве триумвира истекли, а консульство его должно было начаться только в будущем году. Поэтому Октавиан пошел на экстренную меру: по его приказу (инсценировалось, конечно, свободное волеизъявление) вся Италия и западные провинции — Галлия, Испания, Африка, Сицилия, Сардиния — присягнули ему на верность; позже он представит дело так, будто вся Италия избрала его быть командующим в войне, где он победил в битве при Акцииуме.²⁰⁹ В другом месте Октавиан утверждает, что ему присягали, т. е. служили в его армии, около 500 тыс. римских граждан;²¹⁰ имеются в виду, очевидно, все войны, которые он когда-либо вел. Каковы бы ни были ближайшие политические цели Октавиана (он ощущал, несомненно, скрытое сопротивление и стремился обеспечить себе надежный тыл), значение этого акта выходило далеко за рамки политической злобы дня. В основу отношений между Октавианом и населением подвластных ему территорий, и прежде всего с италиками, т. е. с массой римских граждан, была положена взаимная верность — верность клиентов (италиков) своему патрону (Октавиану) и верность патрона клиентам. Власти Октавиана был придан, таким образом, сакральный характер. Эта присяга стала впоследствии краеугольным камнем политического режима, созданного Октавианом. Антоний тоже привел к присяге своих солдат и обещал через два месяца после победы передать власть сенату. Его с трудом уговорили сделать это через полгода, а время использовать для устройства государственных дел.²¹¹

Одним из самых слабых мест Октавиана было постоянное отсутствие денег: вот и теперь на войну с Антонием их катастрофически не хватало. Октавиан обратился к богачам с требованием делать «добровольные» пожертвования; он прибег к храмам в поисках займов

и, наконец, ввел всеобщий налог на ведение войны: все свободные, владевшие землей в Италии, должны были заплатить четвертую часть своих годовых доходов, а вольноотпущенники, чье состояние составляло 200 тыс. сестерциев и более, — восьмую долю своего имущества.²¹² Эти меры вызвали вспышку массового недовольства вольноотпущенников; то там, то здесь происходили бунты, пожары, кровавые выступления,²¹³ но Октавиан поставил на своем.

Флот Октавиана, собиравшийся в Таренте и Брундисии, насчитывал 250 судов; к нему присоединилась в 31 г. до н. э. и спартанская флотилия под командованием Еврикла. Сухопутная его армия составляла 80 тыс. человек. Войска Антония были значительно больше: 100 тыс. пехотинцев, 12 тыс. всадников, 500 военных кораблей, не считая транспортных судов (в частности, 200 кораблей Клеопатры); в эту армию входили войска восточных правителей из Малой Азии, Сирии, Иудеи и Аравии.²¹⁴ Подобно Сципиону Африканскому, Октавиан демонстрировал пренебрежение к неприятелю. Когда один из шпионов Антония, Луций Мессий, был захвачен, ему были показаны все приготовления и вооружения Октавиана (так же когда-то поступил и Сципион с соглядателями Ганнибала), и он был отпущен с приказом передать Антонию: пусть Антоний высадится в Италии и там через пять дней в генеральном сражении решится исход войны либо сам Октавиан высадится на его территории. Антоний эти предложения отверг и в свою очередь вызвал Октавиана на единоборство либо предложил провести генеральное сражение при памятном обоим Фарсале. Октавиан эти вызовы также отклонил.²¹⁵

Уже в конце зимы 32/31 г. до н. э. Октавиан попытался напасть на морской лагерь Антония при Акциуме, однако ему удалось добраться только до Керкиры, и штормы заставили его вернуться в Италию. Весной его флот, которым командовал Агриппа, захватил важную гавань Метона в южной Мессении;²¹⁶ сам Октавиан сумел овладеть побережьем Эпира, а его флот некоторое время спустя — островом Коркира. Армия и флот Октавиана затем соединились у гавани Амбракия, чтобы внезапно напасть на флот Антония. Последний, применив военную хитрость, заставил Октавиана отказаться от этого намерения и закрепиться у бух-

Гай Юлий Цезарь Октавиан — полководец.

ты Акциум. Общее положение складывалось для Антония неблагоприятно: его союзники и солдаты переходили к Октавиану; его флот оказался под угрозой. Рассказывали, что Октавиан накануне битвы, выйдя из палатки, встретил погонщика осла; оказалось, что погонщика звали Евтих («Счастливый»), а осла Никон («Победитель»)²¹⁷ Октавиан счел это событие благоприятным предзнаменованием, и, конечно, слухи о нем получили широкое распространение. Октавиан приказал поставить на месте встречи бронзовую группу, изображавшую погонщика и его осла. Впоследствии она была перенесена в Константинополь, помещена на ипподроме, а при разрушении города крестоносцами уничтожена. 2 сентября 31 г. до н. э. при Акциуме состоялось решающее сражение.²¹⁸ В ходе боя возникла опасность, что флот Антония окажется запертым в бухте, и Клеопатра, покинув схватку, направилась со своими кораблями в Египет. Антоний бросился за нею, и это решило исход сражения. На сторону Октавиана

перешли воины Антония и сенаторы, находившиеся при его дворе.

К попавшим в его руки сенаторам Октавиан отнесся в целом милостиво.²¹⁹ Однако исключения все же были. Так, он заставил Луция Аквиллия Флора и его сына метать жребий, кому умереть; отец добровольно поддался сыну, а сын покончил с собой. На смерть был отправлен и Гай Скрибоний Курион, сын того народного трибуна, который некогда помогал Цезарю. Марк Эмилий Скавр также был осужден, но в последнюю минуту помилован.²²⁰ Гаю Сосию удалось бежать от неминуемой гибели.²²¹ Ветераны обеих армий в своем большинстве были возвращены на родину, не получив ожидаемого вознаграждения;²²² других солдат разместили по гарнизонам. Начались солдатские волнения, и Октавиан среди зимы спешно вернулся в Брундисий.²²³ Снова он должен был изыскивать средства удовлетворить своих воинов. Денег по-прежнему не было, и пришлось платить из своих средств и средств своих друзей в расчете на предстоящую египетскую добычу. Получили солдаты и земли, но так, чтобы не затронуть местных жителей.

Победа при Акциуме сделала Октавиана хозяином всей Римской державы, и Октавиан хорошо это сознавал.²²⁴ На холме, где находился его воинский лагерь, он основал новый город Никополь («Победоград») в ознаменование случившегося.²²⁵ О том, какое значение Никополь должен был получить среди греческих городов, свидетельствует тот факт, что в Дельфийской амфикионии он получил шесть голосов;²²⁶ кроме того, он считался союзным Риму,²²⁷ а возможно, и римской колонией,²²⁸ хотя последнее свидетельство и вызывает сомнения. В память о победе Октавиан учредил Актийские игры,²²⁹ которые должны были проводиться раз в пять лет. В Риме также были учреждены игры в честь победы при Акциуме.²³⁰ Справлялись они и в мелких городах. Многие города вводили у себя новые эры, начинавшиеся от победы при Акциуме.

Победив при Акциуме, Октавиан выиграл решающую партию в своей жизни: Антоний, укравшийся в Египте, был уже не опасен; восток Римской державы, еще совсем недавно вотчина Антония, лежал у его ног. Однако свое положение на Востоке Октавиану следова-

ло закрепить, и он решил посвятить себя прежде всего этой задаче.

Вскоре после битвы при Акциуме Октавиан отправился в Афины и в Элевсине принял посвящение в Элевсинские мистерии.²³¹ Зимой 31/30 г. до н. э. он провел на Самосе,²³² находясь там, вступил в свое четвертое консульство вместе с Марком Лицинием Крассом, сыном известного триумвира. Есть основания думать, что на Самосе было объявлено о сложении долгов²³³ — мероприятие, имевшее важное социальное значение и направленное на то, чтобы привлечь к Октавиану симпатии социальных низов в городах Восточного Средиземноморья. Не принял эту меру только на Родосе. Известно, что выходец из сирийского города Рососа наварх Октавиана Селевк, сын Феодота, получил от Октавиана римское гражданство,²³⁴ и это был, видимо, не единственный случай. Послам из Рососа Октавиан оказал милостивый прием и обещал им ради Селевка исполнить их пожелания и сохранить их привилегии. Видимо, и это был далеко не единственный случай.

Бегство Клеопатры и Антония едва не закончилось драматически. Антоний чуть было не попал в плен к спартанскому тирану Евриклу, уже упоминавшемуся выше; Еврикл сумел захватить один из двух флагманских кораблей и транспортное судно беглецов.²³⁵ В награду Еврикл получил римское гражданство и сохранение своей тирании в Спарте и Кифере. Антоний ускользнул, однако он пребывал в состоянии апатии. Видимо, его сломило поведение Клеопатры: ее бегство было явной изменой ему; она пыталась спастись одна, бросив его на произвол судьбы. На какое-то время он вышел из своего состояния полного безразличия, узнав, что некоторые его воинские части еще держатся, и отправил приказ Канидию Крассу вывести их через Македонию в Азию. Сам он намеревался встать во главе своих африканских войск. Антоний отправился в Парэтоний на египетско-киренской границе и приказал Луцию Пинарию Скарпу привести туда четыре легиона из Кирены. Однако Пинарий подчинил эти войска вместе с провинцией Корнелию Галлу, наместнику Октавиана в Африке. Попытка собрать силы для сопротивления сорвалась.

Клеопатра, прибыв в Александрию, объявила о своей и Антония победе: она опасалась волнений. Возможных предводителей недовольных Клеопатра поспешила казнить. Среди погибших был и армянский царь Артавазд, его голову Клеопатра велела отослать мидийскому царю, надеясь обеспечить себе убежище в Мидии.²³⁶ Клеопатра не знала, что делать: то она решала бежать, то решала защищать Египет и укреплять границы при Парэтонии и Пелусии,²³⁷ то решала вступить в переговоры с Октавианом. Был у нее план²³⁸ бежать через Красное море в Африку или Индию, но по наущению Квинта Дидия, наместника Сирии, который перешел на сторону Октавиана, кочевники-арабы сожгли ее корабли в Суэцкой гавани.

События в Италии лишь на короткое время отвлекли Октавиана от того, что происходило на Востоке. В конце февраля 30 г. до н. э. он покинул Италию²³⁹ и, переташив свои корабли через Истм, прибыл к берегам Родоса, где у него состоялась встреча с иудейским царем Иродом. Последний обеспечил себе при особе Октавиана благоприятное положение (он ведь не участвовал в битве при Акциуме!). Впоследствии Ирод оказал Октавиану действительную помощь во время похода в Египет. Оттуда Октавиан прибыл в Сирию и двинулся в Египет. Пелусий не оказал ему сопротивления.²⁴⁰ Клеопатра посылала к Октавиану послов, прося сохранить трон за ее детьми. Она даже отослала Октавиану знаки царского достоинства и золотой трон: это должно было показать, что они воспримут власть из рук Октавиана как верховного владыки. Антоний просил позволить ему жить в Афинах в качестве частного лица.²⁴¹ Октавиан не отвечал Антонию, а у Клеопатры потребовал ее подчинения и — в тайном письме — убийства Антония как условия для ее прощения. Антоний и Клеопатра предлагали выкуп за себя и выдали Октавиану Турилла, одного из убийц Цезаря. Другие попытки Антония также не дали результата. В свою очередь Октавиан попытался с помощью вольноотпущенника Тирса убедить Клеопатру предать Антония. Утром 1 секстилия (позже этот месяц назовут августом) 30 г. до н. э. Антоний покончил с собой.

Известие о гибели Антония было, конечно, самой благоприятной новостью, которую могли доставить Октавиану. Тем не менее он счел необходимым оплакать

поверженного врага, показывать друзьям его письма и убеждать их, что Антоний сам накликал на себя свою судьбу.²⁴² Впрочем, старшего сына Антония и Фульвии, долго и напрасно умолявшего о пощаде, пытавшегося найти убежище у статуи Цезаря, он велел оттащить и убить.²⁴³

Клеопатру Октавиан хотел сохранить для участия в триумфальном шествии. Ее захватили хитростью; делалось все, чтобы исключить возможность самоубийства. Клеопатра пыталась соблазнить Октавиана, но ей это не удалось, несмотря на все его женолобие. На встрече с Октавианом Клеопатра пыталась оправдаться; Октавиан отвечал пустыми холодно-вежливыми фразами.²⁴⁴ Клеопатра ни в коем случае не хотела идти перед колесницей триумфатора Октавиана. Она сумела все же обмануть его и внушить, что примирилась со своею судьбой. Действительность была иной: Клеопатра, улучив момент, покончила с собой (умерла от укуса ядовитой змеи), оставив для Октавиана письмо с просьбой похоронить ее рядом с Антонием. Ее труп нашли простертым на золотом ложе в царском одеянии. Вместе с нею ушли из жизни и обе ее служанки. Попытки оживить царицу не дали результата. Просьбу Клеопатры Октавиан исполнил. Он даже пощадил ее статуи; правда, один из ее друзей, Архибий, должен был заплатить за это 2 тыс. талантов. Статуи Антония и его надписи были уничтожены, его день рождения был объявлен несчастливым днем, всем Антониям было запрещено в будущем носить личное имя Марк. По иронии судьбы известие о смерти Антония пришло в Рим, когда консулом был Марк Туллий Цицерон, сын знаменитого оратора.²⁴⁵

Гражданские войны закончились. . .

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Гражданские войны закончились. Хилый и болезненный, плохо разбиравшийся в военном деле, Октавиан одолел всех своих врагов и соперников и достиг высшей власти. Ему было в этот момент тридцать три года. Его юность прошла в интригах и войнах, в расправах и казнях. Он видел, как измены и предательства совершались на каждом шагу, сам страдал от предательства и, случалось, привечал предателей; он не мог не сознавать, что староримские «верность» и «благочестие» хороши как лозунги, рассчитанные на рабов, на одурачивание толпы, но в политической борьбе им давно уже нет места; здесь все движет личная корысть и все дозволено. Жизненный опыт научил его не верить никому и ничему, быть осторожным и осмотрительным, безусловно рассчитывать только на себя самого. Октавиан хорошо понимал, что при первой же неудаче друзья покинут его, как покинули Антония и Секста Помпея. Он помнил хорошо, как друзья, подобно коршунам, набросились на Цезаря. Перед ним стояла задача невероятной сложности — укрепить свою власть и сделать ее недосыгаемой для каких-либо покушений. Она была тем более сложной, что явных врагов у него не было: все трепетало, все ожидало. . .

И все же Октавиан опасался возможного соперничества. Опасным претендентом на власть ему казался Цезарион, сын Цезаря и Клеопатры. Мать упрягла его на юге Египта, и оттуда он должен был удалиться в Индию, однако его педагог Родон уговорил его вернуться, расписывая, как Октавиан отдаст ему царство его матери. По дороге на север Цезарион был захвачен и убит. Говорили, будто Октавиан какое-то время колебался, но в конце концов принял свое решение, сказав: «Нехорошо многоцезарство».¹ Казнены были и римляне — военачальники и приближенные Антония и Клеопатры. Орозий называет, в частности, Публия Канидия

и сенатора Кассия Пальменсис.² Дети Клеопатры от Антония — Александр Гелиос, Клеопатра Селена и Птолемей Филадельф — были проведены в триумфе и впоследствии, как и другие дети Антония, находились при дворе Октавиана. Их, по всей видимости, можно было не опасаться.

Тревожно было и в Риме. Сын бывшего триумвира Лепида, тоже Марк Эмилий Лепид, замыслил убить Октавиана по его возвращении из Египта. В заговор была посвящена и его мать Юния, сестра Марка Юния Брута; отец, по-видимому, ничего не знал. Заговор был раскрыт Меценатом, управляющим Римом и Италией; Лепид-старший умолил консула Бальбина пощадить его жену, но сын был отправлен к Октавиану и там казнен.³

Значительный интерес представляет судьба Египта. Октавиан не допустил разграбления Александрии (вместо этого он выдал каждому солдату по 250 драхм)⁴ и даже расширил ее, основав в непосредственной близости от нее город Никополь в ознаменование своей победы.⁵ В Александрии был достроен храм, ранее предназначавшийся для культа Антония, и посвящен обожествленному Цезарю. Но и без ограбления Александрии добыча, захваченная в Египте, позволила оплатить все расходы на войну⁶ и отменить взыскание недоимок.⁷

Находясь в Египте, Октавиан считал необходимым посетить гробницу Александра Македонского в Александрии и возложить на нее венок. Посетить погребение Птолемея I, основателя египетско-эллинистической царской династии Птолемеев, он отказался, заявив, что желает видеть царя, а не мертвецов.⁸ Пренебрежительное отношение Октавиана к самой Клеопатре и к царскому дому, к которому она принадлежала, было проявлено с подчеркнутой демонстративностью. Совершил Октавиан и поездку по Египту. В Мемфисе, древней столице страны, он также не считал нужным совершить поклонение Апису (египетский бог, почитавшийся в облике быка); он привык поклоняться богам, а не быкам, будто бы сказал он.⁹

В своих политических документах Октавиан неоднократно заявлял, что он подчинил Египет власти римского народа.¹⁰ Действительность, однако, была иной. Египет, откуда в Рим и в Италию поставлялся хлеб (еже-

годно 1340 тыс. гектолитров зерна), был слишком важен, чтобы оставлять его на произвол различных политических случайностей. Страна была подчинена непосредственно Октавиану, который рассматривал себя здесь как прямой преемник Птолемея и древних египетских фараонов. Непосредственное управление Египтом от имени Октавиана осуществлял назначавшийся им чиновник (префект), обычно из всадников.¹¹ Он замещал верховного владыку и на всех сакральных церемониях. В остальной системе управления Египтом и взимания податей не претерпела изменений; впрочем, власти заботились о благосостоянии Египта — уровне воды в Ниле, строительстве дорог, торговле Египта с Южной Аравией, Индией и Восточной Африкой и т. п.

Эта организация завоеванного государства послужила тем образцом, которому Октавиан станет неукоснительно следовать в будущем (выделение провинций, непосредственно подчиненных императору). Она показала и другое: Октавиан действовал здесь в конечном счете в своих личных интересах.

* * *

Неотложные дела призывали Октавиана в Рим. Незадолго до отъезда из Александрии к нему явился иудейский царь Ирод. Ранее он был союзником Антония, но потом немало помог и Октавиану; последний счел возможным поощрить его, отдав ему все побережье Палестины от границ Египта до Тира, которое прежде Антоний присоединил к Египту, а также Самарию и северные области Палестины. 400 солдат-галлов, ранее служивших Клеопатре, были переданы Ироду.¹²

Во время поездки по Сирии Октавиана также сопровождал Ирод;¹³ вся Сирия изъявляла покорность; все ее города переходили на исчисление лет от битвы при Акциуме. В Сирии, как позднее и в Малой Азии, Октавиан не менял или, точнее будет сказать, почти не менял существовавшие до него политические структуры. И, разумеется, он повсюду щедро одаривал своих сторонников. Ирод вовсе не был исключением из правила. Не менее характерна история тирана Клеона, который был для своего времени чрезвычайно колоритной фигурой. Страбон называет его предводителем разбой-

ничьих шаек (он действовал на западе Малой Азии). Он оказал значительные услуги Антонию, однако в битве при Акциуме перешел на сторону Октавиана. В результате своих действий Клеон оказался властителем крупных территорий: он был жрецом мисийского божества Абреттенского Зевса, владел частью Морены (также область в Мисии; Мисия — одна из провинций Малой Азии), а затем получил и должность верховного жреца в понтийской Комане.¹⁴ Понятно, эти жреческие титулы были сопряжены с положением главы соответствующих государственных образований (гражданско-храмовых общин). Как видим, Клеон не только сумел воспользоваться союзническими отношениями с Антонием, чтобы под покровительством последнего сколотить себе небольшое государство, но и, вовремя сменив политическую ориентацию, сохранил при Октавиане и даже, несомненно с его благословения, расширил свои владения. К врагам Октавиан был беспощаден. Так, в Гераклее Понтийской местный правитель Адиаторикс, устроивший перед битвой при Акциуме массовое истребление римлян (он утверждал, что по приказу Антония), был захвачен и отправлен в Рим для участия в триумфе; в Риме Адиаторикс был убит вместе с сыном.¹⁵ Повсеместно в городах Малой Азии ставленники Антония лишались власти. Вместе с культом богини Рима в Малой Азии утверждался и культ обожествляемого Октавиана.

Наконец, после посещения островов Архипелага, Коринфа, Брундисия, Неаполя и Капри в секстилии (августе) 29 г. до н. э. Октавиан вернулся в Рим. Там был торжественно отпразднован триумф, продолжавшийся три дня, и были совершены торжественные жертвоприношения.¹⁶ Октавиан получил совершенно неслыханные почести: его имя было включено в сакральные песнопения наряду с именами богов, одна из триб (племена, из которых состоял римский народ) была названа Юлиевой, на всех праздниках он мог появляться в венке, день его вступления в Рим должен был стать праздничным на вечные времена. Октавиан получил разрешение по своему усмотрению и без ограничений пополнять коллегия жрецов. Возвращение Октавиана в Рим вылилось в грандиозный праздник, который завершился закрытием храма Януса: по всей Римской державе водворился мир. В Риме широко распростра-

нялась официальная версия, будто государство избавилось от смертельной опасности, будто Клеопатра собиралась захватить Рим и срыть Капитолий, а Секст Помпей — сделать римлян рабами.¹⁷ Всеобщая радость была, вероятно, искренней; тяга к миру была настолько сильна, что тени жертв многочисленных репрессий и террористических актов, казалось, поблекли.¹⁸ К тому же солдатам и всему народу были розданы громадные деньги.

Триумф Октавиана знаменовал собою начало новой эпохи в жизни римского общества. Все, разумеется, было обставлено так, будто в Риме возрождается исконная римская форма правления, возвращена мощь законам, восстановлен авторитет судов, величие сената, власть магистратов по древнему образцу, возобновлена древняя и старинная форма государства, честь святынь, обработка полей, безопасность людей, гарантии собственности.¹⁹ И на монетах,* и в надписях²⁰ Октавиан фигурирует как человек, освободивший государство от господства партии, возвративший свободу римскому народу. Октавиан категорически воспротивился тому, чтобы его провозгласили Ромулом, т. е. новым основателем и властителем Рима на древний царский манер:²¹ он боялся, что его заподозрят в стремлении к царской власти. Столь же энергично он отказывался и от диктатуры.²² Пример Цезаря не давал ему покоя. Но все равно и слова, и жесты оставались пустыми словами и жестами, ничего не значившими. Среди почестей, которые были предоставлены Октавиану еще в 30 г. до н. э., была ведь и пожизненная трибунская власть,²³ а она обеспечивала ему фактически всю полноту власти. Уходили в прошлое времена полновластия сената и народного собрания. Уже в 29 г. до н. э. был составлен новый список сенаторов, а на 20 г. до н. э. Октавиан был избран консулом (вместе с Марком Випсанием Агриппой) и цензором. В 28 г. до н. э. новый ценз был проведен и состав сената обновлен.²⁴

Примечательная особенность нового списка сенаторов заключалась в том, что с 28 г. до н. э. первым в нем значился Октавиан;²⁵ тем самым он признавался первоприсутствующим в сенате (*princeps senatus*). Это

---

* Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 323.

положение, сохранившееся на протяжении всей его жизни, было не только почетным, но и давало возможность эффективно влиять на государственные дела. Оно стало еще одним фундаментальным звеном в конструировавшемся им сложном оформлении его верховной власти. Античность²⁶ видела в титуле первоприсутствующего суть всей системы (Октавиан принимает именно его, а не титул царя или диктатора).

Впрочем, 13 января 27 г. до н. э. Октавиан заявил об отказе от своих чрезвычайных полномочий.²⁷ Конечно, эта комедия никого не могла обмануть; сенаторы кто искренне, а кто со страха, опасаясь опоздать с изъявлениями верноподданнических чувств, умоляли Октавиана принять эти полномочия обратно. Так что авторитет первоприсутствующего в сенате, полученные до того пожизненная трибунская власть и присяга на верность вновь были дополнены той властью, которой Октавиан располагал в качестве триумвира. И все же Октавиан предпочитал подчеркивать,²⁸ что государство он передал сенату и народу и его неограниченная власть основывалась на том, что авторитета (*auctoritas*) у него было больше, чем у остальных, тогда как своими полномочиями он был равен другим коллегам. Само собой разумеется, на «авторитет» Октавиана постоянно ссылались при решении государственных дел. Тем не менее, с нашей точки зрения, не следует придавать этому слову в данном контексте особый терминологический смысл; оно значит только то, что значит: «авторитет», и было призвано придать достойную окраску фактическому единовластию первоприсутствующего в сенате. Показательно, что Октавиан всегда протестовал, когда его называли господином (*dominus*) и всячески старался избегать торжественного церемониала встреч и проводов.²⁹ Он, как уже говорилось, категорически отказывался от диктаторской власти³⁰ и от избрания пожизненным цензором.³¹ Вообще Октавиан старался вести себя как обыкновенный скромный гражданин. Вместе со своими кандидатами он обходил граждан, вербуя на выборах для них сторонников по староримской традиции; он и голосовал, как простой гражданин, в своей трибе; представляя народу своих сыновей и добиваясь для них благосклонности римлян, он неизменно произносил: «если они того заслужат»; он

не вмешивался в отправление правосудия, даже когда речь шла о его друзьях.

Выше мы уже упоминали, что в Риме одно время носились с идеей назвать Октавиана Ромулом, именем основателя города и государства, поскольку он явился создателем нового режима,³² однако эта мысль была в конце концов отвергнута, может быть, именно потому, что Октавиан не хотел подчеркивать всем очевидный факт создания нового режима. 16 января 27 г. до н. э. Мунаций Планк предложил называть Октавиана Августом,³³ — именем, в этом отношении совершенно нейтральным. С тех пор Октавиан принял новое имя: Император Цезарь Август, сын божественного. Здесь все было значимо. Личное имя (*praenomen*) Император было, как уже говорилось, не именем в собственном смысле слова: титулом «император» («повелитель», «командующий») солдаты обычно награждали победоносного полководца, и он получал право на триумф. Впервые императором Октавиан был провозглашен в 43 г. до н. э. после битвы при Мутиве. Начиная с 40 г. до н. э., он именовал себя Император Цезарь, очевидно, по примеру Юлия Цезаря. Предоставленный Октавиану в 29 г. до н. э. сенатом, он стал пожизненным и обозначал верховную власть,³⁴ включавшую командование войсками, право взимать налоги, объявлять войну и заключать мир, управлять провинциями и осуществлять власть над гражданами вплоть до жизни и смерти сенатора и всадника. Не случайно греки переводили его словом *Автоκράτωρ* — «самодержавный правитель». С этого момента в древности считали начало римской монархии.³⁵ Став личным именем, титул императора должен был свидетельствовать, что все эти функции и прерогативы отприродно присущи новому властителю, как раньше Цезарю. Второй компонент — Цезарь — был до того прозвищем (*cognomen*) одного из ответвлений патрицианского рода Юлиев; отныне он превращался в родовое имя (*nomen*) властителя, что возвещало о создании династии наследников Цезаря. Третий компонент имени — прозвище Август — придавал его носителю качество священности (именно так — *Σεβαστός* — переводили это слово греки). Оно происходит от латинского слова *augere* — «умножать», связывается со жреческим титулом *augur*³⁶ и обозначало,

*Август-император
(статуя из Примапорта)*

по-видимому, «умножителя» (благ), т. е. подателя всеобщего благополучия.

Кроме всего изложенного, Август (теперь уже Август!) многократно занимал высшие должности в государстве. До 23 г. до н. э. он ежегодно избирался консулом. В 23 г. до н. э. Август отказался от консульства на следующий год и снова получил пожизненную трибунскую власть с правом вносить на заседания сената предложения, а также пожизненную проконсульскую власть, которая не слагалась и возобновлялась при пересечении им померия (городской черты);³⁷ иначе говоря, вопреки римским обычаям она была действительна и в самом Риме, и за его пределами. В 24 г. до н. э. решением сената Август был освобожден от ограничений, налагаемых законами.³⁸ В 19 г. до н. э. ему были предоставлены знаки консульской власти и 12 ликторов, а также право сидеть между консулами.³⁹ После смерти (в 13 г. до н. э.) Лепида Август стал (12 г. до н. э.) великим понтификом, т. е. главой римского жречества.⁴⁰ С 13 г. до н. э. решения Августа, принятые совместно с его пасынком Тиберием или с кем-нибудь другим, приравнивались к постановлениям сената.⁴¹ Наконец, в 5 и 2 гг. до н. э. он снова избирался консулом. По различным поводам Август наделялся чрезвычайными полномочиями. Трижды (в 19, 18 и 11 гг. до н. э.) Август единолично назначался попечителем законов и добрых нравов.⁴²

Во 2 г. до н. э. Август получил титул отца отечества, давший ему «отцовскую» власть над Римом и римлянами.⁴³ До Августа этот титул принадлежал только Цицерону после раскрытия заговора Катилины и Цезарю после битвы при Мунде. По рассказу Светония, первоначально этот титул предложили Августу плебеи, отправив к нему специальное посольство. Август отказался, но его все равно приветствовала при входе в театр огромная толпа в лавровых венках. В сенате соответствующую речь произнес Валерий Мессала (он, конечно, хорошо понимал, что от него ждут): «Пусть счастье и удача будет с тобою и с твоим домом, Цезарь Август! Так мы считаем нужным молиться о постоянном счастье государства и об отраде этого города: сенат в согласии с римским народом приветствует тебя отцом отечества». Прослезившийся Август отвечал: «Достигнув исполнения моих желаний, отцы сенаторы, о чем

еще мне молить бессмертных богов, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до конца жизни!».⁴⁴

Старые римские органы власти, прежде всего сенат, продолжали функционировать, но их функционирование сводилось к выполнению решений и предначертаний Августа, которые разрабатывались советом при его особе; в него входили консулы, по одному от других магистратов (один претор, один квестор и т. д.), а также 15 сенаторов, избравшихся жребием на полгода.⁴⁵ Дела в совете рассматривались в соответствии с желаниями Августа, консулы докладывали о его решении сенату, сенат штемпелевал требуемое постановление, и Август его публиковал в качестве эдикта. Народные собрания проводились для того, чтобы утверждать законы, предложенные Августом, и по его рекомендации и указанию выбрать магистратов, как это делалось уже при Цезаре.

Август всеми способами стремился показать, что он придает выборам и магистратурам их прежнее значение. Были подтверждены и даже усилены наказания за подкуп избирателей;⁴⁶ это, однако, не помешало ему в некоторых трибах раздавать по 1000 сестерциев, чтобы провести нужного кандидата.⁴⁷ Во время выборов Август, как сказано, лично участвовал в вербовке голосов в пользу своих кандидатов и голосовал в своей трибе как рядовой гражданин.⁴⁸

Иногда создавалось впечатление, что возвращаются прежние времена.⁴⁹ В 19 г. до н. э. консулами были избраны Август и Сентий Сатурнин, но Август отказался от консульства и уехал на Восток. Тогда на должность стал претендовать Эгнатий Руф, по-видимому популярный в плебейской среде; ему аристократические круги противопоставили Квинта Лукреция Веспилона, в свое время проскрибированного, но уцелевшего. Дело дошло до уличных стычек. Извещенный о событиях, Август спешно вернулся в Италию; там, в Кампании, его встретили часть преторов и народных трибунов, а также и Квинт Лукреций. В Рим, чтобы избежать торжественной встречи, Август въехал ночью. Он утвердил кандидатуру Лукреция; Эгнатий Руф был заключен в тюрьму и там умер. В критической ситуации, как видим, решала воля Августа.

Да и могло ли быть иначе? Теперь на должности выбирались ставленники Августа,⁵⁰ послушно выполнявшие его волю. О какой-либо их независимости, о самостоятельности действий магистратов не могло быть и речи. И все же магистратуры продолжали оставаться вождельной целью каждого аристократа, в особенности консульство, и, чтобы удовлетворить притязания многочисленных претендентов и тем вернее привязать их к себе, Август изменил численность консулов. Если раньше обычно выбирали двух консулов, олицетворявших собою высшую исполнительную власть в государстве, то теперь помимо двух ординарных консулов, по которым назывался год («в консульство такого-то и такого-то»), на тот же год выбирались и дополнительные консулы, также какое-то время исполнявшие эти обязанности. С 22 г. до н. э. были несколько расширены prerogative преторов: они стали не только судьями, но и ведали устройством игр и государственной казной. Однако общей ситуации эта реформа не меняла. К тому же выборных магистратов явно оттесняли на задний план чиновники, назначавшиеся непосредственно Августом: градоначальник, ведавший порядком и благоустройством города, всевозможные управители (прокураторы) и уполномоченные (легаты), а также командующий преторианской гвардией Август (префект претория). Отношения Августа с ними строились на личных связях, и ответственны они были только перед ним.

Наконец, Август стал и высшей судебной инстанцией в государстве.

Значительным реформам подверглось управление провинциями. 13 января 27 г. до н. э. Август провел разделение провинций на императорские и сенаторские.⁵¹ К числу императорских провинций, т. е. тех, которые были поставлены непосредственно под императорский контроль, принадлежали Испания (кроме Бэтики; в 22 г. до н. э. Южная Испания стала сенатской), Галлия (с 22 г. до н. э. Нарбоннская Галлия была сенатской), Иллирия (с 22 г. до н. э.), позже в Подунавье Реция, Норик, Паннония, Мезия, поначалу на подступах к Италии Корсика и Сардиния, а на Востоке Сития вместе с Киликией и Кипром. С 22 г. до н. э. Кипр стал сенатской провинцией. К ним примыкал и Египет, формально провинцией не считавшийся. Все

остальные провинции оставались по-прежнему под номинальной властью сената.

Сенатские провинции управлялись, как и раньше, проконсулами и пропреторами, назначавшимися через пять лет после отправления соответствующей должности,⁵² однако и здесь в силу своего авторитета и своих полномочий Август мог вмешиваться в дела провинций. Когда проконсул Азии Луций Валерий Мессала Волес (11—12 гг. до н. э.) позволил себе в один день казнить 300 человек и, бродя между трупами, забрызганный кровью, восклицал: «О царственное деяние!», Август добился против него обвинительного постановления сената.⁵³ Более того: как показывает надпись из Гангар в Пафлагонии,⁵⁴ провинциалы должны были клясться (на Востоке — по греческому стандарту) Августу в верности — землей, солнцем, небесами, всякими богами и самим Августом. На провинции была распространена, таким образом, система, уже опробованная в Италии.

Императорские провинции управлялись наместниками-легатами в ранге пропретора; они назначались Августом и подчинялись только ему. Здесь фикция сенатского управления полностью отсутствовала. Реция и после 6 г. до н. э. Иудея управлялись прокураторами или префектами из всадников, причем административно иудейский прокуратор был подчинен легату Сирии. Понятно, что Август стремился не допускать выхода его наместников из-под контроля. Египетского префекта Корнелия Галла обвинили⁵⁵ в том, что он слишком энергично выдвигал в Египте свою персону: выставлял по всей стране свои статуи, делал на пирамидах надписи о своих деяниях. Об этом донес в Рим его друг Валерий Ларг. Были против него и другие жалобы. Август убрал Галла с его поста; сенат решил конфисковать его имущество и отправить его в изгнание. Галл в конце концов покончил в собой.

Взимание налогов находилось в руках откупщиков. Откупная система тяжелым бременем ложилась на плечи населения провинций; не случайно поэтому откупщики считались в древности отъявленными злодеями и закоренелыми грешниками.

С точки зрения общеполитической создание императорских провинций существенно сократило сферу хотя бы и номинальной власти сената и расширяло сферу

единоличной власти Августа. С точки зрения административно-военной оно отдавало в руки Августа наиболее стратегически важные провинции и стоявшие в этих провинциях войска, что могло служить гарантией от возможных случайностей. Существенна была и финансовая сторона данного мероприятия: громадные доходы от провинций поступали теперь не в казну Римской державы, а в личную казну Августа. Вообще же в императорских провинциях осуществлялся тот монархический идеал, к которому Август стремился, сознательно или бессознательно: в этих провинциях Август был настоящим самодержцем без фигового листка староримских традиционных учреждений.

Впрочем, Август и здесь остался верен себе. Первоначально императорские провинции были выделены сроком на 10 лет,⁵⁶ причем Август говорил даже о досрочном возвращении провинций. Однако затем сроки продлевались, и временное установление, как обычно бывает, стало постоянным.

В самом Риме Август также провел существенные преобразования: он разделил город на районы и кварталы, причем районами должны были вести годичные магистраты общеримские, а кварталами — выборные от населения каждого квартала.⁵⁷ Для охраны от пожаров были расставлены посты и, кроме того, была введена ночная стража. Эти меры позволили создать организацию, дававшую возможность держать город под контролем. Были учреждены и новые должности — попечение общественными постройками, дорогами, водоводами, руслом Тибра, распределением хлеба народу и т. п.⁵⁸

Вся эта громоздкая система получила в последующие века название империи, а возглавлявший ее правитель традиционно именуется императором. Этот режим едва ли можно считать компромиссом между сенатом и самодержавным правителем, едва ли можно говорить и о разделении власти между императором и сенатом; фактическим носителем власти был император, тогда как сенат обладал лишь фикцией, видимостью власти, хотя совсем избавиться от него Август, желавший следовать староримской традиции, не мог. И только принимая видимость за сущность, можно видеть в режиме, созданном Августом, магистратуру, ограниченную рес-

публиканскими формами, что-то вроде конституционной монархии.

* * *

Придя к власти, Август установил тот режим, который отвечал как назревшим общественно-политическим потребностям, так и традиционным социально-психологическим характеристикам римского общества. Гражданские войны показали полную неспособность традиционной римской системы, так называемого республиканского строя, обеспечить в государстве мир и стабильность. Режим, созданный Августом, принес и то, и другое. Мир! Это слово было у всех на устах. Мир прославляли (Августов мир), его берегли как зеницу ока, ему воздвигали алтари. Когда Август возвратился из Испании в Рим, по решению сената на Марсовом поле был воздвигнут алтарь мира; он был заложен 4 июля 13 г. до н. э. и освящен 30 января 9 г. до н. э.⁵⁹ Август ставил себе в особую заслугу тот факт, что при нем храм Януса запирался трижды в знак того, что по всей Римской державе царит мир, тогда как до него за всю историю Рима только дважды.⁶⁰ Установление мира, прежде всего гражданского мира, прочные гарантии мира обеспечили Августу широкую поддержку всех слоев римского общества. И в то же время монархия не должна была быть монархией. Август удовлетворил и это требование. Монархия? Да нет же, восстановление свободы в государстве, угнетенном господством партии, восстановление древних и старинных римских порядков и обычаев, а что до власти Августа, то ведь это — власть первого в сенате, первого гражданина, его авторитет, его магистратские полномочия. . . Люди всегда охотно верят в то, во что они хотят верить.

Во внутренней жизни Римского государства Август столкнулся со сложными проблемами.

Прежде всего следовало навести и поддерживать элементарный порядок, разрушенный Гражданскими войнами. По Италии среди бела дня при оружии бродили разбойники; на полях и дорогах хватали свободных и рабов и заключали их в эргастулы, принадлежавшие владельцам сельских поместий; создавались новые коллегии — фактически разбойничьи шайки. Август при-

нял решительные меры; он приказал расставить в удобных местах караулы, произвести ревизию эргастулов и распустить коллегии, кроме законных и существовавших издревле. Умиротворению общества должны были содействовать и уничтожение списков должников казне, и уступка спорных казенных участков в Риме их держателям, и прекращение затянувшихся судебных процессов.⁶¹

Август всячески демонстрировал стремление поднять престиж римского гражданства и чрезвычайно скуп по его давал, хотя исключения, как можно было видеть, все же были; даже своей жене Ливии и пасынку, будущему императору Тиберию, он отказывал в их ходатайствах.⁶² Он добивался, чтобы римляне носили древнюю римскую одежду — тогу.⁶³ Все эти поступки могут быть поняты только в рамках политики, направленной на консолидацию коллектива римских граждан.

Конечно, сенат, с которым Августу пришлось иметь дело, был уже далеко не тем сенатом, в котором гремели речи Фабия Кунктатора или Катона Старшего, и даже не тем, в котором подвизался и на который возлагал свои надежды Цицерон. Император был одним из председателей в сенате, и сенат действовал в полном соответствии с его волей — так было при императоре Веспасиане,⁶⁴ и так было, конечно, и при Августе. Долголетние Гражданские войны, проскрипции и другие проявления массового террора научили сенаторов подобострастию и смиренной покорности. К тому же в сенате оказалось много ставленников триумвиров, в том числе людей незнатного и неримского происхождения, включая выходцев из социальных низов и даже бывших вольноотпущенников. За их счет численность сената резко возросла; всего сенаторов было больше 1000 человек. Многие республикански настроенные сенаторы в ходе войн и репрессий были уничтожены.

И все же слишком свежи были воспоминания о той решающей роли, которую сенат играл в жизни римского общества, слишком отчетливо сенаторы помнили в Августе равного себе, говоря словами поэта, или даже сына сенатора Гая Октавия, внука толстосумавсадника из заштатного города Велитры, да и в сенате еще оставались люди, тесно связанные и с республиканцами, и со сторонниками Антония; от них можно было ожидать скрытой, а то и явной оппозиции. Хо-

сенат покорно вотировал все, что требовал Август, опасность оставалась, и не раз, и не два злобное ворчание выплескивалось наружу.

Так, при обсуждении законов против прелюбодеяний (18 г. до н. э.)⁶⁵ сенаторы посмели поинтересоваться, как сам Август воспитывает своих детей; Август в ответ вынужден был долго распространяться об идеальных нравах, будто бы царящих в его семье, что как небо от земли, было далеко от реальности. В другой раз при аналогичных обстоятельствах ему был задан вопрос: что нужно сделать с гражданином, если он был любовником замужней женщины, а потом увел ее от мужа. В вопросе описывались похождения самого Августа, и последний мог только сказать, что во время Гражданских войн совершалось много ужасных вещей, которые нужно забыть и в будущем не допускать. На заседаниях сената иногда возникали бурные прения и перепалки, приводившие Августа в раздражение. Он был вынужден выслушивать реплики вроде: «Я не понял», «Я бы возразил тебе, если бы было возможно» и даже «Сенаторам должно позволить свободно говорить о государственных делах».⁶⁶

По рукам у сенаторов ходили всякого рода подметные листки и пасквили, направленные против Августа. Один из них, распространившийся в 6 г. до н. э., призывал, по-видимому, к восстанию. В 12 г. до н. э. в Риме и других местах было предписано сжечь враждебные правительству памфлеты, а авторов — в своем большинстве выходцев из римской знати — наказать.⁶⁷ Но драконовские меры не помогали, и Август в конце концов махнул рукой. Он не опровергал подобные выступления, не разыскивал их авторов; единственная мера, которую он избрал, — проведение расследования о тех, кто под чужим именем издает позорящие кого-либо сочинения.⁶⁸

Случались и другие демонстрации. Так, в 4 г. до н. э. римский квестор в Африке Гай Ливиней Галл выпустил монеты от имени и с изображением проконсула Африки Фабия Максима, не упомянув об императоре, и Август это проглотил.

Иногда оппозиция принимала более серьезные формы. В 23 г. до н. э. был составлен заговор против Августа, во главе которого стояли Фанний Цепион, бывший легат Кассия, т. е. человек республиканских убеж-

дений, и Варрон Мурена, родственник Мецената, друга Августа.⁶⁹ В 4 г. н. э. составилась еще один заговор во главе с Корнелием Цинной, племянником Гнея Помпея. В заговоре участвовал и Эмилий Павел, муж внучки Августа Юлии.⁷⁰ Август отвечал на заговоры свирепыми казнями; избежал ее только Цинна. Светоний говорит и о других заговорах с целью убить Августа.⁷¹ Не случайно, желая иметь сенаторов постоянно перед глазами и не допустить, чтобы они организовывали волнения в провинциях, Август запретил сенаторам покидать Италию; без его разрешения могли посещать Сицилию и Нарбоннскую Галлию только те, кто имел там имения.⁷²

Август, разумеется, делал все, чтобы привлечь сенаторов на свою сторону. Он объявил, что сжег всю переписку Антония; правда, кое-какие письма он все же припрятал на случай надобности.⁷³ Он оказывал денежную помощь тем, кто по недостатку средств не мог выполнять обязанности магистратов и кассировал долги государственной казне.⁷⁴ Более того, этим эдиктом он отменил все мероприятия, проводившиеся до его шестого консулата, т. е. до 28 г. до н. э.;⁷⁵ результатом была отмена всех решений второго триумвирата, поскольку их еще можно было отменить. Август увеличил число патрицианских семей, щедро давая патрицианское звание старинным плебейским родам — Кальпурниям, Клавдиям Марцеллам, Домициям, Юниям Силанам — и некоторым из тех, кто пробился в знать снизу.⁷⁶ Он назначал сенаторов на высшие государственные посты.

Вообще Август всячески старался продемонстрировать свою лояльность и терпимость.⁷⁷ Так, известный историк Тит Ливий весьма сочувственно отнесся в своем сочинении к Гнею Помпею, противнику Цезаря, и Август называл его помпеянцем, что, однако, Ливию не повредило; положительные отзывы о республиканцах (Азиний Поллион, Мессала Корвин) также выслушивались терпимо.⁷⁸ В 23 г. до н. э. Август предложил выбрать консулом Луция Секстия — друга и сподвижника Брута.⁷⁹ Во все это, конечно, легко увидеть примирительные жесты в сторону аристократии, в том числе и республиканской аристократии. В риторских школах практиковались декламации на республиканские темы и с осуждением тирании.⁸⁰ Светоний

говорит о многочисленных случаях, когда Август даровал своим противникам прощение и безопасность и даже первые места в государстве.⁸¹ Некий Юний Новат, распространявший порочащие Августа сочинения, отделался денежным штрафом, а Кассий Патавин, угрожавший на пиру его заколоть, — изгнанием. Эмилию Элиану из Кордовы вменялись в вину дурные отзывы об Августе; последний сказал обвинителю: «Я желал бы, чтобы ты мне это доказал, а уж я покажу Эмилиану, что и у меня есть язык: я еще больше наговорил бы о нем». По Риму распространялось много таких рассказов о его доброте, обходительности и милосердии.⁸² Все это должно было изгладить память о свирепом триумвире, беспощадно уничтожавшем врагов, недоступном жалости и состраданию.

Особую заботу Август проявлял о престиже сенаторского сословия. Среди мер этого рода следует отметить установление для сенаторов имущественного ценза в размере 1 млн сестерций,⁸³ причем это решение Август использовал в политических целях: оппозиционерам он беспощадно удалял из сената, а своим сторонникам оказывал в случае необходимости материальную помощь.⁸⁴ Рассказывали, что когда он уплатил долг одного сенатора без всякой просьбы со стороны последнего, тот написал ему: «А я ничего не получу?». Пурпурные мантии было разрешено надевать только сенаторам и магистратам.⁸⁵ Сенаторам и всадникам должны были предоставляться в театрах почетные места. В 18 г. до н. э. был принят закон, запрещающий сенаторам и их потомкам жениться на вольноотпущенницах;⁸⁶ тогда же сенаторам было запрещено принимать участие в гладиаторских боях.⁸⁷

Однако эти и им подобные шаги были далеко не достаточными. Как мы видели только что, Август оказался перед необходимостью заботиться о том, чтобы в сенаторском корпусе было как можно меньше явных и скрытых оппозиционеров; для этой цели использовался, как сказано, закон о сенаторском имущественном цензе. Действовал Август и более откровенными методами.

Уже в 29 г. до н. э. он произвел чистку сената.⁸⁸ Он предложил сенаторам «быть себе самим» судьями и тем, чье происхождение и образ жизни не соответствовали сенаторскому положению, покинуть сенат,

причем их имена должны были быть скрыты от публики, они бы не утратили внешних признаков сенаторского звания. Конечно, и происхождение, и образ жизни — это были только предлоги; но, как бы то ни было, совету последовали только 50 человек. Тогда Август принудил уйти из сената еще 140 человек, и их имена были опубликованы.

В 18 г. до н. э. состоялась вторая чистка сената.⁸⁹ Обстановка была накалена; Август явился в сенат в доспехах и с мечом под одеждой; его окружали друзья, отличавшиеся незаурядной физической силой. В его дом сенаторов допускали только по одному и только после обыска. На этот раз была применена довольно сложная процедура. Август выбрал 30 человек, и каждый из них должен был письменно назвать пять сенаторов; из каждой пятерки по жребию выбирался один, и процедура повторялась. Никто не должен был вносить в список родственников. Август выразил недовольство, когда Марк Антистий Лабиеон, принадлежавший к республиканской оппозиции, известный юрист, внес в свой список Лепида, но услышал в ответ: «Каждый решает по-своему».⁹⁰ Процедура затянулась или, что правдоподобнее (об этом говорит, в частности, эпизод с Лабиеоном), давала для Августа неудовлетворительный результат. Пользуясь своими prerogativaми цензора, Август ее прервал и оставшиеся места заполнил по своему усмотрению. В результате численность сената сократилась до 600 человек.

В 12—11 гг. до н. э. пересмотр списка сенаторов был повторен.

Среди сенаторов, сохранивших свои кресла, было много выходцев из различных уголков Италии, в том числе этрусков, самнитов и др., которые достигали в Риме высших постов. Они были всем обязаны Августу, и от них ждать оппозиции не приходилось.

В 15 г. до н. э. Август отнял у сената право чеканить золотые и серебряные монеты.

Снижение роли сената и республиканских магистратур имело своим последствием начавшийся абсентеизм. Сенаторы тяготились заседаниями; были аристократы — и не один! — не желавшие становиться сенаторами. В 12 г. до н. э. не хватало людей, чтобы избрать народных трибунов,⁹¹ и Август велел предложить кандидатов из всадников. В 5 г. н. э. не было никого, кто

бы хотел стать эдилом, и пришлось их выбрать из квесторов и народных трибунов.⁹² Пока это были единичные случаи, но они уже были.

В своих официальных документах Август всегда считал необходимым подчеркнуть, что наряду с сенаторским сословием и народом титул «отца отечества» ему был преподнесен также и всадниками.⁹³ Римское всадничество, из среды которого вышел и он сам, было чрезвычайно влиятельным сословием, своего рода аристократией второго ранга; это были ростовщики, землевладельцы, откупщики, военачальники, вообще деловые люди и все те, кто обладал более или менее значительным состоянием, но не делал карьеру магистрата и не входил в сенат. Август установил для всадников имущественный минимум в размере 400 тыс. сестерциев. Он провел пересмотр всаднического сословия, причем всадники должны были отчитаться о своем образе жизни и о своей деятельности. Наказывались, в частности, те из них, кто брал ссуды под низкий процент, а давал их под высокий.⁹⁴ Всадники выбирали и главу сословия из семьи Августа, который (глава) носил титул «начальник юношества». Ежегодно устраивались парады, в которых участвовали всадники до 35 лет; позже они от парадов освобождались и сдавали в казну полученного ими государственного коня.

До известных пределов всадникам не были чужды оппозиционные настроения. Так, они протестовали против закона о браках. Дело было в театре. Август подозвал к себе детей Германика и убеждал собравшихся последовать в семейной жизни его примеру.⁹⁵

Однако в целом между императором и всадниками царили мир и согласие. Они покорно выполняли его волю; в свою очередь император назначал их на государственные должности (вплоть до претора); в их руках находился суд.⁹⁶ Все это вполне естественно, коль скоро власть императора была опорой порядка и давала возможность спокойно наживать богатство и пользоваться им.

Политика Августа по отношению к римскому плебсу строилась как удовлетворение его наиболее примитивных потребностей в хлебе и зрелищах. Подводя итоги своей деятельности,⁹⁷ Август заботливо перечисляет, когда и сколько раз он раздавал народу деньги. Уже по

завещанию Цезаря он дал каждому плебею по 300 сестерциев (44 г. до н. э.); в свое пятое консульство (29 г. до н. э.) — по 400 сестерциев из военной добычи; в десятое консульство (24 г. до н. э.) — также по 400 сестерциев; в одиннадцатое консульство (22 г. до н. э.) он двенадцать раз покупал хлеб для раздачи; в двенадцатый год своей трибунской власти (12 г. до н. э.) он еще раз дал по 400 сестерциев на человека. Эти средства получили не менее 250 тыс. человек. В восемнадцатый год трибунской власти и в двенадцатое консульство (5 г. до н. э.) он раздал по 60 денариев; их получили 320 тыс. человек. Ветеранам-колонистам в свое пятое консульство (29 г. до н. э.) Август дал из военной добычи по 1000 сестерциев; получателей было около 120 тыс. человек. В свое тринадцатое консульство (2 г. до н. э.) он раздал плебейм, получившим к тому же бесплатный хлеб из казны, по 60 денариев; получателей было больше 200 тыс. Кроме того, практиковались систематические раздачи хлеба, причем Август резко увеличил количество должностных лиц (кураторов), ведавших раздачами: сначала их было два, после 18 г. до н. э. их стало шесть, причем это были сенаторы высокого ранга. К концу его правления раздачами стали ведать императорские чиновники (префекты анноны) из всадников, в их распоряжении находился огромный персонал. Составлялись списки получателей, которым выдавались специальные тессеры (своего рода талоны), и раз в месяц на Марсовом поле или в портике Минуция в одной из 45 лавок люди получали причитавшийся им паек. Попытки Августа раздавать хлеб раз в четыре месяца встретили сопротивление,⁹⁸ и он должен был уступить. Однако когда толпа потребовала вина, Август отвечал, что в Риме хороший водопровод.⁹⁹

Августу было очевидно деморализующее влияние хлебных раздач, и он носился с мыслью их вовсе прекратить, но хорошо понимал и другое: такая мера была бы слишком опасной для его правления.¹⁰⁰

Другим средством воздействовать на плебс Август считал, как сказано, организацию зрелищ. В уже не раз цитировавшемся документе¹⁰¹ он заботливо перечисляет их. В его правление восемь раз устраивались гладиаторские игры, в которых сражались около 10 тыс. человек. Три раза проводились состязания атлетов,

27 раз — иные зрелища. В консульство Гая Фурния и Гая Юния Силана (17 г. до н. э.) Август устроил столетние игры. Начиная с его тринадцатого консульства (2 г. до н. э.) ежегодно проводились игры в честь Марса Мстителя. Кроме этого, в цирке, на Форуме и в амфитеатре 23 раза устраивались травли диких зверей. Особенно сильное впечатление должен был произвести, конечно, морской бой, в котором участвовали более 3000 человек.

Своей цели Август несомненно достиг: на основы его власти плебс не посягал; волнения, имевшие место в Риме в 23 г. до н. э., показали это со всею определенностью.¹⁰² В тот год Август, как уже говорилось, отказался от консульства на следующий год и уехал из Рима. Консулом помимо Августа был известный республиканскими убеждениями Авл Теренций Варрон Мурена, а дополнительными консулами Луций Сестий и Луций Кальпурний Писон. Между тем в Италии начался голод, в Риме не хватало хлеба, появились болезни, многие погибли. В городе начались беспорядки. Народ окружил курию (место заседаний сената) и стал требовать, чтобы Августу была предоставлена власть диктатора, угрожая сжечь курию вместе с сенаторами. По призыву сената Август, находившийся в тот момент в Кампании, спешно вернулся в Рим. Он на коленях умолял народ не назначать его диктатором и после долгих уговоров согласился взять на себя снабжение Рима продовольствием на свои средства. Порядок был восстановлен и доставка хлеба тоже. Здесь все характерно: и бунтующий народ, и бессилие сенаторского правительства, и Август, отказывающийся от диктатуры, которую ему навязывают, и завершающий аккорд: Август в роли спасителя от голода и мора. Независимо от того, были эти события инспирированы или нет, лучшей демонстрации в свою пользу Август, конечно, придумать не мог.

В 5 г. до н. э. на Форуме случился пожар, и толковали о поджогах, совершенных неоплатными должниками. Они будто бы надеялись, что им кассируют долги, но если такие надежды и были, то из этого ничего не вышло.¹⁰³

Положение рабов в царствование Августа скольконибудь существенно не изменилось. Они по-прежнему считались собственностью своего господина, и последний имел над ними неограниченную власть. Для поли-

тики Августа в этом направлении характерно уже то, что он возвратил, как говорилось, 30 тыс. беглых рабов, захваченных им у Секста Помпея, их прежним владельцам; более того, войну с последними он даже называл рабской войной,¹⁰⁴ приравнивая ее, таким образом, к восстанию Спартака. Не менее показательны и другие: Август не считал возможным вмешаться во взаимоотношения господ и рабов. Когда Фанний Цепион был осужден за заговор против Августа, его отец распял раба-доносчика и отпустил на свободу раба, помогавшего Фаннию; Август оставил это демонстративное поведение без последствий.¹⁰⁵ Раб всадника Ведия Поллиона, известного тем, что он бросал хищным рыбам — муринам на растерзание живых рабов, разбив стеклянный кубок, представлявший тогда исключительную ценность, и зная, что его ждет, бросился к ногам Августа. Последний разбил еще и другие кубки, надеясь, что эта потеря заставит Поллиона пощадить раба.¹⁰⁶ Потребовать от Поллиона не расправляться с рабом, а тем более прекратить свои жестокости, Август не считал возможным. Как известно, в Риме рабов на суде, даже в качестве свидетелей, допрашивали под пыткой. Август приказывал покупать таких рабов, чтобы их владельцы не понесли материального ущерба.¹⁰⁷ Специальными законами правительство Августа регулировало в неблагоприятную для рабов сторону возможности и процедуру освобождения рабов. В 4 г. до н. э. был принят закон Сентия; он разрешал отпускать на волю рабов, не достигших 30 лет, только в присутствии пяти сенаторов и пяти всадников; освобождение раба не должно было наносить ущерба третьим лицам. Во 2 г. до н. э. вошел в силу еще один закон, ограничивавший отпуск рабов по завещанию (*lex Fufia Caninia*); тем самым ограждались имущественные интересы наследников. Характеризуя в общем виде законы Августа о рабах, Светоний пишет, что он ограничивал возможности освобождения рабов, воздвиг этому много препятствий, предусмотрев и количество, и положение, и состояние освобождаемых; в частности, рабы, побывавшие в оковах или под пыткой, не могли при выходе на свободу претендовать, как это обычно было в Риме, на получение римского гражданства.¹⁰⁸

В царствование Августа восстаний рабов в Риме не было, однако угроза со стороны рабов все время ощу-

шалась. Среди обязанностей градоначальника первым было обуздание рабов.¹⁰⁹ В 10 г. н. э. сенат подтвердил закон, по которому в случае насильственной смерти господина все рабы, находившиеся в доме, подлежали казни.¹¹⁰

Рабы, образывавшие фундамент римского общества, играли заметную роль в его хозяйственной жизни. Общая их масса непрерывно возрастала, и количество рабов в одних руках могло колебаться от нескольких человек до нескольких тысяч и даже десятков тысяч. Рабы трудились на полях и в имениях знатных и богатых вельмож, они были слугами в домах, часто воспитателями детей, но рабы и в особенности вольноотпущенники занимались и всякого рода ремеслами, ведя самостоятельное хозяйство, и даже торговлей, активно участвуя в деловой жизни. Иногда в их руках скапливались значительные состояния. Формально имущество рабов считалось собственностью их господина, однако фактически рабы могли им пользоваться по своему усмотрению. Сам Август использовал вольноотпущенников и особенно приближенных рабов в качестве чиновников и должностных лиц, выполнявших разного рода поручения, часто ответственные. Таким образом, и рабы, как и свободные, не представляли собой единой массы; их объединял статус несвободы, тот факт, что они были собственностью другого лица. Эту ситуацию Август не только не мог и не хотел менять; самая мысль о возможности каких-либо изменений в этом отношении, какого-то улучшения общественного положения рабов ему, по-видимому, просто не приходила в голову.

* * *

Август пришел к власти — и в этом заключалось его гениальное новаторство — как восстановитель доброго старого времени, традиционных старозаветных римских устоев, нравов, обычаев, всего того, что в Риме связывали с понятием *mos maiorum* — «обычай предков». Он отчетливо это сознавал, и в своих «Деяниях» так формулировал существо своей политики: «Новыми законами, [в]веденными по [мо]ей инициативе, [м]ногие примеры древних, забытые уже наш[им] век[ом], я вер[нул], и сам многих де[л при]меры, достойные

подражания, потомкам передал». ¹¹¹ Такая линия соответствовала глубинным настроениям общества. Во время Гражданских войн оказались разрушенными фамильные связи, такие устои, по крайней мере теоретические, римской жизни, как *fides* — «верность», *pietas* — «благочестие», *virtus* — «мужество», которые искони должны были быть присущи доброму римлянину старого закала. Продажность, предательство, измена — таковы были болезни, поражавшие римское общество, и от Августа ожидали спасения от моральной деградации. ¹¹²

Этой своей цели Август собирался достичь, издавая законы о браке и о супружеской неверности. Закон об обязательных браках был введен, по-видимому, уже в 28 г. до н. э., потом отменен и восстановлен снова. Он касался сенаторов и всадников и обязывал всех мужчин до 60 лет и женщин до 50 лет вступить в брак; нарушители закона лишались права присутствовать на зрелищах и ограничивались в получении наследства по завещаниям. ¹¹³ Позже бездетные были приравнены к не вступившим в брак. В 9 г. н. э. специальным законом были установлены некоторые различия между ними. Не вступившие в брак лишались права получать наследство, а бездетные, но состоящие в браке могли получить половину наследства. Для лиц, имевших троих детей, устанавливались льготы и преимущества. ¹¹⁴

Законы о прелюбодеяниях, принятые в 18 г. до н. э., определяли за них жестокие наказания. Женщина, виновная в этом преступлении, получала развод и отдавалась под суд, причем отец имел право убить свою дочь и ее любовника, а муж — убить любовника, если это был раб, вольноотпущенник семьи, гладиатор, артист и т. п. ¹¹⁵

Дела о прелюбодеяниях разбирались в государственных судах наряду с особо опасными преступлениями. В случае, если вина была доказана, женщина теряла половину приданого и треть имущества, а ее любовник — половину имущества; оба ссылались на острова. Если в течение полугода отец или муж не привлекали женщину к суду, муж мог быть сам отдан под суд в качестве сводника. ¹¹⁶ Мужчины, уличенные во внебрачных связях, естественно, тоже подлежали наказанию. ¹¹⁷

Само собой разумеется, император настойчиво добивался, чтобы эти законы проводились в жизнь; во 2 г. до н. э. он, как увидим, применил их к своей дочери Юлии. Но в целом они были крайне непопулярны. Римляне, прежде всего римские аристократы, давно отвыкли от столь бесцеремонного вмешательства в личную жизнь; со времен знаменитой цензуры Катона Старшего в Риме ничего подобного не было. На заседаниях, где эти законы обсуждались, Августу пришлось выслушать неприятные вопросы, неприятные в особенности потому, что жизнь и самого Августа, и его семьи вовсе не была такой беспорочной, какая подобала бы творцу закона об обязательных браках, столь строгому и бескомпромиссному ревнителю нравственности. Всадники, как мы видели, протестовали. Пройдут годы, и подспудное общественное недовольство выплеснется в «Искусстве любви» Публия Овидия Назона. С Овидием, как увидим, Август расправился, в своей семье прибег к жестоким карам. Дело было слишком важным, чтобы ворчание, насмешки и даже кровные узы могли его остановить. Август твердо решил поставить на своем.

В том же 18 г. до н. э. Август издал закон против роскоши. Он, в частности, запрещал тратить на пиршества больше 400 сестерциев в обычный день, 800 — в праздничный день и 1000 — на свадьбу.¹¹⁸ Были и другие законы такого же рода.

* * *

Стабилизация внутривнутриполитического положения Римского государства была необходимым условием для проведения активной внешней политики. Этого ожидало от Августа общественное мнение,¹¹⁹ этим склонен был похвастаться и он сам — походом в Южную Аравию и в Судан,¹²⁰ сношениями с далекой Индией.¹²¹ Он даже утверждал, изрядно при этом преувеличивая, что своими деяниями покорил власти римского народа весь земной круг,¹²² что во всех войнах на суше и на море, гражданских и иных, он всегда выходил победителем.¹²³ Но главная задача заключалась в поддержании внешнеполитической стабильности. Как бы то ни было, хотя Август и похваляется, что ему удалось трижды закрыть храм Януса в знак окончания вой-

ны,¹²⁴ его царствование было переполнено мелкими и крупными пограничными войнами.

Одним из театров ожесточенных военных действий была Испания. Уже в 28 г. до н. э. там началось восстание кантабров; собственно, они напали на своих южных соседей — ваккеев, турмогов и аутригонов, подчинявшихся римской власти. Положение казалось настолько серьезным, что на подавление волнений в начале 26 г. до н. э. прибыл сам Август, находившийся тогда в Галлии. Его длительное (в течение двух лет) присутствие на театре военных действий не повлияло сколько-нибудь существенно на их ход. Кантабры вели партизанскую войну, она была длительной и трудной, и Август не дождался ее окончания. Он заболел и отправился лечиться на воды; в начале 24 г. до н. э. он вернулся в Рим. Завершать кампанию он предоставил своим легатам — Гаю Антистию Вету и Публию Каризию. Римляне разгромили повстанцев; в Риме считали, что война закончена, и по приказанию Августа заперли храм Януса,¹²⁵ однако фактически восстание продолжалось с нарастающим ожесточением. В 22 г. до н. э. снова выступили астуры и кантабры, подавленные Гаем Фурнием. Великое множество повстанцев, взятых в плен, римляне продали в рабство, однако рабы убивали своих господ, пробирались на родину, и там снова в 19 г. до н. э. начались бои. О том, какое значение Август придавал событиям, свидетельствует тот факт, что на подавление мятежников был направлен Агриппа; он окончательно водворил на Пиренейском полуострове мир и спокойствие. В стране появились римские крепости и города с многозначительными названиями: Августова Роша, Астурийская Августа, Цезаравгуста (ныне Сарагосса, на месте прежней Салдубы), Августобрига и т. п.; на морском берегу были воздвигнуты три алтаря, посвященные Августу.¹²⁶

Значительные трудности ожидали правительство Августа и в Галлии. В 38 г. до н. э. под командованием Агриппы было подавлено восстание аквитанцев.¹²⁷ В 27 г. до н. э. в центральной и южной Галлии вспыхнуло новое восстание, подавленное Марком Валерием Мессалой Корвином; 25 сентября 27 г. до н. э. состоялся его триумф.¹²⁸ В 25 г. до н. э. под командованием Авла Теренция Варрона Мурены были разгромлены салассии — племя, жившее в Альпах недалеко от Сен-

Бернара. Немногочисленные приверженцы Рима были водворены в основанной там римской колонии в качестве неполноправных поселенцев; пленников (8 тыс. воинов, 36 тыс. стариков, женщин и детей) римляне продали в рабство с условием освобождать мужчин не ранее, чем через 30 лет.¹²⁹

В 35—33 гг. до н. э. была снова захвачена Иллирия, потерянная вскоре после смерти Цезаря. В 16 г. до н. э. римляне овладели Нориком. В 15 г. до н. э. после битвы у Боденского озера были подчинены области ретов и винделиков. Реция и Норик стали императорскими провинциями.

Во Фракии, где был установлен римский протекторат, Август утвердил власть одного из претендентов — Котиса; у гетов он также вмешался в борьбу за власть и поддержал одного из участников конфликта — Рола. В 30—29 гг. до н. э. римский наместник Македонии Марк Лициний Красс вынужден был отражать набег гетов и бастарнов. В 28 г. до н. э. римляне разгромили племя мезов и организовали провинцию Мезию. Во Фракии между тем развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками римской ориентации. В 13 г. до н. э. Август направил во Фракию войска под командованием Луция Кальпурния Писона, которые подавили там антиримское движение. Царем Фракии Август сделал Реметалка.

В 14 г. до н. э. началась война в Паннии, продолжавшаяся до 9 г. до н. э. Помощь паннонцам пытались оказать геты, но безуспешно. В 6 г. н. э. в Паннии и Далмации началось новое восстание из-за тяжелых налогов, а также из-за того, что римское правительство набирало войска для борьбы с германцами. Восставшие устроили избиение римлян, напали на Македонию, угрожали Италии. Август предпринял экстренные меры: в Риме был объявлен призыв ветеранов, производилась добровольная и насильственная мобилизация частновладельческих рабов, которые освобождались и зачислялись в армию. Командование Август предоставил своему пасынку Тиберию. Повстанцы оказали упорное сопротивление, но в конце концов были разбиты; их вожди попали в плен.

Ареной непрекращающихся боевых действий была и граница с Германией по Рейну. В Галлию постоянно вторгались германские племена, но римским военачаль-

никам удавалось отбрасывать их за Рейн и наносить им серьезные удары. В 16 г. до н. э. римский полководец Lolлий потерпел, однако, поражение от племени сугамбров; в 12 г. до н. э. сугамбры снова напали на римлян. Против них для организации обороны и наступления в глубь Германии Август послал своего сына Друза. Друз перешел через Рейн; по его приказанию был прорыт канал к Зейдерзее, что облегчило военные действия на севере, где Друз покорил батавов, фризов и некоторые другие германские племена. В 11 г. до н. э. Друз предпринял поход к реке Везер, а в 10 г. до н. э. — против хаттов и свевов. В 9 г. до н. э. Друз дошел до Эльбы; под властью Рима оказались хатты, свевы и херуски. В том же году Друз неудачно упал с коня и умер. В 8 г. до н. э. на германскую границу был направлен Тиберий, снова совершивший поход к Эльбе. Сменивший на время Тиберия Луций Домиций Агенобарб подчинил римской власти гермундулов, а в 4 г. н. э. Тиберий, вновь появившийся на берегах Рейна, еще раз покоряет херусков. В 5 г. н. э. Тиберий опять предпринял поход к Эльбе, подчинил лангобардов и семнонов. Между Рейном и Эльбой была образована провинция Германия, наместником которой был назначен Публий Квинтилий Вар.

Этот правитель, жадный и как военачальник бездарный, повел линию на быструю романизацию провинции. В частности, начали функционировать чуждые для германцев римские суды. Ответом было восстание германцев, во главе которого стоял вождь племени херусков Арминий. Восставшие заманили римские войска в глубь страны и в Тевтобургском лесу неожиданным нападением уничтожили неприятеля (9 г. н. э.). Известие об этом поражении вызвало в Риме смятение. Сам Август тяжело переживал случившееся; рассказывали, что он не стригся и не брился, не раз бился головой о косяк двери, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!». День поражения стал для него траурным.¹³⁰ Производилась насильственная мобилизация; много было уклонявшихся от службы. Рассказывали об одном всаднике, который отрубил своим сыновьям пальцы.¹³¹ Август прибег к решительным мерам. Произведя жеребьевку среди отказывавшихся вступить в армию, он каждого пятого из тех, кто были младше 35 лет, и каждого десятого из тех, кто были старше, лишил граждан-

ских прав и имуществ. Были и казенные. В Германию снова был отправлен Тиберий и с ним его племянник, сын Друза Германик. В 11 г. н. э. они предприняли очередной поход на территорию прежней провинции, однако границей Империи стал Рейн, хотя римляне и предпринимали время от времени походы в глубь Германии.

На Востоке Август делал все, чтобы поддерживать римское господство, стабильность и мирные отношения, хотя и не отказывался от проведения активной внешней политики там, где это было возможно без особенного риска.

Осенью 22 г. до н. э. Август считал необходимым отправиться на Восток. Сначала он посетил Сицилию,¹³² куда вывел ряд колоний — в Тавромений,¹³³ Катану,¹³⁴ Сиракузы,¹³⁵ Тиндарид, Гимеру,¹³⁶ а также Панорм.¹³⁷ В Сицилии Август получил жалобу на злоупотребления со стороны тамошнего наместника Феодора из Тарса и назначил на его место своего учителя Арея.¹³⁸ В Греции по просьбе своей жены Ливии Август посетил Киферу и Спарту, где в свое время Ливия, спасавшаяся от Августа, нашла убежище. В Спарте он присутствовал на сисситии — знаменитой спартанской общественной трапезе.¹³⁹ От посещения Афин, когда-то поддерживавших Антония, Август уклонился; он остановился в Эгине. Перепуганные афиняне умоляли его прибыть в их город, но Август, демонстрируя свою немилость, отверг их домогательства;¹⁴⁰ более того, он освободил от власти Афин Эгину и Эретрию, а также запретил Афинам торговать своим гражданством.¹⁴¹ Впрочем, скоро он сменил гнев на милость и присоединил к владениям Афин остров Лесбос.¹⁴² На Самосе Августа встречали не только власти и жрецы, но и ликующая, празднично наряженная толпа; этот эпизод достаточно показателен для характеристики той атмосферы, в которой происходила поездка Августа по Греции.

В Малой Азии его приняли как бога-спасителя. День появления Августа в провинции (25 ноября) должно было регулярно праздновать; почти повсеместно в честь Августа устраивались новые или переименовывались старые игры;¹⁴³ в некоторых городах даже была введена новая эра — от императорской поездки. И все же у Кизика, где во время волнений римских граждан бичевали и убивали, Август отнял свободу.¹⁴⁴ В сенат-

ской провинции Вифинии он реорганизовал управление; в том, что сенат утвердит его меры, можно было не сомневаться.

На востоке Малой Азии и в Сирии Август сохранял и всячески поддерживал систему буферных вассальных приграничных государств. В горной стране Аман на востоке Киликии была восстановлена власть местной династии;¹⁴⁵ морское побережье было передано Архе-лаю, царю Каппадокии.

Затем Август снова провел зиму на Самосе. Теперь он и Афины удостоил своим посещением.

Август вернулся с Востока осенью 20 г. до н. э. Он уклонился от почестей, которые ему готовил сенат; его ожидали 13 октября, но он въехал в ночь с 12 на 13 октября. На месте, где Аппиева дорога достигает Рима, недалеко от храма Чести и Добродетели, там, где Август вступил в город, по велению сената был воздвигнут храм Фортуны Возвратительницы,¹⁴⁶ в годовщину возвращения должно было справлять праздник Августа-лий и приносить жертвы.

Одной из самых сложных проблем восточной политики Рима была и оставалась проблема взаимоотношений с Парфией. Внутридинастические смуты в Парфии, казалось, давали благоприятные перспективы. Парфянский царь Фраат IV был изгнан своим братом Тиридатом, но сумел вернуться на трон. Тиридат бежал в Сирию к римлянам и увел с собой старшего сына Фраата IV, тоже Фраата. В 23 г. до н. э. в Рим прибыло парфянское посольство с требованием выдать Тиридата и возвратить на родину Фраата-сына. Послы обратились к Августу, Август направил их в сенат, а последний снова адресовал их к Августу. После этих процедурных проволочек послы получили ответ: выдать Тиридата Август отказался (ему было желательно на всякий случай сохранить у себя претендента на парфянский престол), а Фраата-сына согласился возвратить, если парфяне возвратят захваченных у римлян пленных и знамена. Фраат IV медлил; в 20 г. до н. э. Август направил в Армению, где боролись проримская и пропарфянская группировки, свои войска под командованием Тиберия и посадил на престол там проримски настроенного Тиграна III. Создалась угроза римского вторжения в Парфию, и Фраат IV уступил: знамена и пленные были выданы Тиберию. Однако

и положение Тиграна III в Армении оказалось непрочным; он погиб в борьбе со сторонниками Парфии.

В 6 г. до н. э. снова возникла необходимость урегулировать отношения с Парфией, и на Восток был послан Тиберий. Однако он пренебрег своим поручением и остановился на Родосе. В 1 г. до н. э. в Армению был послан Гай Цезарь, внук Августа, им усыновленный. Гай посадил на армянский престол Ариобарзана, сына царя Мидии; в Армении начались волнения; при осаде крепости Артагиры во 2 г. н. э. Гай был ранен и в 4 г. н. э. умер. Правление Ариобарзана и его сына Артавазда продолжалось недолго; после них на короткое время власть получил Тигран IV, отстраненный от власти в 6 г. н. э. Армения снова оказалась в орбите парфянского влияния.

Пытался Август вести политическую игру и вокруг парфянского трона. Она шла с переменным успехом. Август подарил Фраату IV итальяскую рабыню Мусу Тейю. Последняя устроила, чтобы старшие сыновья Фраата IV были отправлены в Рим; потом Август изображал дело так, будто Фраат IV прислал к нему всех своих сыновей и внуков в заложники, умоляя о союзе, не будучи побежденным в войне.¹⁴⁷ Как бы то ни было, Муса Тейя и ее сын Фраатак воспользовались ситуацией и во 2 г. до н. э. убили Фраата IV. Однако, став царем, Фраатак вопреки ожиданиям повел анти-римскую политику, опираясь на враждебные Риму парфянские круги. В 1 г. до н. э. свидание Гая Цезаря и Фраатака позволило разрядить конфликтную ситуацию. Позже Августу удалось посадить на парфянский престол воспитывавшегося в Риме Вонона, сына Фраата IV. Однако около 11 г. н. э. Вонон был свергнут, и царем стал Артабан III.

На территории Сирии и Палестины Август стремился поддерживать за пределами императорской провинции местных царей и правителей, которые были, с римской точки зрения, его клиентами, часто носили родовое имя императора (Юлии) и получали римское гражданство. Свою власть они получали от императора и титуловали себя «друзьями» императора и «друзьями» Рима. Эта «дружба» фактически оформляла подчинение Риму. Когда царь Набатей Арета IV принял власть, минуя Августа, последний разгневался и даже подумывал о том, чтобы отнять царство у Ареты и присоеди-

нить Набатею к Иудее. С большим трудом Арете удалось побудить его сменить гнев на милость, да и не хотел Август чрезмерно усиливать Иудею. В 7 г. до н. э. Арета был утвержден царем. Август активно вмешивался в жизнь этих властителей, в том числе и в династические взаимоотношения. Антиох II, царь Коммагены, был даже казнен (в 29 г. до н. э.) по обвинению в убийстве послов своего брата. В то же время Август исподволь прибирал отдельные области, примыкавшие к провинции, к рукам и ставил их под контроль своей администрации. Так произошло, в частности, в Иудее.

В первые годы правления Августа Иудеей управлял царь Ирод, получивший в свое время власть от Антония в качестве тетрарха, а позже царский титул от триумвиров. После битвы при Акциуме Ирод сумел втереться в доверие к Октавиану и продолжал царствовать, исподволь расширяя свои владения, занимаясь многочисленными постройками. При нем на месте основанной в доримское время Стратоновой Башни был построен новый город, названный в честь Августа Кесарией; он же заново перестроил Иерусалимский храм иудейского бога Йахве. В семействе Ирода происходили непрерывные династические свары, попадавшие на суд и решение к Августу; в самой Иудее население относилось к Ироду враждебно, однако покровительство императора позволило ему спокойно досидеть на троне. В 4 г. до н. э. Ирод умер, а еще через десять лет основная часть Иудеи стала римской провинцией.

Овладев Египтом, Август унаследовал, естественно, и традиционные направления египетской внешней политики. Одно из них было нацелено на Южную Аравию. Последняя издревле была важным в торговом отношении регионом, откуда на Ближний Восток и в средиземноморский мир привозили драгоценные благовония и мази. Греко-египетские купцы стремились внедриться в эту торговлю и утвердиться на южном побережье Аравийского полуострова. Цари эллинистического Египта старались, хотя и без видимого успеха, овладеть морскими и сухопутными путями, ведущими туда. В 25 г. до н. э. наместник Египта Элий Галл предпринял по приказанию Августа поход в эту благодатную страну; его союзниками были набатеи и иудеи.

Поход был чрезвычайно трудным и в целом неудачным.¹⁴⁸ В набатейскую гавань Левке Кома на по-

бережье Красного моря Элий Галл добирался из Египта морским путем, претерпев много мук и лишений. Солдаты Элия Галла тяжело страдали от цинги. Лето и зиму Элий Галл провел в Левке Коме. Весной он выступил в сухопутный поход. Идти пришлось по безводной местности, куда воду доставляли на верблюдах; солдаты должны были преодолевать бездорожье, пустыню, нехватку продовольствия. Тем не менее Элию Галлу удалось захватить ряд южноаравийских городов, в том числе Негран (Неджран). Он осадил и Мариб, столицу Сабейского царства, но взять ее не удалось. От Мариба Элий Галл повернул обратно и с теми воинами, кому посчастливилось выжить, проделав еще один тяжелый поход, вернулся в Египет. Судя по одному сообщению,¹⁴⁹ можно предполагать, что флот Элия Галла добрался до Адена и разрушил его, однако общего результата это не изменило.

Факт военного поражения был очевиден. Страбон, явно со слов Элия Галла, обвинял в неудаче его «союзника» Силлея, брата набатейского царя, фактически правившего Nabateyским царством; это он, по словам Страбона, изменнически подстроил всевозможные бедствия. Насколько подобные обвинения справедливы, сказать трудно; во всяком случае если Силлей так поступал, то это было, конечно, целиком в интересах Nabatey, которая издавна боролась против проникновения на торговые пути в Южную Аравию греко-египетских конкурентов.

Как бы то ни было, римская официальная пропаганда, отложившаяся в доступных нам источниках, стремилась выдать за великое достижение уже то, что римляне совершили этот поход и разрушили южноаравийские города; естественно, Август излагает события так, чтобы представить их сплошным триумфом римского оружия и избежать неприятного упоминания о неудаче.¹⁵⁰ Позже Гай Цезарь носился с мыслью повторить южноаравийскую экспедицию, однако его намерение не было осуществлено. В дальнейшем между Римом и южноаравийскими царствами установились союзнические отношения: Карибанл, царь южноаравийских царств Химйара и Сабы, считался «другом», т. е. союзником, а по римским понятиям и клиентом римского императора.¹⁵¹

Другое направление римской египетской политики было нацелено на верховодя Нила. В 22 г. до н. э., воспользовавшись вторжением из Эфиопии в южный Египет, римляне под командованием Гая Петрония¹⁵² совершили поход в Эфиопию, где им удалось разрушить и разграбить ряд городов, в том числе и царскую столицу Напату.¹⁵³ Оставив в Напате гарнизон, Петроний вернулся в Египет. Весной 20 г. до н. э. из Эфиопии к Августу прибыло посольство с просьбой о мире.¹⁵⁴

Зависимым от Рима было и Боспорское царство. На короткое время римляне утвердили там власть царя Понта Полемона, однако во время одного из походов на Таманский полуостров Полемон был убит, и Боспор снова обрел самостоятельность, хотя и признавал верховенство Рима.

* * *

Существенно важное место в жизни созданного Августом государства играла его семья. Она должна была являть собою пример староримской добродетели, верности отечественным нравам, быть своего рода эталоном для каждого римлянина в его домашней повседневной жизни. Доблесть, милосердие, справедливость и благочестие — таковы были личные и общественные добродетели, которые Август хотел продемонстрировать своему народу; за них, по его словам,¹⁵⁵ его награждали сенат и народ. Евтропий, несомненно, воспроизводит сложившуюся еще при жизни Августа официальную оценку его личности, когда он пишет, что трудно было быть удачливее его в войне и умереннее в мире, что он, находясь у власти, вел жизнь, наиболее подобающую гражданину, был самым щедрым ко всем и самым верным другом.¹⁵⁶ Его жена Ливия и дочь Юлия должны были дома сидеть за прялкой, и Август считал нужным подчеркнуть, что он носит тогу, вытканную в его собственном доме.¹⁵⁷ Такая позиция Августа прямо вытекала из его реставраторских устремлений. Но дело было также и в другом: став фактическим монархом, Август должен был позаботиться о преемнике из своей семьи. Однако и в своей семейной жизни Август столкнулся с запутанными и драматическими ситуациями.

Август в облике Юпитера

Вообще говоря, репутация Августа была не такая, какая приличествовала бы столь суровому ревнителю древней чистоты нравов. Сплетни о его любовных похождениях передавались из уст в уста и мощным слоem отложились в его биографии. По словам Светония,¹⁵⁸ Секст Помпей называл его обабившимся, а Марк Антоний уверял, что и свое усыновление Август (тогда еще, конечно, Октавий) купил ценой постыдной связи с Цезарем. Тот же Марк Антоний рассказывал, как при муже Август увел жену одного консуляра в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и раскрасневшуюся, как друзья подыскивали Августу любовниц, как развод Скрибонии он дал из-за того, что она позволила себе ревновать. И Секст Помпей, и Марк Антоний были врагами Августа, и придавать чересчур большое значение их рассказам не приходится. И все же, вне зависимости от того, насколько все эти свидетельства надежны, они позволяют судить не только о средствах, которые применялись против Августа в политической борьбе, но и о том, как его воспринимали и оценивали современники вне воздействия и оценок официальной пропаганды. К тому же и позднее Август пользовался репутацией любителя молоденьких девушек, которых ему раздобывала его жена.¹⁵⁹ Впрочем, и сам Август, как увидим далее, был не прочь прихвастнуть своими подвигами по этой части. Любил Август и игру в кости.¹⁶⁰

Как бы то ни было, первые два брака Августа были продиктованы чисто политическими мотивами. Он пытался сблизиться с Антонием, и вскоре после заключения первого договора между ним, Антонием и Лепидом женился на одиннадцатилетней Клодии, падчерице Антония, дочери жены Антония Фульвии от ее предыдущего супружества с известным трибуном Клодием. Этот союз оказался недолговечным. Стремясь к примирению и сближению с Секстом Помпеем, Август женился в 40 г. до н. э. на Скрибонии, свойственнице Секста Помпея. Этот брак был продолжительнее. В 30 г. до н. э. Скрибония родила ему дочь Юлию, однако в тот самый день, когда Юлия родилась, он известил Скрибонию о разводе, оправдываясь тем, что «устал от ее дурного нрава»,¹⁶¹ и женился на Ливии Друзилле. Этот скандальный брак был, несомненно, браком по любви. Август взял ее, как говорится, от живого мужа бере-

Ливия, жена Августа.

менной; по этому поводу в Риме ходило много сплетен и анекдотов; говорили, например, что у счастливец жена рождает на третий месяц брака. Август всем пренебрег. Ливия вышла из среды, враждебной Цезарю и Августу. Ее отец был в списке проскрибированных; в битве при Филиппах он сражался на стороне республиканцев и после поражения покончил с собой. Ее первый муж Тиберий Клавдий Нерон во время Перузинской войны пытался поднять в Кампании восстание рабов и разоренных крестьян, а позже находился в свите Антония.¹⁶² Детей от Ливии у Августа не было. От Нерона у Ливии было два сына — Тиберий и Друз, родившийся, когда Ливия уже была женою Августа. Они воспитывались при особе Августа.

Ливия оказывала на Августа большое влияние, но атмосфера в семье и вообще в окружении Августа была трудной. Его домашние и приближенные соперничали между собой, борясь за власть. Даже собираясь по-

Марк Випсаний Агриппа

говорить с женой, Август набрасывал конспект беседы, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.¹⁶³ Позже в Риме подозревали, что Ливия отравила Августа.¹⁶⁴ Конфликт между Марцеллом и Агриппой также тлел нескончаемо,¹⁶⁵ а ведь это были самые близкие к Августу люди.

Марка Клавдия Марцелла, своего племянника, сына своей сестры Октавии, Август приблизил к себе вскоре после возвращения с Востока. Во время своих триумфов Август раздавал народу деньги от имени Марцелла, чтобы сделать его популярным.¹⁶⁶ В 25 г. до н. э. Марцелл женился на пятнадцатилетней Юлии; его, в ту пору восемнадцатилетнего юнца, Август явно прочил себе в преемники. Марцелл получил место в сенате в протекторском ранге и разрешение в обход законов через десять лет добиваться консульства. Впрочем, опасно заболев в 23 г. до н. э., Август передал документы, относящиеся к управлению государством, консулу Гнею Кальпурнию Писону, а свой перстень с пе-

чатку — Агриппе. Он явно опасался, что юный претендент не справится с возможными соперниками в борьбе за власть, и не желал ставить Марцелла в сложную ситуацию. Однако в конце собраний императора вылечили; 1 июля он появился на собрании латинян и сложил там свои полномочия консула; его преемником стал Луций Сестий Квирин, республиканец.¹⁶⁷ Взамен сенат снова предоставил ему пожизненную трибунскую и проконсульскую власть. На положении Марцелла эти эпизоды не отразились. В 23 г. до н. э. он стал курульным эдилом и дал при поддержке Августа игры, отличавшиеся невиданной пышностью.¹⁶⁸ Однако в том же году Марцелл заболел и умер. В этой смерти обвиняли Ливию, стремившуюся расчистить путь к власти для своего сына.¹⁶⁹

Теперь в качестве неофициального наследника и будущего преемника Августа выступает его друг Марк Випсаний Агриппа, всегда находившийся на первых ролях при его особе и как полководец, хотя он постоянно отказывался от триумфов, и как политик и государственный деятель. Он происходил из незнатного рода¹⁷⁰ и по всем признакам мог считаться выскочкой. Детство у него было безрадостным;¹⁷¹ брат Агриппы воевал против Цезаря, попал в плен и был освобожден по его просьбе.¹⁷² Не исключено, что Агриппа позволял себе иногда республиканские высказывания, и это позволило Диону Кассию¹⁷³ вложить в его уста речь соответствующего содержания. Практического значения они, разумеется, не имели. Владелец несметных богатств и земель в Сицилии,¹⁷⁴ владетель Херсонеса Фракийского,¹⁷⁵ известный своими многочисленными постройками, человек в высшей степени популярный, имевший репутацию наилучшего из современников,¹⁷⁶ Агриппа, по-видимому, и сам видел себя естественным преемником Августа. Не случайно, когда возвысился Марцелл, Агриппа был удален в Сирию; он, правда, предпочел остановиться на острове Лесбос, а в Сирию направил своих легатов¹⁷⁷ и вернулся в Рим только после смерти Марцелла. В 21 г. до н. э. Агриппа женился на Юлии; очевидно, Август был твердо намерен сделать ее императрицей, и брак с нею был своего рода залогом прихода в будущем к власти. С того времени Агриппа стал фактически соправителем Августа, хотя, естественно, находился на втором месте в общегосудар-

Марк Клавдий Марцелл

ственной иерархии. Это очень хорошо видели на Востоке; один из понтийских городов даже стал называться Агриппия Кесария. Как соправитель, Агриппа чеканил монету со своим изображением; в армии ему оказывались такие же почести, как и Августу; перед Пантеоном рядом со статуей Августа он поставил и свою собственную.¹⁷⁸ В 18 г. до н. э. Агриппа получил трибунскую власть на пять лет; ¹⁷⁹ в 13 г. до н. э. она была продлена еще на пять лет; кроме этого, он получил империй — верховную военно-административную власть сначала на Востоке, а потом и на Западе. Агриппе, между прочим, приписывали проект сделать все частные статуи и картины достоянием общества;¹⁸⁰ известен Агриппа и своею литературной деятельностью, в частности своими мемуарами. В 12 г. до н. э. Агриппа умер.

От брака Агриппы и Юлии родились два сына — в 20 г. до н. э. Гай и в 17 г. до н. э. Луций. Их обоих Август «купил» у родителей, т. е. усыновил; впоследст-

Гай Цезарь.

вии они фигурировали как его сыновья. И тот, и другой делали стремительную карьеру. Раньше, чем полагалось, они стали присутствовать в сенате; они получили от всадников почетный титул предводителей молодежи (*princeps iuventutis*), серебряные щиты и копья; раньше установленного срока они становились и магистрами. В пятнадцать лет они стали консулами. Они облакались и ответственными поручениями, и широкими полномочиями.¹⁸¹ Август явно готовил их к высшей власти в государстве; под его руководством они должны были пройти школу государственной деятельности. Однако во 2 г. н. э. Луций неожиданно умер в Массалии, а в 4 г. н. э., как сказано, и Гай от раны, полученной им в Армении.

После смерти Гая наследником стал пасынок Августа Тиберий Клавдий Нерон, старший сын Ливии. Судьба этого человека была не из легких. Тяжелое детство во времена проскрипций, постоянные скитания вместе с отцом и матерью, а потом, при дворе Августа, пребывание на второстепенных ролях наложили

*Тибери́й Клавди́й Нерон,
пасынок Августа, впоследствии император.*

на него свой отпечаток, хотя ему и давались ответственные поручения и он приобрел известность как талантливый и опытный полководец. В 12 г. до н. э. после смерти Агриппы Август заставил Тиберия развестись с его женой Випсанией, дочерью Агриппы, и жениться на Юлии. Однако этот брак был неудачен, прежде всего из-за скандального поведения Юлии. Оскорбленный муж, вдобавок обиженный тем, какую роль Август предназначал Луцию и Гаю, Тиберий удалился на остров Родос.

Его жена Юлия, конечно, была женщиной необузданного темперамента, легко переступавшей через частокол моральных принципов, но и она была жертвой политики Августа, его династических комбинаций. В доме господствовала атмосфера непрекращающегося скандала между мачехой и падчерицей. Ливия стремилась улучшить положение своих сыновей; Юлия, а по-

том и ее дети ей мешали. Что до Юлии, то она, вероятно, никогда не забывала, как Август поступил с ее матерью Скрибонией, ни того, что ее, в сущности против ее воли, выдали замуж сначала за Марцелла, потом за Агриппу и, наконец, за Тиберия. Юлия неистовствовала, вела себя дерзко вызывающе, изменяла и Агриппе, и Тиберию.¹⁸² Когда Август выразил недовольство, что она часто появляется в обществе молодых мужчин, Юлия отвечала, что ее спутники состарятся вместе с нею.¹⁸³ Заметив осуждающий взгляд Августа, когда она облачилась в роскошный дорогой наряд, она на следующий день надела скромное одеяние римской матроны и на похвалы отвечала: «Сегодня я одета, как это нравится отцу, вчера — как мужу».¹⁸⁴ Публичные оргии, в том числе и на Форуме, с увенчанием статуи Марсия,¹⁸⁵ многочисленные любовники, о которых также все знали, — все это могло хоть кого вывести из терпения. Август отправил свою дочь на остров Пандатерия (с нею отправилась и ее мать Скрибония) и расправился с ее любовниками и соучастниками ее разврата, выходцами из знатнейших аристократических родов. Юла Антония, сына триумвира, он приказал казнить; Семпрония Гракха, Клавдия Пульхра и Корнелия Сципиона сослал.¹⁸⁶

В своем отношении к Юлии Август был непримирим. Рассказывали,¹⁸⁷ что одна из соучастниц Юлии, Феба, покончила с собой; узнав об этом, Август выразил сожаление, что его дочь Юлия, а не Феба. Когда народ требовал возвращения Юлии, Август отвечал, что скорее вода смешается с огнем, чем он перестанет сердиться на свою дочь. Многие побежали с факелами к Тибру, чтобы смешать огонь и воду, но Август оставался неумолим.¹⁸⁸ Только к концу его царствования Юлия получила разрешение вернуться в Италию и поселиться в Регию, где она ненамного пережила отца.

Старшая дочь Агриппы и Юлии, также Юлия, как и ее мать, пострадала от законов против разврата. Она была осуждена в 8 г. н. э. за связь с Децимом Юнием Силаном и сослана на остров Тример у берегов Апулии.¹⁸⁹

Как бы то ни было, после смерти Гая в 4 г. н. э. Тиберий, которому тогда было 46 лет, вернулся в Рим. Август его усыновил и предоставил ему трибунскую власть. В завещании, составленном 3 апреля

12 г. н. э. и хранившемся у весталок, наследниками Августа первой очереди были назначены Тиберий (2/3 имущества) и Ливия (1/3 имущества); кроме этого, были указаны наследники последующих очередей, а также выплаты народу, воинам и подарки разным лицам.¹⁹⁰ Яснее выразить свою волю было трудно.

Поиски наследников и вынужденное, за отсутствием других кандидатур, назначение Тиберия показали, что в результате деятельности Августа официально провозглашавшаяся реставрация Республики в Риме обернулась установлением режима наследственной монархии.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА

В результате деятельности Августа официально провозглашавшаяся реставрация Республики обернулась установлением режима наследственной монархии. Естественно, что этот процесс затронул и общественное сознание. Правительство Августа хорошо понимало необходимость идеологического обеспечения нового режима, важность политической пропаганды. Сам Август, как уже говорилось, на протяжении всей своей жизни занимался активной литературной деятельностью и был известен как плодовитый писатель, причем наибольший интерес у современников вызывали, сколько можно судить, его сочинения на философские темы. Светоний упоминает его «Возражения Бруту о Катоне» (трактат несомненно антиреспубликанской направленности), а также его «Поощрения к философии».¹ Значительный интерес должны были вызвать и его воспоминания «О своей жизни» — громадный труд в 13 книгах, доведенный, однако, только до Кантабрийской войны. Его Август посвятил Агриппе и Мecenату.² Это сочинение было особенно важно тем, что оно содержало описание Гражданских войн и вообще событий, приведших Августа к власти с точки зрения самого Августа, с теми оценками, которые он хотел закрепить в сознании современников и в памяти последующих поколений. Оно, несомненно, перекликалось по своему содержанию и по своим тенденциям с тем кратким сочинением о его деяниях, которое он написал незадолго до смерти и приказал опубликовать после своей кончины.³ Кроме этого, перу Августа принадлежала биография Друза, умершего в 9 г. до н. э.⁴ Другой раздел среди сочинений Августа составляют те, которые непосредственно связаны с его государственной деятельностью. Это прежде всего описание всей Италии по регионам;⁵ Плиний Старший неоднократно цитирует его в 3—5-й книгах своей «Естественной исто-

рии». В этом же ряду находится и принадлежащее перу Августа описание состояния государства, которое после его ухода из жизни было оглашено в сенате; здесь речь шла о численности войск, о царствах, провинциях, находившихся под властью Рима, о подачах и налогах, а также о государственных затратах и расходах.⁶

В древности имели хождение и письма Августа. Известны, в частности, его письма к Ливии относительно Клавдия, будущего императора,⁷ а также его письма Горацию и Мекенату⁸ и некоторые другие.

Увлекался Август и в поэзии;⁹ ему принадлежали поэма «Сицилия» и сборник эпиграмм. Одну из них, фривольного содержания, цитирует Марциал:¹⁰

То, что с Глафирией спал Антоний, то ставит в вину мне
Фульвия, мне говоря, чтобы я с ней переспал.
С Фульвией мне переспать? Ну, а ежели Мавии попросит,
Чтобы поспал я и с ним? Нет, не такой я дурак!
«Спи или бейся со мной!», — говорит она. Да неужели
Жизнь мне дороже всего? Ну-ка, трубите поход! *

Этот фрагмент, явно относящийся ко времени Перузинской войны, позволяет представить себе направленность и поэтический уровень эпиграмм Августа. В его «резвых стихах», как их определил Марциал, где все сказано просто по-римски, нетрудно разглядеть и прямой выпад против Антония, который, как сказано, обвинял Августа во всевозможных постыдных деяниях. Как видим, Август и сам не гнушался ничем в политической перебранке, имея в виду скомпрометировать в глазах римлян и своего самого страшного врага, и его жену.

Активно участвуя в литературной жизни эпохи, Август не мог не видеть и того, что в римских литературных кругах консолидируются оппозиционные силы, явно или скрытно враждебные ему и его режиму. Одним из центров притяжения для литераторов был Гай Асиний Поллион, известный государственный деятель и полководец, справивший свой триумф в 39 г. до н. э., а потом отошедший от активной политической деятельности. Тем не менее, хотя он и отошел от Антония, к Августу он не примкнул. Его позицию достаточно отчетливо характеризует такой случай. Ритор и историк Тимаген дерзкими речами оскорбил Августа, и тот

---

* Перевод Ф. Петровского.

запретил ему входить в его дом. Поллион осмелился принять Тимагена под защиту и опекать его.¹¹

Гай Асиний Поллион был известным литератором, автором трагедий¹² и стихов,¹³ суровым литературным критиком.¹⁴ Но самым опасным для режима Августа было его сочинение о Гражданских войнах в 17 книгах, обнимавшее период от 60 до 42 г. до н. э.¹⁵ О его тенденции свидетельствует тот факт, что в труде Поллиона высоко оценивались убийцы Цезаря Брут и Кассий,¹⁶ давалась объективная характеристика Цицерона.¹⁷ Надежд на то, что с ним можно будет достигнуть взаимопонимания, не было никаких. Однажды Поллиона спросили, почему он не отвечает на обращенные к нему шуточные писания Августа. «Да, я молчу, — последовал ответ. — Ведь нелегко писать тому, кто может записать (в поскрипционный список. — *И. Ш.*)». ¹⁸ Писатель Август хорошо понимал, что никакая расправа не сможет нейтрализовать воздействия Поллиона на умы; может быть, именно ему он пытался противопоставить свою автобиографию.

Но Асиний Поллион не ограничивался чисто литературной деятельностью. После своего триумфа в 39 г. до н. э. он основал первую в Риме публичную библиотеку, употребив на нее средства, захваченные во время похода в Далмацию. В этой библиотеке не только выдавались книги, устраивались там и публичные чтения новых литературных произведений. Из сказанного выше ясно, какой в библиотеке Асиния Поллиона должен был господствовать дух.

Покровительствовал Асиний Поллион и литераторам. Он оказывал поддержку Вергилию; с ним был связан и Гораций.

Вероятно, столь же значительным было и влияние Марка Валерия Мессалы Корвина. Это был человек, шедший извилистым политическим путем, и, разумеется, не такой непримиримый, как Поллион. В свое время он был проскрибирован, но из проскрипционных списков исключен; позже он примыкал к Бруту; после поражения республиканцев при Филиппах перешел к Антонию, а затем от него к Августу (тогда еще Октавиану); в битве при Акциуме он командовал флотом.¹⁹ Впоследствии Валерий Мессала занимал видное положение при особе Августа; именно он преподносил Августу титул отца отечества.²⁰ Его перу принадлежит сочинение

о Гражданских войнах. О его направленности свидетельствует следующее: по словам Плиния,²¹ Валерий Мессала рассказывал, будто Антоний употреблял для непристойных целей священные сосуды.

И все же кружок Мессалы был тем местом, откуда вышли писатели, определенно не сочувствовавшие ни Августу, ни его режиму. К их числу принадлежал, например, Альбий Тибулл (ок. 54—19 гг. до н. э.). Конечно, основная тема поэзии Тибулла — любовь. Ему принадлежит и элегия, в которой он обличал ужасы войны и восхвалял вождельный мир.²² Война для него есть следствие жадности и стремления к наживе. Мир благодетелен, и поэт яркими красками рисует радости мирной жизни, когда отец пасет овец, а его сын — ягнят. Но Тибулл написал и элегию, посвященную Мессале,²³ где восхваляются подвиги последнего в Аквитании и на Востоке; в Панегирике Мессале восхваления напоминают вызов: никто не превзошел Мессалу ни в лагере, ни на Форуме; его красноречие превосходит красноречие Нестора и Одиссея, так как он усмиряет и волнения толпы, и гнев судьи; в военном искусстве также нет никого выше Мессалы; велением богов ему предстоит праздновать триумфы над самыми сильными и отдаленными народами, и только его имя прославится на обеих половинах земли. Когда бы ни был написан Панегирик (существует предположение, что его должно отнести к 27 или даже к 31 г. до н. э.), как бы ни был молод поэт, сочинявший его, но ведь это были годы, когда Октавиан одержал победу при Акциуме (31 г. до н. э.) и когда он получил имя Августа (27 г. до н. э.). Как же иначе, если не как враждебную демонстрацию, должны были власти воспринять Панегирик Мессале, если кругом раздавались единодушные восхваления Августа? И уж во всяком случае это было проявлением опасной независимости поэта, неприемлемого его волюнтаризма. И ситуация не менялась от того, что в элегиях Тибулла встречаются идиллические описания сельской жизни, т. е. мотивы, соответствовавшие взятой Августом идеологической линии.

Членом кружка Мессалы был и Публий Овидий Насон (20 марта 43 г. до н. э.—конец 17 или начало 18 г. н. э.) — один из тройцы ведущих поэтов Августова века. Конечно, Овидий не был чужд официальному прославлению Августа, в особенности в первые годы перво-

го десятилетия нашей эры, когда он работал над «Метаморфозами» («Превращения») и «Фастами» («Календарь»). Правда, и та, и другая поэмы не были завершены; работа над ними была прервана изгнанием. «Метаморфозы» не были окончательно отделаны; свою рукопись Овидий сжег, и поэма была издана позже по рукописям, хранившимся у друзей.²⁴ Что касается «Фаст», то написаны были только шесть книг (предполагалось, по-видимому, двенадцать); они также не были доработаны и также были изданы позже. «Метаморфозы» завершаются апофеозом Цезаря и Августа.²⁵ Цезарь превратился в бога, в звезду; но из всех его подвигов славнейший — то, что он стал отцом Августа. С небес радуется Цезарь деяниям Августа, который также превзошел его, как Агамемнон Арея, Тесей Эгея, Ахилл Пелея и Юпитер Сатурна. Вообще Август — это земной Юпитер:

Правит Юпитер

Небом эфирным; ему троевидное царство покорно.
Август владеет землей: и отцы, и правители оба.*

«Фасты» были посвящены Августу и писались специально для него.²⁶ Впоследствии Овидий заменил посвящение Августу посвящением Германику, однако при издании, осуществленном уже после смерти поэта, было опубликовано и то, и другое посвящение. Эта поэма буквально переполнена льстивыми излияниями. Из нее мы узнаем, что перед именем Августа должны поблестеть все другие; что заслуги Августа выше заслуг Ромула — основателя Римского государства; что Август — глава культа и хранитель гражданских доблестей. Пользуется поэт случаем и для того, чтобы изложить читателю генеалогию Августа непосредственно от Юпитера. Кажется вероятным, что все эти излияния служат показателем того, насколько ко времени, когда писались обе поэмы, в Риме посуровела общественная атмосфера, насколько небезопасно для поэта было уклоняться от участия в хоре, возвеличивающем владыку. Тем не менее правительство Августа едва ли всем этим могло удовлетвориться. Ведь все это к моменту изгнания поэта оставалось, так сказать, в черновиках и могло увидеть свет только в какой-то более или менее отдален-

* Перевод С. Шервинского.

ной перспективе. Во всяком случае «Фасты» при жизни Августа так и не были опубликованы, и поэт-изгнанник вовсе не предназначал их к публикации. В «Метаморфозах» он оказался слишком лаконичен и слишком скуп на прославления; впрочем, и они широкой публике еще не были известны. К тому времени, когда на Овидия обрушился гнев Августа, он был известен главным образом своими стихотворениями о любви; внимание Августа привлекла прежде всего его поэма «Искусство любви», увидевшая свет во 2 г. до н. э.

Поэма Овидия написана была в жанре дидактического стихотворного трактата, каких было много в те времена. Она содержит даваемые с серьезным видом советы мужчинам, как найти, привлечь к себе и удержать возлюбленную; женщин поэт учит заботиться о своей наружности и женственности, о том, чтобы уметь петь и играть на струнных инструментах, чтобы быть искусной в любовной игре. В примыкающей к ней поэме «Лекарство от любви» Овидий дает советы, как избавиться от этой напасти. Но сказанного мало: Овидий не только осмеливается бросить вызов законам, составлявшим сердцевину всей внутренней политики Августа, он издевается над законным браком и над старыми добрыми нравами; он заявляет, что лучше ухаживать за девицей, чем за народом, избирающим на почетные должности (а ведь фикцию выборности магистратов Август всячески поддерживал); он смеется над судом и над законами. Как бы ни уверял поэт, что он не покушается на святость семейных устоев, что он говорит только о любви к вольноотпущенницам и приезжим, на которых закон о прелюбодеяниях не распространяется, обмануть его слова никого не могли. Поэт изобразил нравы римского общества, противопоставив их староримскому идеалу Августа; Август это хорошо понял и именно этого поэту не простил.

Мы не знаем, какова была первоначальная реакция Августа на «Искусство любви». Можно только, судя по последующим событиям, уверенно предполагать, что она была резко отрицательной. Однако административных мер Август не предпринимал. Вероятно, он хорошо понимал, что такие меры выставили бы его в смешном свете, создали бы ему репутацию варвара. Внезапно все круто переменялось.

Осенью 8 г. н. э. Овидий находился в гостях у Котты, сына Валерия Мессалы, на острове Эльба. Неожиданно Август вызвал его в Рим. Во время беседы Август осыпал поэта обвинениями; пользуясь своею магистратскою властью, он выслал Овидия из Рима в далекий городок Томы (ныне Констанца) на берегу Черного моря. Овидий говорит,²⁷ что его погубили «стихи и проступок». В чем заключался проступок, мы не знаем; поэт был чему-то свидетелем,²⁸ возможно, нечаянным; но стихи — это, разумеется, «Искусство любви». Август карал поэта, так сказать, по совокупности. Возможно, конечно, что Август хотел привлечь внимание общества от скандальных событий в его собственной семье (напомним, что именно в 8 г. н. э. была осуждена за любовную связь Юлия, внучка Августа); более вероятным кажется, однако, что эпизод с Юлией только усугубил гнев Августа против «учителя распутства» и послужил толчком для расправы над ним. Как бы то ни было, сколько Овидий ни умолял Августа о прощении или хотя бы о смягчении наказания, как ни льстил, как ни унижался, как ни оправдывался (все это отложилось в его «Тристиях», т. е. «Скорбных элегиях», и в его «Посланиях с Понта»), Август так и не разрешил ему вернуться.

Судьба Овидия была далеко не единичной и даже не самой трудной. Известный ритор Тит Лабиен был подвергнут по определению сената специфической каре: его сочинения из-за их обличительного содержания были преданы сожжению;²⁹ сам Лабиен заперся в родовой усыпальнице и там уморил себя.³⁰ Ритор Кассий Север нападал в своих «бесстыдных писаниях» на знатных мужчин и женщин;³¹ его сочинения были сочтены общественно опасными, и сенат повелел их уничтожить, а самого автора сослать на остров Крит (8 г. н. э.). Оттуда уже в 24 г. Кассий Север был переведен на Сефирову скалу (один из островков Кикладского архипелага) и там в крайней нищете скончался в 32 г.³² За этими приговорами, конечно, стоял сам Август.

И все-таки он, по-видимому, не очень охотно прибегал к сожжению книг и ссылкам. Август не мог не понимать, что таким способом можно в лучшем случае заткнуть рот оппозиции (что само по себе немаловажно), однако в борьбе за умы и сердца людей нужны другие средства.

Осуществление культурной политики режима, со-

зданного Августом, неразрывно связано с именем одного из его ближайших друзей — Мецената; оно уцелело в веках и стало обозначением человека, занимающегося просвещенным покровительством литературе и искусству.

Гай Цильний Меценат (между 74 и 64 гг. до н. э. — 8 г. н. э.) происходил из всаднической семьи и считался потомком этрусских царей.³³ Меценат был очень богат, владел землями по всей Италии, и это позволяло ему подкармливать приближенных к нему литераторов; его состояние составилось, очевидно, во времена проскрипций. Он принадлежал к числу самых близких друзей Августа; их дружбе не мешало даже то обстоятельство, что его жена Теренция была до замужества и оставалась после свадьбы любовницей императора. Меценат не занимал каких-либо официальных постов, хотя дружба с Августом и открывала перед ним такого рода возможности. Один только раз мы видим его в роли префекта города; однако он не раз и не два выполнял важнейшие поручения Августа, исполнял деликатные дипломатические миссии. Вообще он оказывал на Августа значительное влияние. Рассказывают, что однажды, услышав, как Август один за другим выносил смертные приговоры, Меценат послал ему записку: «Перестань, палач!», и Август прекратил судоговорение.³⁴ По-видимому, Меценат был известен своими монархическими настроениями. Дион Кассий, конечно, не случайно вкладывает в его уста речь о необходимости единовластия, обращенную к Августу и содержащую идеологическое обоснование его притязаний.³⁵

Особое место в жизни Мецената занимала литература, хотя ею он едва ли занимался профессионально. Тем не менее его перу принадлежат такие сочинения, как «Симпосион», возможно подражание Платону, Ксенофону или Эпикуру (в качестве действующих лиц там фигурировали Вергилий, Гораций, Валерий Мессала и Меценат),³⁶ «О своем образе жизни» и, по-видимому, некоторые другие. Гораций³⁷ и Сервий³⁸ дают основания говорить и о занятиях Мецената историей эпохи Августа. Не был чужд Меценат и стихотворству.³⁹ Как писатель Меценат пользовался отрицательной репутацией; его порицали за витиеватость и вычурность слога,⁴⁰ тем не менее литературные занятия его не пропали бесследно.

При дворе Августа Меценат играл роль просвещен-

ного покровителя искусств и литературы. В его окружение входили первоклассные римские писатели, такие как Вергилий, Гораций, Луций Варий Руф, Секст Проперций, и некоторые менее значительные, такие как Гай Мелисса,⁴¹ Домиций Марса,⁴² Плоций Тукка,⁴³ литературный критик Квинтилий Вар⁴⁴ и др. Умело руководя их деятельностью, порой прямо направляя их творчество (Меценат не раз давал литераторам темы для их произведений), Меценат, а через него, несомненно, и сам Август добивались распространения и укоренения в обществе желательных для них воззрений, создавали идеологическую базу режима.

* * *

Естественно, что реставраторская политика Августа должна была найти свое выражение прежде всего в религиозной сфере. Сам Август был в меру религиозен и суеверен; ему не чужды были страх перед громом и молнией, вера в сны и приметы.⁴⁵ Однако дело было не в его личных качествах. Ко времени, когда режим сформировался, в Риме в аристократической среде, среде образованных и мыслящих людей, но также и в плебейской массе, распространилось негативное или, в большинстве случаев, скептическое отношение к религии, прежде всего к римской традиционной религии. Широкое распространение получили эллинистическая философия, мистические учения, восточные культы и верования, такие как почитание Великой Матери, каппадокийской богини Ма (в Риме ее культ слился с культом Беллоны), египетских Осириса и Исиды, сирийского Зевса Долихенского, Сирийской богини. Однако одновременно в некоторых кругах римского общества имело место стремление возродить отеческую религию, которая воплощала в себе прежние времена, когда жизнь была простой, нравы чистыми, а государство могучим и нерушимым. Религиозная политика Августа находилась целиком в русле этих последних тенденций и вдохновлялась теми же устремлениями. Он старался демонстрировать свое отрицательное отношение к чужеземным суевериям. Правда, Август принял посвящение в Элевсинские мистерии, но последние были элементом общей греко-римской культуры. Однако в Египте он отказался посмотреть на Аписа, а позднее с похвалой отозвался о Гае Цезаре, когда тот не захотел посетить Иерусалимский храм Иахве.⁴⁶ В 28 г. до н. э.

в пределах римской городской черты было запрещено строить храмы египетским богам; Вергилий⁴⁷ изображал Анубиса и других чужеземных чудовищ врагами, сражавшимися с италийскими богами в битве при Аквиуме. Август запретил римским гражданам участвовать в богослужениях галльских жрецов-друидов.⁴⁸ Став великим понтификом, Август приказал собрать и сжечь более 2 тыс. пророческих книг, ходивших в народе анонимно и под вымышленными именами. Исключение было сделано только для некоторых Сивиллиных книг, которые в двух позолоченных ларцах были положены под фундаментом храма Аполлона на Палатине.⁴⁹

В особую заслугу Август ставил себе то, что он восстанавливал старые и посвящал римским богам новые храмы.⁵⁰ Среди них были храмы Юпитера Феретрия («Подателя добычи»), связанный с обрядностью триумфов (Юпитеру Феретрию триумфатор подносил на носилках лучшую часть добычи) и с воспоминаниями о Ромуле-победителе, Юпитера Громовержца, построенный по обету, данному во время войны с кантабрами. На построенном Августом Форуме находился храм Марса Мстителя, на Палатине — храм Аполлона. На Авентине по приказу Августа были восстановлены храмы Минервы, Юноны Царицы и Юпитера Освободителя, на Капитолии — храм Квирина. Сохранялась и оберегалась древняя святыня — «Квадратный Рим», напоминавший об основании города Ромулом. Вместо сгоревшего в 14 г. до н. э. храма Весты был построен новый. В Риме широко пропагандировались культы Марса, Аполлона и Венеры, в особенности Аполлона Актийского, даровавшего победу при Аквиуме; их изображения можно было часто встретить на монетах. Август считал необходимым для себя участие в многочисленных жреческих коллегиях, чей престиж и авторитет он поддерживал и всячески оберегал. Помимо того, что он был верховным жрецом римской религии — великим понтификом, Август также являлся авгуром (жрец-птицегадатель), членом коллегии Пятнадцати (квиндецемвиры), хранивших Сивиллины книги, членом коллегии семи эпулонов (устроителей религиозных трапез), членом Арвальского братства (коллегия из двенадцати жрецов, в середине мая обходивших римскую городскую черту с молитвами об урожае), членом коллегий Тициев и фецииалов (коллегия из двадцати

жрецов, в ведении которых были переговоры о заключении договоров, объявление войны и заключение мира).⁵¹ Хронологически эти жреческие должности выстраиваются в такой ряд: с 48 г. до н. э. Август (тогда еще Октавий) был понтификом и только в 12 г. до н. э. стал великим понтификом; авгуром он стал около 41 г. до н. э., квиндecemвиром — около 37—35 гг. до н. э., эпулоном — позже, но во всяком случае до 16 или 13 г. до н. э. Фециалом Август был в 32 г. до н. э., когда он объявлял войну Клеопатре, членом коллегии Тициев и Арвальского братства — самое позднее в 21 г. до н. э. Естественно, Август заботился и об увеличении штата жрецов, и о поддержании их престижа.⁵²

В рамках реставрационной политики Августа находит свое объяснение и проведенное им упорядочение римского юлианского календаря, когда он мимоходом одному из месяцев, секстилию, присвоил свое имя — август;⁵³ еще раньше месяц квинтилий был назван июлем по родовому имени Цезаря.

Первостепенное значение Август придавал внедрению в сознание римлян культа рода Юлиев, Юлия Цезаря и, разумеется, самого принцепса. Такую роль играл прежде всего культ Венеры Прародительницы, напоминавший о божественном (от Венеры) происхождении рода Юлиев. В 29 г. до н. э. на месте сожжения трупы Юлия Цезаря был построен посвященный ему храм; позже в память о гибели Юлия Цезаря был построен храм Марса Мстителя. Этот храм играл в жизни Рима специфическую роль. Здесь члены императорской фамилии, достигнув совершеннолетия, приносили жертвы, отсюда магистраты уезжали в провинции, сюда триумфатор приносил свою добычу, сюда были возвращены полученные от парфян римские знамена.

Особое место занял в римской религии и культ Гения Августа. Он был включен в систему домашних богов, покровителей дома и очага. Во время клятвы Гений Августа упоминался сразу вслед за Юпитером Всеблагим Величайшим и перед Пенатами, богами домашнего очага. Рим, как уже говорилось, был поделен на районы и кварталы; в каждом квартале имелось святилище, где отправлялся культ богов-хранителей, и среди них свое место занимал и Гений Августа. Почитанием последнего ведали ежегодно сменявшиеся квартальные магистраты. Широкое распространение получили и сак-

ральные коллегии августалов, где активную роль играли выходцы из социальных низов, в частности вольноотпущенники. Все эти обстоятельства показывают, что культ Геня Августа должен был глубоко укорениться в сознании именно широких народных масс, объединить их вокруг Августа и стать идеологическим фундаментом его власти. Всякое выступление против нее становилось не только актом политической борьбы и, если угодно, преступлением, но и греховным деянием, вызовом небесным богам и живому земному богу.

Ко всему этому примыкал культ таких богов, как Благочестие, олицетворявшее насаждавшиеся Августом староримские добродетели, Фортуна Возвратительница (существовал после 19 г. до н. э., когда Август вернулся из дальней поездки в Рим, и это было воспринято как одно из важнейших событий в жизни римского народа), богини Августова Мира, чей алтарь был сооружен на Марсовом поле в 13 г. до н. э. после возвращения Августа из Испании. Здесь магистраты, жрецы и девы-весталки ежегодно приносили жертвы и возносили молитвы. Напомним, что мир и стабилизация были важнейшими элементами политики Августа.

Само собой понятно, что почитание Геня Августа не могло ограничиваться только римско-италийской почвой. В облике культа обожествленного Августа оно получило широкое распространение повсюду на Востоке, где оно было подготовлено обожествлением эллинистических царей. В Египте Август почитался как фараон и сын солнечного бога Ра; в одном из папирусов Британского музея⁵⁴ битва при Аксиуме изображается как деяние богов, несущее цветение и благополучие на Нильскую землю. В Александрии Августу был посвящен храм Кесарион. Многочисленные храмы Августа были построены в Малой Азии (здесь в некоторых случаях Август почитался вместе с богиней Рима). Август воспринимался там как спаситель, основатель, освободитель и благодетель мира. Пришествие Августа изображалось как исполнение непреложной судьбой молитв и чаяний, а его день рождения — как благовестие для всего мира. Август явился, и прекратились войны и утвердился мир, водворилось согласие; он — податель благ, отец человеческого рода, спаситель и благодетель людей, руководитель жизни. В одной надп. из Галикарнасса⁵⁵ Август предстает как спа-

ситель всего человечества, чьи молитвы провидение не только исполнило, но и превзошло: море и земля умиротворены, города наполнены благозаконием, согласием и благочестием. Как показывает надпись из Галатии,⁵⁶ культ Августа был регламентирован. В храме богини Рима и Августа ежегодно с участием представителей провинциальных городов совершались торжественные богослужения, которыми руководил верховный жрец провинции.

Такие же культы имели место и на Западе, а также в самой Италии, в том числе в таких городах, как Неаполь, Помпеи, Нола, Тибур и др. Иногда культ Августа сливался с культом иных богов — Геркулеса, Меркурия. В Галлии, в Лугдуне, у слияния Роны и Соны, был воздвигнут среди священного леса алтарь богине Рима и Августу, окруженный статуями, олицетворявшими 60 галльских племен. Там они ежегодно собирались, выбирали нового верховного жреца, который от имени Галлии приносил жертвы и руководил сакральными играми. 1 августа 12 г. до н. э. алтарь был освящен, было открыто первое провинциальное собрание и верховным жрецом был избран римский гражданин Гай Юлий Веркундаридубн из племени эдуев.

Сам Август стремился демонстрировать сдержанность: он, по словам его биографа,⁵⁷ не разрешал строить себе отдельные храмы, позволял только соединение своего культа с давним культом богини Рима. Существо дела, разумеется, от этого не менялось.

* * *

Вероятно, самым большим достижением Августа, который действовал в данном случае преимущественно через Мецената, было то, что он сумел превратить крупнейших и авторитетнейших писателей эпохи в рупор тех общественных идей и настроений, которые нужны были режиму, являлись его идеологическим фундаментом. Вопрос о том, насколько эти писатели были искренни в своем творчестве, не получилось ли так, что устремления правящих кругов совпали с их чувствами и чаяниями, интересен сам по себе, но для характеристики общественной жизни не настолько существен, как можно было бы думать. Весьма вероятно, что они были искренно уверены в способности Ав-

густа водворить мир и безопасность, возродить пришедшее в упадок государство. Однако важно, что стороны двигались навстречу друг другу, что писатели, о которых пойдет речь, сознательно шли на службу режиму и выполняли его заказы. Да и режим, опять-таки преимущественно через Мецената, всеми способами их подкармливал. Известно, что, например, Вергилий владел усадьбой возле кампанского города Нолы⁵⁸ и домом на Эсквiline возле садов Мецената;⁵⁹ и то, и другое он получил либо от самого Мецената, либо по его инициативе. Более определенно можно судить о Горации: ему около 33 г. до н. э. Меценат подарил поместье в Сабинских горах.⁶⁰

Конечно, все сказанное не исключает того, что путь писателей, чье творчество нас далее будет интересовать, к режиму и на службу режиму был не всегда прост и их взаимоотношения с режимом тоже не всегда были простыми, да и содержание их произведений, конечно, выходило за рамки прокрустова ложа современной им официальной культуры; иначе они просто не были бы интересны последующим поколениям. И все же. . .

Публий Вергилий Марон, уже упоминавшийся выше по другому поводу, стяжал себе славу «Буколиками», которые он писал в 41—39 гг. до н. э. по заказу Асиния Поллиона.⁶¹ Это было время Перузинской войны, соглашения в Брундисии, договора Октавиана и Антония с Секстом Помпеем. Близость к Асинию Поллиону была в тот момент для Вергилия, по-видимому, пределом его возможностей; не случайно, в знаменитой IV эклоге «Буколик» поэт свои пророчества о наступлении нового золотого века связывает именно с ним:⁶²

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнава ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство,
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.
При консулате твоём тот век благодатный настанет,
О Поллион! — и пойдут чередою великие годы.*

В «Буколиках» поэт воплотил мечту — мечту обыкновенного римлянина, уставшего от политических по-

---

* Здесь и далее перевод С. Шервинского.

трясений, об идиллической пастушеской жизни на лоне природы, жизни, очищенной от губительного страха, исполненной спокойствия, любви, простоты и довольства. Вероятно, именно такое содержание в сочетании, разумеется, с высочайшим поэтическим достоинством стихов обеспечило Вергилию и прочный успех, и положение одного из ведущих, если не ведущего, поэта эпохи. Существует рассказ, согласно которому народ, услышав в театре стихи Вергилия, встал и приветствовал присутствовавшего поэта так, как обычно приветствовали самого Августа.⁶³ Когда бы этот эпизод ни произошел, ясно, что в нем отражена прочная, устойчивая репутация.

Видимо, именно тогда Вергилий привлек к себе внимание Мецената; в 37—30 гг. до н. э. поэт работал над «Георгиками» («О земледелии»), и к этой поэме он приступил по прямому заказу Мецената,⁶⁴ чье имя Вергилий по обычаю поместил в самом начале своего произведения.⁶⁵ В 29 г. до н. э. Вергилий читал «Георгики» самому Октавиану.⁶⁶ Это были годы, когда борьба Октавиана с Антонием вступила в завершающую фазу, годы, закончившиеся битвой при Акциуме, крушением и гибелью Антония. Приняв поручение Мецената и придав своей поэме форму обращения к нему, Вергилий недвусмысленно определил свой политический выбор. И мы, разумеется, видим описания зловещих знамений и страшных явлений природы, сопровождающих гибель Юлия Цезаря,⁶⁷ и обращение к богам, чтобы они не препятствовали «юноше» (Октавиану) справиться со злоключениями века,⁶⁸ и, естественно, небеса ревнуют Октавиана к людям. Поэт обещает воздвигнуть храм в честь Октавиана и устроить игры,⁶⁹ а также воспеть блестящие победы Октавиана и прославить его имя.⁷⁰

Но главное здесь все же в другом. «Георгики» представляют собой свод наставлений по сельскому хозяйству; речь идет о земледелии, о деревьях и в особенности о виноградной лозе, о скотоводстве и пчеловодстве. Как уже не раз отмечалось, в этом плане поэма Вергилия находится в одном ряду с писавшимся примерно тогда же (37 г. до н. э.) сочинением уже находившегося на склоне жизни, восьмидесятилетнего Марка Теренция Варрона «О сельском хозяйстве»; поэт его тщательно изучил. Они, несомненно, отвечали одной общественной потребности. Вне зависимости от

того, насколько советы, которые дает Вергилий, продиктованы его собственным хозяйственным опытом (а Вергилий воспользовался разнообразными литературными источниками), насколько они практичны (а древность признавала за ними такое значение), существенно, что мечты об идиллической сельской жизни здесь переводятся в практическую плоскость, и сама она представлена в идеализирующем освещении; именно в этой жизни господствуют добродетели, которых тщетно искать в развращенном городе:⁷¹

Трижды блаженны — когда б они счастье свое сознавали! —
Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им справедливо земля доставляет нетрудную пищу.
Пусть из кичливых сеней высокого дома не хлынет
К ним в покои волна желателей доброго утра,
И не дивятся они дверям в черепаховых вставках,
Золотом тканых одежд, эфирейской бронзы не жаждут;
Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена ядом,
Пусть не портят они оливковых масел корицей, —
Верен зато их покой, их жизнь простая надежна.
Всем-то богата она! У них и досуг, и приволье,
Гроты, озер полнота и прохлада Темпейской долины,
В поле мычанье коров, под деревьями сладкая дрема —
Все это есть. Там и роши в горах, и логи со зверем;
Трудолюбивая там молодежь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них Справедливость
Прочь с земли уходя, оставила след свой последний.

Заказывая Вергилию именно такую по теме и по содержанию поэму, Меценат хотел получить и, очевидно, получил своеобразный манифест правительства Октавиана, намеревающегося возвратить Рим к сельской идиллии, ко временам Цинцинната, к суровым нравам и обычаям предков.

Свою главную поэму, «Энеиду», Вергилий писал с 29 г. до н. э. по инициативе Августа,⁷² который был в ней чрезвычайно заинтересован и постоянно торопил поэта с завершением его труда,⁷³ однако Вергилий не торопился, и только много времени спустя (очевидно, после 23 г. до н. э.) он прочел Августу и его окружению вторую, четвертую и шестую книги.⁷⁴ Когда он дошел в своем чтении до упоминания о Марцелле, его мать Октавия, сестра Августа, упала в обморок, и с трудом можно было привести ее в чувство. Поэма осталась незавершенной. Поэт собирался перед смертью ее уничтожить, но ему помешали; после его смерти (22 сентября 19 г. до н. э.) «Энеида» по приказанию Августа была

издана Луцием Варием Руфом и Плотием Туккой, участниками кружка Мецената, в том виде, в каком ее оставил поэт, в том числе с недоработанными и недописанными стихами.⁷⁵ Такое значение Август придавал «Энеиде», и таким было благоговение современников перед великим поэтом.

Сюжет Энеиды прост: это рассказ о родоначальниках римского народа — Энее, сыне Венеры и Анхиса, и его сыне Аскании-Юле, от которого вели свое происхождение Юлии. Иначе говоря, речь идет о предках Юлия Цезаря и Августа, но именно от них и пошел Рим. Таким образом, основная тема «Энеиды» — происхождение Рима и Августа; так поэма оценивалась уже в древности.⁷⁶ По преданию Эней после гибели Трои покинул ее, вынеся оттуда на плечах своего отца; после долгих странствий он, Асканий и другие его спутники прибыли в Италию.

Своим обликом Эней напоминает бога,⁷⁷ он не просто благочестив,⁷⁸ он славен благочестием;⁷⁹ эта формула почти дословно повторится и позже:⁸⁰ «троянец Эней, благочестием славный и мужеством». Благочестие вообще есть свойство, присущее Энею.⁸¹ По другой характеристике:⁸²

справедливостью, храбростью в битвах
И благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться.*

Эней, таким образом, является носителем староримских добродетелей. Эней благочестив, — и он выносит на своих плечах отца из пылающей Трои. Эней тщательно соблюдает религиозные обряды, исполняет обеты и покорен воле богов. Повинуясь ей, он отвергает любовь карфагенской царицы Дидоны и спешит в Италию, где для наследников Юла, т. е. Юлия Цезаря и Августа, он заложит основы могучего государства. Здесь, несомненно, читатель должен был вспомнить о предосудительном поведении Антония, который Риму предпочел любовь чужеземной царицы. По зову отца Эней приходит к нему в подземное царство — его благочестие преодолевает все преграды. Эней храбр в битве, прямодушен в своих отношениях с людьми — и с друзьями, и с врагами.

---

* Здесь и далее перевод С. Ошерова.

От этой характеристики пролагается прямой путь к фигуре пока безымянного мужа, отличающегося благочестием и заслугами, усмиряющего бунтующую толпу;⁸³ но кто же не узнает в этом анониме Августа, положившего предел Гражданским войнам? И разве не является Эней, прародитель римского народа, прототипом Августа?

В подземном царстве Анхис перечисляет Энею мужей, создавших силу и могущество Рима; он говорит о высоком предназначении римлян:⁸⁴

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных.

Правление Августа есть возвращение золотого века и кульминация римского могущества.⁸⁵

Вот Цезарь и Юла потомки:

Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Вск вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.

Описание щита Энея в сжатом виде излагает всю историю римского народа, и ее высшая точка — битва при Акциуме,⁸⁶ представленная как сражение двух миров. С одной стороны

Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов.

Ему противостоит Восток, которым предводительствует Антоний:

В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
Бактров; с ним приплыла — о несчастье! — жена-египтянка.

На его стороне сражаются и египетские чудища-боги.
Победа Августа — это победа Рима над Востоком, по-

беда сил порядка и высшей гармонии над темными силами хаоса и мрака. Собственно, так же, хотя и более прозаично, предводителем всеиталийского ополчения в битве при Акциуме изображал себя и сам Август.⁸⁷ Вергилий, несомненно, поэтически разрабатывал здесь официальную концепцию.

Произведение Вергилия было, конечно, самым значительным, но вовсе не единственным в своем роде. Панегирик в честь Августа, пользовавшийся широкой известностью и отличавшийся общепризнанными литературными достоинствами, написал и Луций Варий Руф.⁸⁸ Эпический поэт Рабирий был, очевидно, автором эпоса, где изображалась гибель Антония и Клеопатры; некоторые современники ставили его как выдающегося поэта в один ряд с Вергилием.⁸⁹ Корнелий Север был известен как автор поэмы о Сицилийской войне,⁹⁰ т. е. о войне Октавиана с Секстом Помпеем; впрочем, это сочинение могло быть частью большого эпоса Корнелия Севера по истории Рима, где он, между прочим, воспел трагическую гибель Цицерона.⁹¹ Однако именно «Энеида» Вергилия стала своеобразным воплощением режима, его идейным знаменем.

Еще более сложным путем пришел к воспеванию Августа и Квинт Гораций Флакк (8 декабря 65 г. до н. э.—27 ноября 8 г. до н. э.). Гораций был выходцем из низов римского общества; он родился в захолустной Венузии; его отец был вольноотпущенником и сборщиком платежей на аукционах, а по некоторым сведениям, продавцом соленой рыбы.⁹² Несомненно, Горацию-отцу стоило немалых усилий и денежных средств дать сыну образование, которое могло бы позволить ему выкарабкаться на поверхность. Гораций учился в Риме и получил возможность в 45 г. до н. э. отправиться в Афины, где отпрыски римской аристократии обычно завершали курс наук под руководством крупнейших греческих философов эпохи. Тогда он был, несомненно, республиканцем. Оставив учебу, Гораций примкнул к Бруту и участвовал в битве при Филиппах. Разгром республиканцев был для него тяжелой жизненной катастрофой; он потерял и отцовскую землю в Венузии (ее отдала ветеранам), и наследство.⁹³ Воспользовавшись амнистией, Гораций вернулся в Рим и там добился должности квесторского писца.⁹⁴ «Смелая бедность» побудила Горация обратиться к поэтическому

творчеству:⁹⁵ несомненно, Гораций видел в нем средство избавиться от нужды и выбиться в люди. Он не ошибся — уже первые его произведения, появившиеся в 41 г. до н. э., обратили на себя внимание Вергилия и Вария; они рекомендовали его в 39 г. до н. э. Мecenату.⁹⁶ Весной 38 г. до н. э. поэт встретился с Мecenатом, зимой 38/37 г. до н. э. вошел в круг его друзей⁹⁷ и с тех пор до самой смерти (Гораций ненадолго пережил Мecenата) пользовался его неизменной поддержкой и благоволением; отношения между ними всегда были самые дружеские. Выбор Горация был сделан.

Мecenата привлекли в Горации не только его личные качества, хотя они, конечно, способствовали укреплению взаимной приязни. Мecenат увидел в Горации выдающегося поэта, которого чрезвычайно важно привлечь, обласкать и побудить писать то, что нужно. Гораций был для этого вполне подходящим человеком. Он уже давно расстался с республиканскими иллюзиями своей молодости. Правда, иногда прошлое давало о себе знать. Гораций считал возможным упомянуть о том, как высоко его ценит Асиний Поллион,⁹⁸ и посвящать ему хвалебную оду.⁹⁹ Он даже отказался от хорошей должности — быть секретарем у самого Августа.¹⁰⁰ Когда Август его упрекнул, что в своих писаниях он, Гораций, не беседует преимущественно с ним, Августом,¹⁰¹ поэт отвечал, что он совершил бы государственное преступление, если бы своими речами отнимал время у Августа.¹⁰² Большое рассуждение на литературные темы он завершает вежливым отказом (из-за неспособности) писать эпическое повествование, посвященное Августу. Иногда в его сочинениях прорывалось и утомление от долголетней дружбы с Мecenатом,¹⁰³ которую он, по-видимому, все же ощущал как клиентскую зависимость, хотя и в очень мягких, щадящих самолюбие формах. Вероятно, основываясь на собственном опыте, он дает советы, как себя вести в свите богатого и знатного человека.¹⁰⁴ И все же Гораций с готовностью поставил свое перо на службу Августу и его режиму, посвятил себя восхвалению Августа и, разумеется, Мecenата. Не случайно в качестве официального поэта именно Гораций сочиняет «Вековую песнь». И стихотворных од, посланий и сатир, обращенных к Августу, в его наследии достаточно много,

несмотря на тот обмен упреками Августа и ответом на них поэта, о котором мы говорили выше.

В творчестве Горация мы находим воплощение подхваченных Августом расхожих идей века. В момент Перузинской войны поэт ужасается тому, что Рим разрушается своею собственной силой; он советует гражданам бежать куда-нибудь на блаженные острова Океана.¹⁰⁵ О разрушительном результате Гражданских войн говорит и еще одно произведение Горация.¹⁰⁶ За этим, конечно, следует страстное ожидание мира. Счастья следует искать, живя сообразно с природой, вдали от суетных забот, в единении деревенской жизни.¹⁰⁷ Поэт восклицает:¹⁰⁸

О деревня, когда же тебя я увижу, когда же
Из старинных книг, из сна и часов беззаботных
Почерпну я отрадное жизни мятежной забвенье? *

От того, что однажды эту мечту Гораций вкладывает в уста ростовщика,¹⁰⁹ идеал не становится менее привлекательным; контраст между ним и реальной жизнью, между реальным человеком и заложенными в нем потенциями подчеркивается особенно выразительно.

С этим напрямую связаны призывы к нравственно-му возрождению общества. Поэт призывает воспитывать в себе воинскую доблесть, сознание того, что сладостно и почетно умереть за отечество.¹¹⁰ В качестве примера для подражания Гораций предлагает «благочестивца» (в переводе А. Фета: «муж правоты»), упорного в достижении своих целей:¹¹¹

Муж правоты, неотступный в обдуманном,
Не поколеблется ни пред кипучею
Волей граждан, коль потребуют низкого,
Ни перед властью тирана могучею,
Ни пред волной разъяренного Адрия,
Ни пред десницей, где гром зарождается. . .
Он, если б небо со треском разрушилось,
И под обломками не испугается.

Этими словами начинается ода, адресованная Августу, и само собой понятно, что именно он, которому уготовано место среди богов, является носителем всех этих качеств. Столь же разительный пример доблести и вер-

---

* Здесь и далее перевод А. Фета.

ности — древний герой Регул; в далекие времена I Пунической войны он пожертвовал собой, убедил римлян отвергнуть предлагавшийся им карфагенянами унизительный мир и, верный своему слову, вернулся в карфагенский плен на мучительную смерть.¹¹² В противоположность развращенной современности Гораций рисует портрет суровых создателей римского могущества, возвращающий читателя ко времени Цинцинната:¹¹³

То были воинов-оратаев сыны,
Привычные вращать сабинскою киркою
Бразду; им матерью заране внушены
И страх, и труд: они вечернею порою
Несли ей дров, когда над сумраком земли
От солнца выси гор блистали багряницей,
И без ярма волю, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась вослед за быстрой колесницей.

Заключается ода горестной сентенцией об измельчении поколений:¹¹⁴

Все уменьшается, мельчает каждый час:
Отцы, которых стыд и сравнивать с дедами,
Родили нас, еще негоднейших, а нас
Еще пустейшими помянет мир сынами.

И, конечно, Август. Поэт молит Юпитера, чтобы Август царствовал над вселенной;¹¹⁵ одною из од, обращенной к Икцию,¹¹⁶ он откликается на поход Элия Галла в Южную Аравию; он предрекает Августу грядущее обожествление;¹¹⁷ он посвящает оду возвращению победоносного Августа из Испании:¹¹⁸ ему не страшны ни война, ни насильственная смерть, пока Август владеет землею; Август происходит от благих богов, он лучший страж Рима, дающий изобилие, мир, добронравие;¹¹⁹ Август могучий, победоносный полководец;¹²⁰ Август возродил древние добродетели, которыми созданы могущество и слава латинского имени и Италии.¹²¹ Вот как поэт изображает благополучие Рима, которым он всецело обязан Августу:¹²²

...бродит вол покойно средь полей,
Обильные плоды Цереры край питают,
И плаватель летит вдоль стихнувших морей
И честь наветы не пугают.
Разврат не стал домов почтенных осквернять,
Порок преследуем законами и мнением,
А кара рядом с преступленьем.
И сходством чад своих гордиться может мать,

Про скифов и парфян и знать мы не хотим,
 Сурового никто германца не боится:
 Ведь Цезарь * между нас, могуч и невредим, —
 Так кто ж иберца устрашится?
 Всяк в винограднике проводит день своим,
 К сухому дереву побеги лоз склоняя,
 И, отойдя к вину, с отрадой за столом
 Тебя с богами поминает.

Все это развивает темы, которые находили свое воплощение и в надписях, где Август именуется отцом отечества еще до того, как ему был официально присвоен этот титул, где он — охранитель Римского государства и защитник всего земного круга.¹²³ Надписи происходят из итальянских городов, и они свидетельствуют, что пропаганда успешно делала свое дело и что Гораций говорил то, что Август и его окружение не без успеха стремились внедрить в сознание всех римлян, всех италиков.

Разумеется, Гораций не мог обойти тему победы при Акциуме. В оде «К друзьям»¹²⁴ он ведет речь о Клеопатре, готовившей гибель Капитолию и всему государству; ее усмирил Август. Интересно, что поэт все же с нескрываемым восхищением говорит о решимости Клеопатры покончить с собой, но не пойти за триумфальной колесницей победителя. В эпиде «К Меценату» Гораций воспевает победу и обличает Антония, который грозил Риму цепями, снятыми с рабов, который готов был прислуживать женщине, точно евнух.¹²⁵

Не избежал восхвалений Августа и поэт-элегик Секст Проперций (умер ок. 15 г. до н. э.). Правда, он ответил Меценату отказом, когда тот попытался направить его творчество из сферы любовной лирики в более широкую литературную область.¹²⁶ Тем не менее в одном из своих поздних стихотворений он прославляет Августа и яркими красками рисует битву при Акциуме.¹²⁷ Поэт особо подчеркивает участие в ней Аполлона, который торжественно обращается к Августу; Юлий Цезарь с небес взирает на его подвиги. . .

Чрезвычайно важное место в общем контексте идейной жизни эпохи занимает монументальный труд Тита Ливия (59 г. до н. э.—17 г. н. э.), посвященный истории Рима от основания города и до современной ему эпохи.

---

* Август.

Труд Ливия определенно противостоит современной грекоязычной историографии эпохи. И «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, и «Всемирная история» Николая Дамасского имели своим предметом историю всего эллинистического мира, в которую как один из компонентов была включена и история Рима. К ним примыкают и написанные на латинском языке «Филипповы истории» Помпея Трога, романизованного галла. В центре его повествования — Македония и царства диадохов, преемников Александра Македонского; рассказывается, как Рим постепенно их поглощает и как они растворяются в государстве Августа. К тому же сочинение Помпея Трога было откровенно антиримским.

У Тита Ливия речь идет о Риме; его интересует прежде всего Рим и история Рима как учитель жизни, как некое зеркало нравственности. Он продолжает традиции римской историографии, как они были заложены анналистами и Катонем Старшим; по своей глубинной тенденции он — несомненный продолжатель Саллюстия. Ливий подробно рассказывает, как Рим сложился, как из небольшого городка, окруженного со всех сторон врагами, он постепенно, благодаря суровой дисциплине и самоотверженности предков, одолел всех неприятелей, создал республику и превратился во владыку всего средиземноморского мира. Он стремится пробудить любовь к славному прошлому отечества, представить древний Рим как идеал для Рима, ему современного. Везде, где только можно, подчеркиваются истинно римские качества — доблесть, скромность, постоянство, верность, готовность к самопожертвованию. Тит Ливий скорбит об утрате древней чистоты, простоты, суровой умеренности, равенства граждан, величия души, о том, что под влиянием корыстолюбия и честолюбия, не раз приводивших Рим на край гибели, государство разлагается и дошло уже до такого состояния, когда люди не могут выносить ни своих пороков, ни средств для их исправления. Но ведь и сам Август, по свидетельству его биографа,¹²⁸ оказывал почести вождям, которые создавали величие Римской державы, восстанавливал их памятники с надписями и поставил в портиках на построенном им Форуме их статуи в триумфальном облачении. В специальном эдикте он объявил: он делает это затем, чтобы и его

самого, пока он жив, и тех властителей, которые будут в последующие времена, граждане побуждали брать с них пример. Тем более они должны были быть примером и для остальных граждан. Вполне последовательно и в погребальной процессии самого Августа помимо изображений предков и сородичей умершего, кроме Юлия Цезаря, причисленного к богам, несли изображения всех выдающихся деятелей римской истории начиная от Ромула, в том числе и Гнея Помпея.¹²⁹ И там, и там было представлено целиком римское историческое предание; история Рима становилась как бы подготовкой к явлению Августа и в известном смысле семейной историей династии Юлиев. Таким образом, то, что писал Ливий, хорошо укладывалось в идеологию режима, созданного Августом.

Сам Август у Ливия — податель мира после битвы при Акциуме, устроитель государственных дел, приведший в порядок провинции;¹³⁰ он — всех храмов основатель или восстановитель.¹³¹ Из дошедших до нас кратких изложений не сохранившихся книг Ливия, в которых освещалась эпоха Августа, можно заключить, что Ливий изображал Августа правителем, воссоздавшим государство из хаоса, возродившим доброе старое время, хотя во введении к своей книге Ливий Августа и не поминает. Но разве в этом было главное? Все указанные выше особенности в сочетании с высокими литературными достоинствами делали исторический труд Ливия своеобразным эпосом в прозе и, несомненно, ставили его в один ряд с «Энеидой» как один из идейных манифестов режима. Вот почему Август был даже склонен мириться с «помпейянством» Ливия.

Попыткой представить эти идеи и грекоязычному миру были «Римские древности» Дионисия Галикарнасского, который в промежутке между 30 и 8 гг. до н. э. был в Риме учителем риторики. В его сочинении излагается римская история от основания города до начала I Пунической войны. Автор прославляет древнюю римскую доблесть, противопоставляемую современному упадку нравов; он стремится побудить римлян вернуться к древним обычаям и образу жизни. В то же время греческий читатель должен был убедиться в близости греческой и римской культур. . .

Более или менее дружный хор вольных или невольных апологетов режима заглушал в римской словесно-

сти эпохи Августа все другие голоса. Именно он определял духовную атмосферу, в которой жило общество, именно этими миазмами восторженного восхваления, обожествления, рабского пресмыкательства оно вынуждено было дышать. Пройдет время, и Тацит, характеризуя эпоху Августа, скажет: «Долговременное спокойствие и постоянная праздность народа, и непрерывная невозмутимость сената, и больше всего образ действий принцепса (глава режима. — *И. Ш.*) и само красноречие, как и все, умиротворили».¹³² Слова Тацита могут быть распространены на всю литературную жизнь эпохи. Именно такого умиротворения Август и добивался.

* * *

Не меньшее значение, чем литературе, Август придавал архитектуре и изобразительному искусству. Величие и мощь возрожденного Рима, древнее благочестие и благочиние, пример предков и божественность самого Августа должны были образовывать ту среду, в которой добрый римлянин рождался, жил и умирал, которая формировала его патриотические чувства, нравственные устои и идейные позиции. Величие государства должно благодаря общественным постройкам наиболее эффективно воздействовать на умы и сердца людей — приблизительно так современник Августа Марк Витрувий Поллион¹³³ формулировал цели градостроительной политики, и его слова, несомненно, отвечали позиции самого Августа.

Август видел одну из своих заслуг в том, что он развернул в Риме интенсивное строительство. И он, и его ближайшие сотрудники организовывали работы по благоустройству города. В 33 г. до н. э. Агриппа реставрировал древние водопроводы, а в 19 г. до н. э. был построен еще один водопровод. О ремонте и перестройке водопроводов как о своей заслуге упоминает и сам Август; он же говорит и о реконструкции Фламиниевой дороги и мостов.¹³⁴ Для того чтобы по достоинству оценить эту сторону деятельности Августа и Агриппы, необходимо учесть, что для Рима было характерно сакральное отношение к текущей воде, ко всякого рода водоводам, считавшимся продолжением рек и ручьев, где обитали нимфы. Таким образом, это

¹³² И. Ш. Шифман

были не только работы по благоустройству города, но и сакральные деяния. Однако главным было другое.

По словам Светония,¹³⁵ Август гордился тем, что оставляет мраморным Рим, который принял кирпичным.¹³⁶ По другой версии,¹³⁷ Август говорил перед смертью своим друзьям, что он принял Рим земляным, а оставляет им его каменным. Вероятно, эти слова произносились многократно и в разных вариантах, но суть от этого не менялась. Сам Август тщательно перечисляет все свои постройки;¹³⁸ Светоний говорит о многочисленных зданиях, воздвигнутых Августом, и отмечает важнейшие из них.¹³⁹ Вот почему так ко времени оказались написанными и опубликованными «Десять книг о строительном искусстве» упоминавшегося выше инженера, авторитета в области механики и строительства Марка Витрувия Поллиона; уже в старости, в 33 г. до н. э., он начал работать над ними, а вскоре после 28 г. до н. э. завершил их и посвятил Августу. Это посвящение было естественным завершением отношений, которые их связывали. Сам Витрувий упоминает, что Август дал ему за его инженерные работы вознаграждение и по ходатайству своей сестры Октавии назначил ему постоянную пенсию.¹⁴⁰ Трудно отделаться от мысли, что эта материальная помощь была предоставлена Витрувию для написания его труда, так же как она предоставлялась Вергилию, Горацию и не им одним. Кстати, предисловие было выдержано в обычных для литературы этого круга тонах: оно содержало льстивые прославления божественной мудрости Августа, его непобедимой доблести, его триумфа и победы над всеми поверженными врагами. Таким образом, сочинение, где речь шла о технике строительного дела и строительной эстетике, о механике, музыке и астрономии, а также сообщалась отрывочная информация по истории архитектуры, — это сочинение ставилось в один ряд с важнейшими литературными произведениями эпохи, в которых нашли свое выражение идеологические установки режима.

Август, конечно, был главным организатором нового строительства в Риме. Но он активно побуждал и других, тех, кто занимал сколько-нибудь высокое положение в обществе, принимать активное участие в этой деятельности; среди них были не только близкие к нему люди, но и те, кто позволял себе занимать

относительно независимую позицию. Наш источник называет Луция Марция Филиппа — отчима Августа, Луция Корнифиция — полководца Августа, в 35 г. до н. э. консула, а потом наместника Африки, упоминавшегося выше Гая Асиния Поллиона, Луция Мунация Планка — сперва республиканца, потом сторонника Антония, в конце концов перебежавшего к Августу, Луция Корнелия Бальба — полководца Августа.¹⁴¹ Среди них наиболее ярко проявил себя Марк Випсаний Агриппа, ближайший сподвижник Августа.

Материальной основой нового строительства был ввоз мрамора из Греции, а также открытие мраморных карьеров около Каррары.

Одним из объектов строительной деятельности было Марсово поле. Еще Юлий Цезарь в свое время задумал его реконструировать и расширить, а также построить огромное специальное здание для народных собраний и для голосования, так называемые «Ограды». Строительные работы начал Лепид; в 26 г. до н. э. их завершил Агриппа, роскошно «Ограды» украсивший. Неподалеку от них Агриппа построил еще одно здание — Дирибиторий, предназначенный для 900 судей, подсчитывавших результаты голосования. Его стены были украшены замечательными произведениями искусства, картинами, статуями, трофеями, всякого рода достопримечательностями и редкостями. Главной достопримечательностью Дирибитория был пролет его крыши (около 30 м). Закончил это строительство сам Август. Смысл данных работ очевиден: и Юлий Цезарь, и Лепид, а в особенности Август и через Агриппу, и лично, стремились продемонстрировать, какое огромное значение они придают народному собранию и соответственно демократическому волеизъявлению народа. Чем меньше была реальная власть народных собраний, тем пышнее и торжественнее они должны были быть обставлены.

Там же, на Марсовом поле, Агриппа построил портик Аргонавтов с базиликой Нептуна (25 г. до н. э.). Они должны были напоминать римлянам о морской победе при Акциуме и, возможно, о победе самого Агриппы над Секстом Помпеем.¹⁴²

Центром всего архитектурного ансамбля, воздвигнутого Агриппой, был Пантеон («храм всех богов»), впоследствии неоднократно обновлявшийся и перестра-

ивавшийся при императорах Домициане, Адриане и Септимии Севере; в окончательном виде Пантеон сохранился до наших дней. Свое название он получил потому, что вместе со статуями Марса и Венеры там были установлены статуи многих других богов. Агриппа хотел там же поместить и статую Августа (бог среди богов!) и дать храму его имя, но Август отказался, и среди богов была поставлена статуя обожествленного Юлия Цезаря. В вестибюле, справа и слева от входа, Агриппа все же поставил статую Августа и заодно и свою собственную. Через вестибюль с колоннадой и двускатной крышей посетитель попадал в центральный зал с огромным куполом и освещением сверху через отверстие в крыше. По словам Диона Кассия, этот купол напоминал небо; именно он, так думает Дион Кассий, дал повод назвать храм Пантеоном.¹⁴³ Купол поддерживается системой опорных кирпичных арок; вестибюль был отделан позолоченными бронзовыми балками, а купол — позолоченными бронзовыми плитками. В строительных работах участвовал скульптор Диоген из Афин¹⁴⁴ и, несомненно, другие греческие скульпторы и архитекторы. Пантеон был воздвигнут как храм богов дома Юлиев (а ими, помимо Марса и Венеры, были практически все римские боги), среди которых одно из центральных мест принадлежало и самому Юлию Цезарю. Мы видим здесь опять-таки слияние дома Юлиев и Римского государства; понятно, что и божественность Юлия Цезаря осеняла его сына — Августа. Да и установление статуй Августа и Агриппы в вестибюле храма делало их обоих сакральными фигурами.

К Пантеону примыкали термы Агриппы — роскошные общественные бани, парк для гуляний с проточным искусственным озером, каналом, фонтанами и бассейнами, а также архитектурно-парковый ансамбль «Поля Агриппы» с портиком Агриппы. Там была выставлена географическая карта мира, которая должна была служить свидетельством могущества Римской державы под властью Августа.

В целом постройке Агриппы образовывали своеобразный целостный текст: боги-хранители Рима и дома Юлиев; битва при Акциуме, окончательно утвердившая власть Августа; мощь и величие Римского государства под властью Августа; возрождение и укрепление

древних устоев римской государственности, прежде всего самодержавия народа.

В битве при Филиппах Август (тогда еще, разумеется, Октавиан) дал обет построить храм Марса Мстителя;¹⁴⁵ одновременно с этими работами началось и строительство нового Форума. Предлогом для этого послужила недостаточная, как считалось, вместимость Форума республиканского времени и примыкавшего к нему Форума Юлия Цезаря. Форум Августа в свою очередь примыкал к последнему и был связан с ним общим проемом; он, однако, представлял собой самостоятельную архитектурную композицию. Воплощение обета в жизнь затянулось. Только во 2 г. до н. э. Форум Августа и храм были освящены, хотя работа еще не была закончена. Слишком велико было нетерпение, слишком храм и Форум были Августу нужны. Впоследствии, при императоре Адриане, внутренняя отделка храма подвергалась переделкам; то же произошло и с портиками.

Форум Августа был построен на месте снесенных жилых кварталов, непосредственно примыкавших к Форуму Юлия Цезаря. Это был огромный прямоугольник, огороженный мощной стеной из туфа высотой около 36 м и периметром около 450 м. Снаружи глухая поверхность стены была расчленена на три яруса, увенчанные карнизами; вход в Форум образовывала полукруглая арка; изнутри стена была украшена; в нишах, как уже говорилось, размещались статуи великих деятелей римской истории с соответствующими надписями. В глубине Форума по правую и левую стороны от храма, если стоять лицом к нему, находились два полукружия; здесь стена была облицована изнутри мраморными плитами и отделана двумя ярусами полуколонн из желтого и зеленовато-серого мрамора. От остального Форума полукружия отделялись широкими прямыми портиками. Их нижний ярус представлял собой колоннады из цветного мрамора; верхний глухой ярус был декорирован кариатидами, а на промежуточных полях размещались медальоны с масками. Порттики продолжались и дальше вдоль стен, непосредственно примыкая к ним.

Композиционным центром Форума, на который он был ориентирован, являлся храм Марса Мстителя, высоко поднятый на подиуме (высота 3.5 м) над людски-

ми толпами; по сути Форум представлял собой как бы храмовый двор. Схема храма обычна для римской традиции. Его достопримечательностью был передний портик глубиной в три пролета с одним рядом мраморных колонн римско-коринфского ордера высотой 18 м. Задняя стена храма была изогнута в виде абсиды. Стены храма и подиум были облицованы белым мрамором. В целом храм должен был поражать своими размерами и великолепием.

Форум Августа был сооружением неординарным. Вообще римский Форум возник как рыночная площадь и свои функции торгового центра сохранял еще при Юлии Цезаре. Форум Августа был задуман и построен как культовый центр с парадными залами для встреч, бесед и собраний. Форум Августа стал и важнейшим политическим центром Рима; там происходили жеребьевки судей и процессы по преступлениям против государства. По указанию Августа в храме Марса Мстителя должен был собираться сенат, чтобы вынести решение о войне или триумфе; отсюда отправлялись в провинции наместники, облеченные военно-административной властью, туда прибывали победоносные военачальники и приносили украшения триумфов.¹⁴⁶ В Форуме Августа воплощалось великолепие созданной им державы; она завершает собой труды великих предков и опирается на их славные традиции. Форум был и зримым воплощением благочестия Августа, исполнения им сыновьего долга (месть убийцам Цезаря), почитания бога — покровителя дома Юлиев, способствовавшего мести.

Выше мы упоминали о многочисленных храмах, построенных при Августе и по его инициативе. Возвращаясь здесь к этому сюжету, заметим следующее. Храмы обычно строились по традиционной итальянской схеме с развитым передним портиком и чаще всего без портика у задней стены. Характерным элементом храмовой композиции является лестница во всю ширину фасада (так, в частности, в храме Марса Мстителя), однако иногда ее место занимали две боковые лестницы, обрамлявшие площадку для жертвенника. В задней стене целлы устраивалась ниша, где помещалась культовая статуя. Храмы использовались не только для чисто культовых целей, но и для общественных собраний, в частности для заседаний сената.

Известное представление о храмах эпохи Августа дает храм Марса Мстителя, о котором говорилось ранее. Упомянем еще храм Согласия у подножия Капитолия в северо-западном углу республиканского Форума. Он был заново построен Тиберием еще при жизни Августа (10 г. до н. э.—7 г. н. э.) на месте древнего храма. Для него характерны громадная целла (45×24 м), портик у входа в храм (14×34 м) с шестью мраморными колоннами по фронтому. Храм был превращен в своеобразный музей скульптуры и живописи, кладовую драгоценностей. Нечто подобное имело место и в храме Аполлона, построенном Августом на Палатине; к нему был присоединен портик с латинской и греческой библиотекой (уж не для того ли, чтобы отвлечь людей от библиотеки Асиния Поллиона?). В старости Август собирал там сенат и пересматривал списки судей.¹⁴⁷ В конце правления Августа и также Тиберием был перестроен храм Диоскуров. Он, по-видимому, имел форму перилтера с выраженным передним портиком и располагался на высоком подиуме площадью 30×50 м, выложенном из бетона и с наружной стеной из туфа. Подиум был облицован мрамором. До наших дней сохранились три колонны классического римско-коринфского ордера с изысканными капителями, где завитки переплетаются между собой, как бы символизируя дружбу Диоскуров. Примерно такими же были и провинциальные храмы, хотя и значительно меньшие по размерам. Представление о них дает, в частности, так называемый «Прямоугольный дом» — храм эпохи Августа, сохранившийся до наших дней в Ниме, на юге Франции (древний Немаус в Нарбоннской Галлии, где была учреждена римская колония).

Одним из важнейших элементов античного города был театр. К концу I в. до н. э. в Риме функционировали три каменных театра — театр Помпея, рассчитанный приблизительно на 17 тыс. зрителей, театр Бальба вместимостью в 7—8 тыс. зрителей и театр Марцелла, рассчитанный на 10—14 тыс. Существовали и многочисленные другие театры. Театр Марцелла был начат постройкой еще при Юлии Цезаре, но завершен уже при Августе (от имени Марцелла). Его главный фасад, обращенный к городу и к Марсову полю, представлял собой огромный полуцилиндр (диаметр 130 м), расчлененный на горизонтальные зоны поясами антаблемен-

тов. Нижняя аркада театра сочетается с колоннами дорического, а аркада второго этажа — с колоннами ионического ордера.

Из других сооружений эпохи Августа первостепенное значение имел Алтарь Мира (обычно в сочетании: Августова Мира), который должен был закрепить в сознании римлян образ Августа — носителя и устроителя мира. Алтарь был заложен на Марсовом поле 4 июля 13 г. до н. э. и освящен 30 января 9 г. до н. э. Он представлял собой огражденную стенами площадку (10.55×11.6 м), в центре которой стоял на ступенях мраморный жертвенник. Высота мраморной стены 6 м. На западной стороне стены можно было видеть Землю, подательницу изобилия, вскармливающую двух младенцев, и богиню Рима. На восточной стене изображен был Эней, приносящий жертвы Пенатам, среди которых находился и Гений Августа, а также сцены из преданий об основателях Рима — Ромуле и Реме. На северной и южной стенах была представлена торжественная процессия, которую возглавляет Август, приносящий жертву; за ним следуют жрецы, его семья, сенаторы и весь народ. Содержание этого памятника в целом перекликается с тем, о чем писали Вергилий и Гораций: Эней, прародитель римского народа; мир и изобилие; обожествление Гения Августа; единство народа в возрожденном государстве под водительством Августа. Существенно, что семья Августа оказывалась специфической государственной институцией, стоящей в одном ряду с сенатом и народом.

В 28 г. до н. э., несомненно под влиянием впечатлений от гигантских гробниц восточных владык, Август начал строительство своего гигантского мавзолея. Он был построен в стиле древних этрусских погребальных сооружений. Громадный барабан мавзолея (диаметр 80 м) был покрыт земляным холмом, где была посажена роща; увенчивала сооружение бронзовая статуя Августа.

Подводя итоги развитию архитектуры эпохи Августа, можно констатировать, что, как и в сфере словесности, здесь пропагандировались идеологические установки режима, обеспечивавшие укрепление личной власти Августа. Конечно, влияние греческих образцов, в особенности как следствие активного участия греческих мастеров в строительной деятельности эпохи Ав-

густа, не могло не сказаться (оно, кстати, весьма ощутимо и в литературе). В архитектуре греческое влияние проявилось во введении колоннад трех греческих ордеров. Но на римской почве определяющими были древние местные традиции арки и свода, древние традиции храмового и погребального зодчества. Греческая колоннада превратилась в дополнение собственно римских конструкций. Этот симбиоз стал типичной чертой «Августова классицизма»; мощь и помпезное великолепие построек должны были символизировать мощь и величие Рима эпохи Августа; его консервативность и верность традициям должны были проявиться также и здесь. Внедрение единого архитектурного стиля, характерного для эпохи, было следствием нивелирующего влияния Августа; здесь в еще большей степени, чем в словесности, Август стремился не допускать отклонений от единообразного стандарта.

Само собой понятно, что эффективным средством пропаганды в руках Августа и его правительства было изобразительное искусство. Геммы, кубки и другие подобные изделия широко тиражировали изображения Августа как бога вместе с богиней Рима или Венерой. На одной из гемм Август показан со скипетром в позе Юпитера, рядом с ним сидит смотрящая на него богиня Рима, у его ног орел Юпитера, Вселенная возлагает на него венец, Тиберий сходит с триумфальной колесницы, внизу — пленные варвары. На кубке из Боскореале Августа сопровождают Венера, из рук которой к нему вылетает Победа, Честь и Марс, ведущий аллегорические изображения провинций. Известная статуя Августа из Примапорты, первоначально находившаяся у входа в виллу Ливии, представляет Августа в облике императора — победоносного полководца, обращающегося с речью к солдатам. Его правая рука слегка вытянута вперед; гармоническая пропорция форм, идеализация индивидуальных черт способствуют выявлению его величавого достоинства, которое статуя буквально излучает. Изображения на панцире Августа повествуют о нем и о всей эпохе. Сверху мы видим, как бог с небес открывает завесу, уходит Луна и восходит Солнце; предшествуемое Авророй, оно мчится на колеснице. Наступает новый день, а с ним и новая эра в римской, да и вообще во вселенской истории. В центре панциря кульминация: парфянин, возвращающий

римлянину римского орла, а по бокам две женщины, олицетворяющие замиренные провинции. Одна из них держит ножны без оружия и трубы, другая передает меч победителю. Зритель без труда прочитывал здесь напоминание о воинских подвигах Августа, восстановителя римской чести и могущества Римского государства. На нижней части панциря показана Земля с рогом изобилия, справа — Диана и слева — Аполлон. Так вводятся еще две темы — изобилия, всеобщего благоденствия, наступившего при Августе, и божественного покровительства дому Юлиев (Аполлон — покровитель Юлиев) и, разумеется, самому Августу. Статуя Августа из Кум, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, представляет его в образе Юпитера с жезлом в левой руке и шаром в правой. Август — бог, Август — земной владыка, подобный Юпитеру на небесах, — таков был образ владыки, который должен был запечатлеться в сознании подданных. Изображения такого рода, несомненно, тиражировались и распространялись по всему Римскому государству.

Не меньшее, а возможно, и большее воздействие оказывали и монеты, издавна являвшиеся инструментом политической пропаганды. Так было, в частности, когда Брут выпускал монеты с надписью «Свобода» и соответствующим изображением. Антоний распространял монеты с собственным портретом и с бюстом Победы, которой были приданы черты Фульвии. Среди монет Антония имелись и такие, на которые была нанесена пропагандистская надпись: «Благочестие консулов», с изображением Благочестия с рогом изобилия. В ходу были и монеты, отражавшие кратковременное согласие Антония и Октавиана с портретами того и другого. Монеты Секста Помпея прославляли благочестие его отца Гнея Помпея.

Монеты Августа, которые он выпускал в обращение на протяжении всего своего долгого правления, отражали различные ситуации, связанные с его политической карьерой, а также различные элементы его официальной идеологии. Они, в частности, показывают Августа благочестивым сыном. Мы видим его небритым в знак траура по Юлию Цезарю. Монеты с надписью «Марс Мститель» должна была напомнить римлянам о мести убийцам Цезаря, совершенной Августом. В ходу были и монеты, напоминавшие об обожествлении

Цезаря: с надписью «Божественный Юлий» и кометой с лучами и хвостом; с головой Цезаря с кометой с четырьмя лучами и хвостом; с храмом Юлия Цезаря с Победой на фронтоне.

Естественно, выпускались и монеты, увековечивавшие военные победы Августа. Изображение ростральной колонны с корабельными носами, морских и воинских доспехов на борту корабля символизирует, очевидно, победу над Секстом Помпеем. В связи с победой при Акциуме получила распространение монета с Победой на корабельном носу и Октавианом на триумфальной колеснице. Имеются и надписи: «Захваченная обратно Азия», «Побежденный Египет». На монетах показываются и трофеи, захваченные в Испании; иногда можно видеть Победу, увенчивающую испанские трофеи. Специальный выпуск монет был осуществлен с надписью «Побежденная Армения» и с фигурой армянина в тиаре и длинной одежде, на коленях с протянутыми руками.

Но самыми важными были, конечно, другие темы. На монетах Августа фигурирует богиня Мира; имеется и изображение Мира с соответствующей надписью, а также с другой надписью, где Август чествуется как защитник свободы римского народа. В других случаях говорится о гражданах, защищенных, разумеется, Августом. На одном денарии помещено известие о жертве по обету, которую сенат и народ римский принесли во здравие Августа, потому что государство находится в наилучшем и спокойнейшем состоянии сравнительно со всеми предшествующими временами. На другом денарии мы видим Августа в тоге, восседающего на курьельном кресле; два полководца протягивают ему оливковые ветви. Распространены были и монеты, на которых вычеканены были пашущие колонисты и даже сам Август в жреческой одежде с покрытой головой, за плугом, запряженным волами.

Строительная деятельность Августа (реконструкция дорог) также нашла свое отражение на монетах.

Не могла быть обойдена, естественно, и тема религиозная. На монетах фигурируют божественные покровители Августа — Аполлон с лирой, Венера и слева от нее щит со звездой (обожествленный Юлий Цезарь), Солнце. Показываются и Эфесский храм богини Рима и Августа, а также алтарь богини Рима и Августа

в Лугдуне. На монете, выпущенной по случаю Вековых игр, изображен Август, раздающий народу благоволия для очистительного жертвоприношения.

Как символ изобилия и процветания на монетах фигурирует рог изобилия; как олицетворение нравственных качеств, которые должны быть присущи римлянину, — щит Доблести и богиня Доблести.

Выше мы упоминали, что семья Августа превратилась в своего рода государственную институцию; члены ее фигурируют и на монетах. То это головы Юлии в середине и по бокам Гая и Луция, то это Диана с чертами Юлии (поразителен контраст между поведением реальной Юлии и ее представлением в виде суровой богини-охотницы), то это Гай и Луций как консулы и предводители юношества. Не могли быть обойдены и Агриппа и Тиберий. Имеется даже двойной портрет: Агриппа и Август сидят на возвышении на двойном стуле. Показаны ли они здесь соправителями? Ливия выступает как олицетворение Благочестия с чашей и жезлом, а также как воплощение богини Мира. И, конечно же, многообразные портреты Августа, в том числе и Август — отец отечества. . .

* * *

1--3 июня 17 г. до н. э. по решению Августа были пышно отпразднованы Вековые игры. Собственно, само представление о веке восходит к этрусским верованиям; предполагалось, что в жизни народов существуют длительные временные периоды, начало и конец которых определяется божественными знаменами; они соответствовали длительности жизни одного поколения, т. е., по представлениям древности, приблизительно ста годам. Все сроки отпраздновать очередные Вековые игры уже давно прошли. Август в своих воспоминаниях¹⁴⁸ писал, что гаруспекс Вулкаций вскоре после убийства Юлия Цезаря и появления на небе кометы заявлял, что это означает конец IX и наступление X в. Однако вскоре это истолкование божественного знаменья было подвергнуто сомнению. В 43 г. до н. э. Марк Теренций Варрон в своем сочинении о происхождении римского народа утверждал, что век должен соответствовать 110 годам.¹⁴⁹ Август воспользовался этой хронологией, но, для того чтобы прийти к искомой дате, понадоби-

лось еще датировать захват и разрушение римлянами Карфагена и Коринфа со 149 на 127 г. до н. э.¹⁵⁰ Знаменем, подтверждавшим начало нового века в 17 г. до н. э., было сочтено появление кометы¹⁵¹ и вновь открытое предсказание Сивиллы.¹⁵² Август придавал играм исключительное значение; он сам возглавил коллегию Пятнадцати, в чьем непосредственном ведении они находились, и включил в нее Агриппу.¹⁵³

В нашем распоряжении имеется подробное описание празднества.¹⁵⁴ Уже 17 февраля 17 г. до н. э. сенат принял постановление о праздновании Вековых игр; среди относящихся к этому случаю решений сената особо должно быть отмечено указание о приостановке на время игр деятельности судов. 23 мая по предложению консула Гая Силана сенат приостановил на это время и действие законов об обязательном браке: те, кто не вступил в брак «без обмана», т. е. без каких-либо отягчающих вину обстоятельств, получили разрешение присутствовать на играх, потому что — так сенат обосновывал свое решение — при таком зрелище никто не сможет присутствовать вторично. Другим постановлением сената было предусмотрено воздвигнуть две колонны, бронзовую и мраморную, где должны были быть увековечены основные документы, относящиеся к празднеству (специальное письмо Августа к коллегии Пятнадцати, в котором излагалась программа праздника и Пятнадцати предлагалось приступить к его организации; постановления, направленные на реализацию этих указаний; подробное описание жертвоприношений, молебствий и игр, имевших место во время празднества). Пятнадцать, в частности, постановили, что никто не должен уклоняться от участия в торжествах из-за домашнего траура. В последнюю декаду мая на улицах Рима появились глашатаи в высоко подпоясанных торжественных одеждах, в древнем шлеме с длинными перьями на голове, с круглым щитом в левой руке и священным жезлом мира в правой. В парадных выражениях они созывали всех граждан участвовать в празднике, какого никто никогда не видел прежде и не увидит в будущем.¹⁵⁵

Все участники предстоящих обрядов и молебствий должны были подвергнуться ритуальному очищению. С 26 по 31 мая перед храмами богов, которым они были посвящены, на Капитолии, на Авентине и на Палатине

на высоких трибуналах сидели по два жреца в тогах, затканых спереди широкими алыми или пурпурными полосами (*toga praetexta*); они раздавали благоговения для очистительного окуривания будущих участников церемонии. Здесь нужно заметить следующее. Вообще тога была специфической одеждой римлян. Август в полном соответствии со своей реставраторской политикой добивался, чтобы римляне появлялись в общественных местах в тогах. Увидев однажды толпу в темных плащах, он приказал эдилам впредь не допускать на Форум никого, одетого таким образом. Римляне должны были снимать плащи и оставаться в тогах.¹⁵⁶ Тога с полосой, в которую были одеты жрецы, была отличительным знаком аристократов и магистратов; она должна была подчеркнуть официальность и помпезность происходящего. Там же с 29 по 31 мая Пятнадцать принимали от граждан их натуральные вклады в фонд праздника — зерно, горох и т. п.; позже это продовольствие раздавали зрителям и непосредственным участникам игр. На месте, где должны были совершиться ночные обряды, построили деревянную сцену. Для исполнения торжественных песнопений были организованы два хора, один из 110 замужних женщин возрастом не менее 25 лет; другой из 27 мальчиков и 27 девочек из самых знатных семей, чьи родители (и отец, и мать) были еще живы. Первый хор представлял уходящий век, второй — наступающий.

Важнейшим местом, где совершались сакральные церемонии, был Тарент — местность на берегу Тибра, где Марсово поле наиболее узко. Там еще в древности один из предков рода Валериев, пришедший в Рим из страны сабинян, нашел горячие источники и подземный огонь. Водой из этих источников, как рассказывали, были излечены его больные дети. Под землей на глубине 20 футов он нашел алтарь подземных богов; им в благодарность за чудесное исцеление он принес торжественные ночные жертвы, сопровождавшиеся играми и лектистерниями — сакральными трапезами для богов. С тех пор этот обряд закрепился в роде Валериев. В 509 г. до н. э. Публий Валерий Публикола, один из основателей Республики, устроил, по преданию, его во

имя и на благо Римского государства. С тех пор они стали общегосударственными.

Наступили долгожданные сроки. Ночью с 31 мая на 1 июня началась Вековая игра.

Была глубокая ночь, когда Август совершил на Таренте жертвоприношения и молебен трем сестрам Мойрам — богиням Судьбы. Специально для этой церемонии на берегу Тибра были воздвигнуты три алтаря; перед ними в непроглядной тьме, которую прорезали, по-видимому, только языки пламени на алтарях, стоял в окружении Пятнадцати с непокрытой головой Август и молился. Жертвы были принесены по греческому обряду: на окропленных кровью алтарях целиком сожгли по три черных барана и козла. Август молил богинь защитить и умножить величие и державу римского народа, благословить римлян и латинян счастьем и победой в войне и в мире. После молебна внезапно был дан сигнал, зажглись светильники и начались игры и селлистернии (сакральные трапезы, в которых участвовали богини, чьи изображения ставили на кресла). Хор матрон исполнил гимн, содержащий обращение к Диане и Юноне. На вторую ночь было совершено моление Илтии — богине рождения; ей в жертву были принесены жертвенные пироги. Третью ночь посвятили Матери Земле; ей принесли в жертву свинью.

Не менее внушительными были и дневные церемонии. В первый день поутру на Капитолий к алтарю Юпитера поднялась торжественная процессия с празднично разукрашенными жертвенными животными; здесь одного белого быка принес в жертву Август, а другого — Агриппа. Трижды они окропляли алтарь жертвенной кровью, творя обеты и молитвы на благо римского народа. Потом центр действия переместился на берег Тибра, где продолжались начавшиеся еще ночью игры — театральные представления, цирковые зрелища, травли диких зверей. На второй день было совершено жертвоприношение царице Юноне. Перед храмом богини на Капитолии Август принес в жертву белую корову; то же сделал и Агриппа. Затем коллонопреклоненный хор женщин произнес молитву за благополучие римского народа. И по-прежнему продолжались игры. . .

Наступил третий день, посвященный Аполлону и Диане. Перед храмом на Палатине Август и Агриппа

произнесли молитвы и еще раз принесли жертвы; хоры мальчишек и девочек пели Вековую песнь, сочиненную Горацием. Эта церемония была повторена и на Капитолии. И снова игры, и опять игры. . . Они продолжались даже тогда, когда основные торжества уже давно закончились.

Гораций недаром был в числе крупнейших поэтов Рима эпохи Августа; в своей Вековой песни он воплотил то, о чем мечтал народ, то, что считалось, что так хотелось считать фундаментом новой эры, сущностью Римского государства, воссозданного Августом. Обращаясь к богам, исполнители Вековой песни молили о непревзойденном могуществе Рима:¹⁵⁷

Солнце-кормилец! Ты день с колесницей горячей
Кажешь и прячешь, о пусть, возрождаясь незримо,
Вечное — ты ничего не увидишь могучей
Города Рима.*

Песнь напоминает богам, а с ними и всему римскому народу об Энее — славном прародителе Рима; и здесь, конечно, не случайна перекличка Вековой песни с написанной незадолго до того «Энеидой» и с построенным вскоре потом Алтарем мира. Здесь мы видим и Августа, славного потомка Анхиса и Венеры; хор молит о власти ему над миром; его заслуга — воссоздание римских добродетелей, всеобщего довольства и мира:¹⁵⁸

Если вы создали Рим и велели вы сами
Прочное выбрать владенье в земле италийской,
Край свой родной заменяя иными местами,
Горсти троянской,
Той, средь которой прошедши горячую Трою,
Родины гибель увидя, Эней непорочный
Путь проложил, заменяя утраты судьбою
Более прочной;
Боги! возвысьте в понятливой юности нравы!
Боги! вы старость святой тишиной окружите!
Ромула внукам потомства, богатства и славы
Громкой пошлите!
Кто убажает вас, белых быков закалая,
Славный праправнук Анхиса и светлой Киприды
Миром да правит на гибель врагам, но прощая
Падшим обиды.

---

* Здесь и далее перевод А. Фета.

Море и суша в деснице его. Уж мидийцы
Видят готовую кару в Альбанской секире,
Скифы надменные ждут приговоров, индийцы
Молят о мире.

С древней Стыдливостью, с Миром и Честью* дерзает
Доблесть забытая вновь появляться меж нами,
Снова Довольство отрадное всем рассыпает
Рог свой с дарами.

Век братоубийственных войн закончился. Наступи-
ла новая эра. . .

---

* Переводчик в тексте Горация упустил упоминание Верности, которую поэт поставил на первое место как важнейшую исконно римскую добродетель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наступила новая эра. . . А между тем время двигалось своим чередом; Август, никогда не отличавшийся крепким здоровьем, слабел и дряхлел. В 14 г. н. э. ему шел семьдесят шестой год.

Позже, вспоминая эту пору, биограф Августа скажет об очевиднейших предзнаменованиях, возвещавших трагедию.¹ В своем качестве цензора Август при огромном стечении народа творил на Марсовом поле очистительное жертвоприношение; оно совершалось каждые пять лет по завершении переписи граждан, сопровождалось молитвами о благе римского народа и обетами богам. Внезапно над Августом появился орел, сделал несколько кругов и сел на соседнее здание, на первую букву написанного над ним имени Агриппы. Август, увидев это, велел произнести уже подготовленные и записанные на табличках обеты своему тогдашнему коллеге Тиберию и сказал, что не возьмет на себя то, что не сможет исполнить. Примерно тогда же от удара молнии в статую расплавилась первая буква имени *Caesar*. Случившееся было истолковано так, что Август проживет еще сто дней (в римской цифровой системе знак *S* соответствует цифре 100), а затем будет причислен к богам: слово *aesar* по-этруски означает «бог».

Как бы то ни было, Август решил направить Тиберия в Иллирию, где после недавних волнений следовало навести порядок; он и сам хотел проводить Тиберия до Беневента. Августа, как всегда, осаждали жалобщики, и он в сердцах воскликнул: «Даже если все будет против меня, я в Риме больше не останусь!». Эту фразу потом тоже не раз вспоминали. Пока же Август выехал из Рима и добрался до Астуры; оттуда он отплыл ночью на корабле и в дороге заболел. В Путеолах его приветствовали александрийские моряки, восклицавшие, что благодаря ему они живут, благодаря ему плавают

по морю, благодаря ему они свободны и богаты. Растроганный Август подарил своим спутникам по сорок золотых, взяв с них клятву истратить эти деньги только на покупку александрийских товаров. Четыре дня он отдыхал на острове Капри, а потом переехал в Неаполь. Оттуда он проводил Тиберия до условленного места. На обратном пути болезнь усилилась; в Ноле Август слег; предчувствуя развязку, он приказал Тиберию вернуться и долго говорил с ним наедине. Впрочем, Тацит несколько иначе рассказывает об этих событиях: Тиберия вызвала в Нолу Ливия; неизвестно, застал ли он Августа живым; Ливия взяла дом и дороги под строгую охрану; время от времени она давала ход благоприятным известиям о состоянии Августа, пока внезапно не было объявлено, что он умер и что власть перешла к Тиберию.² Вообще в Риме много говорили о том, что в смерти Августа виновата Ливия.³ Насколько все эти известия верны, сказать трудно; заметим только, что Тиберий уже давно был признанным наследником Августа и прибегать к насильственному устранению последнего, чтобы обеспечить своему сыну, Тиберию, власть, Ливии вовсе не было суждено. Хилый, больной старик и так не протянул бы слишком долго.

Как бы то ни было, предчувствуя приближающийся конец, Август хотел выглядеть пристойно; попросив зеркало, он велел причесать себя и подвязать отваливавшуюся челюсть. Его очень беспокоило, как отнесутся люди к его кончине. Августу очень хотелось думать, что, оставаясь без него, весь мир придет в смятение. Не раз и не два он спрашивал, не происходят ли уже волнения из-за него. Но все было спокойно.

В эти последние часы Август подводил итоги прожитого и пережитого. Ему было мало прижизненных почестей, лести, фактического обожествления и подобо-страстия; он уже давно очень хотел сохранить себя в памяти римского народа на вечные времена великим государственным деятелем, а в памяти всего человечества — преобразователем мира, создателем совершенного миропорядка. Незадолго до смерти он написал краткий вариант своих мемуаров — рассказ о своих деяниях, который завещал вырезать на медных досках и установить у входа в свой мавзолей.⁴ Завещание было исполнено после его смерти; надписи на латинском и греческом языках, воспроизводящие отчет Ав-

густа своему народу, были широко распространены по всей Империи. Они найдены в Анкире (современная Анкара) в древней провинции Галатии, а также в двух городах Писидии — в Антиохии и Аполлонии. Август догошо перечисляет все, что он сделал на благо римского народа, ради утверждения его величия, процветания и могущества, ради воцарения мира, ради возрождения добрых старых нравов. Он не забывает указать все свои победы и триумфы, все свои должности и полномочия; до последнего сестерция он подсчитывает все, что роздал и раздарил римским гражданам и ветеранам. И все-таки что-то его грызло. . . К умирающему допустили приближенных (друзей — говорит Светоний); Август спросил, не кажется ли им, что он надлежащим образом сыграл комедию жизни? И еще добавил по-гречески:

Если мы
сыграли хорошо, тогда похлопайте
и все нас проводите с благодарностью.

С этими словами приближенные были отпущены.

Кто-то приехал из Рима, и Август стал расспрашивать о большой дочери Друза; внезапно на руках у Ливии он воскликнул: «Ливия, помни, как мы жили в супружестве! Живи и прощай!». С этими словами он испустил дух.

Гай Октавий Фурин, позже называвшийся Гай Юлий Цезарь Октавиан, еще позже Император Цезарь, а затем Император Цезарь Август умер в девятом часу дня, в четырнадцатый день до сентябрьских календ 767 г. от основания Рима в консульство Секста Помпея и Секста Аппулея, иначе говоря, 19 августа 14 г. н. э.

К главе 1

¹ Cass. Dio, 45, 1, 1. ² Sueton., Aug., 4—5; CIL, 1, p. 298.
³ Cicero, Ad famil., 8, 2. ⁴ Sueton., Aug., 1—2. ⁵ Ibid., 2. ⁶ CIL, 1², 2663.
⁷ ILS, 47. ⁸ Cicero, Ad Quint., 1, 1, 21. ⁹ Ibid., 1, 2, 7; Cicero, Ad Att., 2, 1, 12. ¹⁰ Cicero, Philipp., 3, 15. ¹¹ Sueton., Aug., 4. ¹² Cass. Dio, 45, 2, 7. ¹³ Sueton., Aug., 2—4. ¹⁴ Plin., NH, 3, 36. ¹⁵ Sueton., Aug., 94. ¹⁶ Di-
 od., 4, 22, 5. ¹⁷ Liv., 1, 34. ¹⁸ Cass. Dio, 45, 1, 2. ¹⁹ Nic. Damasc., Aug., 3. ²⁰ Cass. Dio, 48, 33. ²¹ Sueton., Aug., 89. ²² Ibid., 84, 2. ²³ Nic. Da-
 masc., Aug., 3. ²⁴ Ibid., 4. ²⁵ Nic. Damasc., Aug., 4; cf. Sueton., Aug., 8; CIL, X, 8375. ²⁶ Sueton., Aug., 94, 10. ²⁷ Nic. Damasc., Aug., 4; Vell. Paterc., 2, 59, 3. ²⁸ Nic. Damasc., Aug., 9. ²⁹ Ibid., 5. ³⁰ Sueton., Aug., 8; cf. Cass. Dio, 45, 3, 1. ³¹ Liv., Epit., 117. ³² Vell. Paterc., 2, 59, 4. ³³ Plin., NH, 7, 46. ³⁴ App., BC, 3, 9; Cass. Dio, 43, 51, 7. ³⁵ Nic. Damasc., Aug., 7. ³⁶ Sueton., Iul., 83; Aug., 8. ³⁷ Nic. Damasc., Aug., 8. ³⁸ Cass. Dio, 45, 3, 1. ³⁹ Cf. *ibid.*, 45, 1, 2. ⁴⁰ Plut., Tib. Gracch., 9. ⁴¹ App., BC, 1, 7. ⁴² Sallust., Con. Catil., 9, 1—5. ⁴³ Ibid., 10, 3—6. ⁴⁴ Ibid., 5, 1—5. ⁴⁵ Cicero, De re pub., 1, 45, 69. ⁴⁶ Ibid., 2, 23, 41. ⁴⁷ Ibid., 2, 29, 51. ⁴⁸ Ibid., 5, 1, 1. ⁴⁹ Cicero, In Pison., 7. ⁵⁰ Cicero, De offic., 1, 57. ⁵¹ Ibid., 1, 86. ⁵² Ibid., 1, 124—125. ⁵³ Cicero, Marc., 1. ⁵⁴ Cicero, Marc.

К главе 2

¹ Sueton., Iul., 42. ² Cicero, Ad famil., 45, 2—3. ³ Eutrop., 6, 25. ⁴ Sueton., Iul., 80; Nic. Damasc., Aug., 19. ⁵ Sueton., Aug., 94. ⁶ App., 3, 9; Nic. Damasc., Aug., 16. ⁷ Nic. Damasc., Aug., 16. ⁸ Cf. Cass. Dio, 45, 3, 1. ⁹ App., BC, 3, 9. ¹⁰ Vell. Paterc., 2, 59, 5; App., BC, 3, 10. ¹¹ App., BC, 3, 10. ¹² Sueton., Aug., 8; Vell. Paterc., 2, 59, 5. ¹³ Sueton., Aug., 8. ¹⁴ App., BC, 3, 10. ¹⁵ Sueton., Aug., 8. ¹⁶ Vell. Paterc., 2, 59, 5. ¹⁷ App., BC, 3, 10. ¹⁸ Nic. Damasc., Aug., 16—17. ¹⁹ Cicero, Ad Att., 15, 2. ²⁰ Cicero, Philipp., 2, 93. ²¹ Nic. Damasc., Aug., 27. ²² App., BC, 2, 118; Nic. Damasc., Aug., 25. ²³ App., BC, 2, 126—137; Cass. Dio, 44, 22—34; Plut., Cicero, 42; Plut., Ant., 14; Plut., Brut., 19; Cicero, Philipp., 1, 1. ²⁴ Sueton., Iul., 83; Nic. Damasc., Aug., 17; Cass. Dio, 44, 35; App., BC, 2, 143. ²⁵ App., BC, 2, 143. ²⁶ Sueton., Iul., 84. ²⁷ App., BC, 2, 144—147; Cass. Dio, 44, 36—49. ²⁸ Cicero, Philipp., 2, 90. ²⁹ Valer. Maxim., 9, 91. ³⁰ Cicero, Philipp., 2, 91. ³¹ Liv., Epit., 115; App., BC, 3, 2—3; Cicero, Ad Att., 14, 15, 2; Philipp., 1, 5. ³² Cass. Dio, 45, 9, 2. ³³ Lactant., Div. instit., 1, 15. ³⁴ Plut., Ant., 15. ³⁵ App., BC, 3, 4—5. ³⁶ Cicero, Ad Att., 14, 2. ³⁷ App., BC, 3, 5; Cicero, Ad Att., 14, 18, 1. ³⁸ App., BC, 3, 11; Nic. Damasc., Aug., 17—18; Cass. Dio, 45, 3. ³⁹ Cicero, Ad Att., 14, 10, 3. ⁴⁰ Ibid., 14, 11, 2. ⁴¹ Plut., Cicero, 44. ⁴² App., BC, 3, 11. ⁴³ Cicero, Ad Att., 14, 12, 2. ⁴⁴ App., BC, 3, 12. ⁴⁵ Cass. Dio, 45, 5, 2. ⁴⁶ Sueton., Aug., 95; Cass. Dio, 45, 4, 4. ⁴⁷ Cass. Dio, 45, 5, 2. ⁴⁸ App., BC, 3, 14. ⁴⁹ Cicero, Ad Att., 14, 20, 5; 14, 21, 3; 15, 2, 3; Nic. Damasc., Aug., 28; cf. Oros., 6, 18, 1. ⁵⁰ App., BC, 3, 15—17. ⁵¹ Ibid., 3, 14. ⁵² Ibid., 3, 18—20. ⁵³ Cass. Dio, 45, 5, 3—4. ⁵⁴ Sueton., Aug., 68—70.

⁵⁵ Liv., Epit., 117; Cass. Dio, 45, 5, 3; Flor., 4, 4, 1—2. ⁵⁶ Cicero, Ad famil., 11, 2, 1. ⁵⁷ Ibid., 11, 3. ⁵⁸ App., BC, 3, 21—22. ⁵⁹ RgdA, 15, 1. ⁶⁰ App., BC, 3, 21—23. ⁶¹ Cass. Dio, 45, 9, 1; Cicero, Philipp., 6, 14; 8, 25—26. ⁶² Liv., Epit., 117; App., BC, 3, 29—30. ⁶³ Ibid., 3, 25; Cass. Dio, 44, 51; Cicero, Philipp., 1, 3. ⁶⁴ Cicero, Ad Att., 15, 11, 1. ⁶⁵ App., BC, 3, 23—24; cf. Cicero, Ad Att., 16, 2, 3. ⁶⁶ App., BC, 3, 28. ⁶⁷ Sueton., Aug., 10, 1. ⁶⁸ App., BC, 3, 28; Cass. Dio, 45, 6; Nic. Damasc., Aug., 28. ⁶⁹ Seneca, De benefic., 5, 16, 6. ⁷⁰ App., BC, 3, 28. ⁷¹ Cass. Dio, 45, 7, 1; Plin., NH, 2, 94; Serv., In Bucol., 9, 47. ⁷² Cass. Dio, 45, 8, 1—2. ⁷³ App., BC, 3, 29—30; cf. Cass. Dio, 45, 8, 2—4. ⁷⁴ App., BC, 3, 31. ⁷⁵ Sueton., Aug., 10. ⁷⁶ App., BC, 3, 31. ⁷⁷ App., BC, 3, 39; Sueton., Aug., 10, 3; Cicero, Ad famil., 12, 23, 2; Nic. Damasc., Aug., 30. ⁷⁸ Cass. Dio, 45, 11, 2.

К главе 3

¹ Cicero, Ad Att., 16, 11, 1—2. ² App., BC, 3, 40. ³ Cicero, Ad famil., 12, 3. ⁴ Sueton., Aug., 10, 2. ⁵ Cicero, Ad Att., 12, 2. ⁶ Cicero, Ad famil., 12, 23, 2. ⁷ Ibid.; Cass. Dio, 45, 12, 1. ⁸ Nic. Damasc., Aug., 31. ⁹ App., BC, 3, 40; Cicero, Ad Att., 16, 8, 1; cf. Cass. Dio, 45, 12, 2—3. ¹⁰ Cicero, Ad Att., 16, 8, 2. ¹¹ Nic. Damasc., Aug., 31. ¹² App., BC, 3, 43. ¹³ Cicero, Philipp., 3, 10. ¹⁴ Cass. Dio, 45, 13, 1—2. ¹⁵ App., BC, 3, 44. ¹⁶ Cicero, Ad Att., 16, 8, 2; Cicero, Philipp., 13, 3. ¹⁷ Cicero, Ad Att., 16, 8, 1. ¹⁸ Ibid., 16, 8, 2. ¹⁹ Ibid., 16, 9. ²⁰ Ibid., 16, 11, 6. ²¹ Ibid. ²² App., BC, 3, 40. ²³ Cass. Dio, 45, 12, 4. ²⁴ App., BC, 3, 41—42. ²⁵ Ibid., 3, 45; Cicero, Philipp., 13, 19; 14, 31; Vell. Paterc., 2, 61, 2; Cass. Dio, 45, 13, 2—3. ²⁶ App., BC, 3, 46. ²⁷ Cass. Dio, 45, 14. ²⁸ Ibid., 45, 15, 1. ²⁹ App., BC, 3, 47. ³⁰ RgdA, 1, 1. ³¹ Flor., 4, 4, 4. ³² App., BC, 3, 48. ³³ Ibid., 3, 49; Cass. Dio, 46, 35, 2. ³⁴ Cicero, Philipp., 5, 34. ³⁵ RgdA, 1, 2—3; Cass. Dio, 46, 29, 2—3; App., BC, 3, 51; Liv., Epit., 118; Plut., Cicero, 45. ³⁶ Cicero, Philipp., 11, 30. ³⁷ App., BC, 3, 61. ³⁸ Ibid. ³⁹ Cicero, Philipp., 6, 5. ⁴⁰ Cass. Dio, 46, 29, 4. ⁴¹ Cicero, Philipp., 8, 25—28. ⁴² Cass. Dio, 46, 30, 4. ⁴³ App., BC, 3, 63. ⁴⁴ CIL, I, p. 383; Plin., NH, 11, 190; Cass. Dio, 46, 35, 4. ⁴⁵ App., BC, 3, 63—64. ⁴⁶ Ibid., 3, 65. ⁴⁷ Cicero, Philipp., 8, 6. ⁴⁸ Cicero, Ad famil., 12, 5, 2. ⁴⁹ Cass. Dio, 46, 36, 3. ⁵⁰ CIL, X, 8375. ⁵¹ App., BC, 3, 67—72; Cicero, Ad famil., 30; Liv., Epit., 119; Cass. Dio, 46, 35—39; Plut., Ant., 17; Vell. Paterc., 2, 61, 4; Oros., 6, 18, 3—5. ⁵² Sueton., Aug., 10. ⁵³ Ibid. ⁵⁴ Ibid., 11; Tac., Ann., 1, 10; Cass. Dio, 46, 39, 1. ⁵⁵ Oros., 6, 18, 3; Flor., 4, 5, 3; Liv., Epit., 119. ⁵⁶ App., BC, 3, 82. ⁵⁷ Liv., Epit., 119; Vell. Paterc., 2, 62; Cicero, Brut., 1, 15, 8—9. ⁵⁸ App., BC, 3, 74; Cass. Dio, 46, 40, 1. ⁵⁹ Ibid., 46, 40, 6—41, 2. ⁶⁰ Ibid. 46, 40, 3. ⁶¹ Cicero, Ad famil., 20, 1. ⁶² Cf. Sueton., Aug., 12. ⁶³ Cass. Dio, 46, 41, 3. ⁶⁴ Cicero, Ad famil., 11, 13a, 1. ⁶⁵ Ibid., 20, 1. ⁶⁶ Ibid., 11, 10, 4. ⁶⁷ App., BC, 3, 73. ⁶⁸ Cicero, Ad famil., 10, 21; 10, 33; 10, 34. ⁶⁹ Ibid., 11, 13, 2. ⁷⁰ App., BC, 3, 66. ⁷¹ Ibid., 3, 80. ⁷² Ibid., 3, 81. ⁷³ Cicero, Ad famil., 10, 35; Vell. Paterc., 2, 63; Plut., Ant., 18; App., BC, 3, 83. ⁷⁴ Ibid., 3, 97—98; cf. Liv., Epit., 120; Oros., 6, 18, 7; Cass. Dio, 46, 53. ⁷⁵ Ibid., 46, 42; Plut., Cicero, 45—46. ⁷⁶ App., BC, 3, 87—88. ⁷⁷ Cass. Dio, 46, 43; Sueton., Aug., 26, 1. ⁷⁸ App., BC, 3, 88. ⁷⁹ RgdA, 1, 4; Cass. Dio, 46, 45, 3—46, 1. ⁸⁰ Cass. Dio, 46, 48, 4—8. ⁸¹ Liv., Epit., 120. ⁸² Cass. Dio, 46, 48, 2. ⁸³ App., BC, 3, 89—96; Cass. Dio, 46, 47; Vell. Paterc., 2, 69, 5. ⁸⁴ Cass. Dio, 46, 49, 5. ⁸⁵ Ibid., 47, 15, 2. ⁸⁶ Liv., Epit., 120; RgdA, 1, 4. ⁸⁷ Plut., Ant., 20. ⁸⁸ App., BC, 4, 2—3; Cass. Dio, 46, 55—56. ⁸⁹ Flor., 4, 6, 2. ⁹⁰ Cass. Dio, 47, 14—17. ⁹¹ App., BC, 4, 6. ⁹² Ibid., 4, 7; Cass. Dio, 47, 2. ⁹³ Plin., NH, 7, 46. ⁹⁴ Plut., Cicero, 46.

⁹⁵ App., BC, 4, 11. ⁹⁶ Ibid., 4, 12—51; Cass. Dio, 47, 3—13; cf. CIL, VI, 1527. ⁹⁷ App., BC, 4, 12; Vell. Paterc., 2, 66—67; Plut., Cicero, 46; Liv. Epit., 120; Oros., 6, 18, 10—11; Flor., 4, 6, 4—6. ⁹⁸ App., BC, 4, 37; cf. Cass. Dio, 47, 8, 1. ⁹⁹ Sueton., Aug., 16, 3. ¹⁰⁰ Plut., Ant., 20; Cass. Dio, 47, 8, 5; App., BC, 4, 37. ¹⁰¹ Plut., Cicero, 47—49; Liv., Epit., 120; Cass. Dio, 47, 8, 3—5; App., BC, 4, 19—20. ¹⁰² Plut., Cicero, 49. ¹⁰³ App., BC, 4, 51. ¹⁰⁴ Cass. Dio, 47, 8, 1. ¹⁰⁵ Sueton., Aug., 27, 1—4. ¹⁰⁶ CIL, VI, 1527. ¹⁰⁷ Cass. Dio, 49, 16, 1. ¹⁰⁸ Ibid., 54, 2, 1. ¹⁰⁹ Ibid., 47, 18; App., BC, 2, 148. ¹¹⁰ Zonaras, 10, 38. ¹¹¹ Cass. Dio, 47, 18—19. ¹¹² Ibid., 47, 12, 1. ¹¹³ Ibid., 47, 12, 2—3. ¹¹⁴ Ibid., 47, 37, 2; App., BC, 4, 108. ¹¹⁵ Suet., Aug., 91; Valer. Maxim., 1, 7, 1; Lactant., Div. instil., 2, 8. ¹¹⁶ App., BC, 4, 109—114; Plut., Brut., 42—43; Cass. Dio, 47, 42—46; Vell. Paterc., 2, 70, 1—3; Liv., Epit., 124. ¹¹⁷ App., BC, 4, 128—131; cf. Plut., Brut., 49—51; Cass. Dio, 47, 48—49; Liv., Epit., 124; Eutrop., 7, 3; Flor., 4, 7. ¹¹⁸ Horat., Carm., 2, 7. ¹¹⁹ Cass. Dio, 47, 39. ¹²⁰ Sueton., Aug., 13. ¹²¹ RgdA, 2. ¹²² App., BC, 5, 3; 5, 12; Cass. Dio, 48, 1, 3; Eutrop., 7, 3; Sueton., Aug., 13. ¹²³ Cass. Dio, 48, 3. ¹²⁴ App., BC, 4, 3. ¹²⁵ Cass. Dio, 47, 14. ¹²⁶ App., BC, 5, 13; Cass. Dio, 48, 6, 2—3; cf. Liv., Epit., 125. ¹²⁷ App., BC, 5, 12. ¹²⁸ Prob., 1848, p. 5—6; Donat., Verg., 8, 30—36; Serv., In Eclog., 9, 7. ¹²⁹ Verg., Eclog., 1, 63—72. ¹³⁰ Ibid., 9, 2—6. ¹³¹ Cass. Dio, 48, 13; Sueton., Aug., 12. ¹³² App., BC, 5, 12. ¹³³ Ibid. ¹³⁴ Ibid., 5, 13. ¹³⁵ Ibid., 5, 15. ¹³⁶ Ibid., 5, 16. ¹³⁷ Ibid., 5, 14. ¹³⁸ Ibid., 5, 19. ¹³⁹ Ibid., 5, 19—20. ¹⁴⁰ Ibid., 5, 24; 5, 60. ¹⁴¹ Sueton., Aug., 15. ¹⁴² App., BC, 5, 30. ¹⁴³ Ibid., 5, 49. ¹⁴⁴ Ibid., 5, 48; cf. Cass. Dio, 48, 14. ¹⁴⁵ Sueton., Aug., 15. ¹⁴⁶ Liv., Epit., 126. ¹⁴⁷ Cass. Dio, 48, 20; 48, 15; Vell. Paterc., 2, 76. ¹⁴⁸ App., BC, 5, 66. ¹⁴⁹ Ibid., 5, 57. ¹⁵⁰ Liv., Epit., 127. ¹⁵¹ Cass. Dio, 48, 31. ¹⁵² App., BC, 5, 67. ¹⁵³ Ibid., 5, 67—68; Cass. Dio, 48, 31. ¹⁵⁴ Ibid., 48, 16, 3. ¹⁵⁵ App., BC, 5, 70; Vell. Paterc., 2, 77. ¹⁵⁶ App., BC, 5, 71. ¹⁵⁷ Vell. Paterc., 2, 77; App., BC, 5, 72; Cass. Dio, 48, 36. ¹⁵⁸ App., BC, 5, 77. ¹⁵⁹ Ibid., 5, 78; Cass. Dio, 48, 45; Oros., 6, 18—25. ¹⁶⁰ App., BC, 5, 81—90; Cass. Dio, 48, 46—48; Liv., Epit., 128. ¹⁶¹ App., BC, 5, 96. ¹⁶² Cass. Dio, 48, 50. ¹⁶³ Ibid., 48, 49; Sueton., Aug., 16. ¹⁶⁴ Ibid., 70. ¹⁶⁵ Cass. Dio, 49, 15. ¹⁶⁶ Plin., NH, 7, 178. ¹⁶⁷ Cass. Dio, 48, 48. ¹⁶⁸ Ibid. ¹⁶⁹ Ibid., 49, 1. ¹⁷⁰ App., BC, 5, 105; Cass. Dio, 49, 2. ¹⁷¹ Sueton., Aug., 16, 3. ¹⁷² Plin., NH, 7, 45, 148; App., BC, 5, 111—112. ¹⁷³ Cf. Liv., Epit., 129. ¹⁷⁴ App., BC, 5, 119—122; Cass. Dio, 49, 9; Sueton., Aug., 16; Oros., 6, 18, 19—39; Liv., Epit., 128—129; Vell. Paterc., 2, 79. ¹⁷⁵ Sueton., Aug., 16, 1—2. ¹⁷⁶ Vell. Paterc., 2, 80; App., BC, 5, 123—125; Cass. Dio, 49, 11—12. ¹⁷⁷ App., BC, 5, 126. ¹⁷⁸ RgdA, 25, 1; App., BC, 5, 131; Oros., 6, 18, 33; 6, 20, 6; Vell. Paterc., 2, 73. ¹⁷⁹ Cass. Dio, 49, 13—14; App., BC, 5, 128—129. ¹⁸⁰ Verg., Aeneid., 8, 682—685; Serv., In Aeneid., 6, 684; Plin., NH, 16, 7; Seneca, De benefic., 3, 32; Liv., Epit., 129; Cass. Dio, 49, 14. ¹⁸¹ App., BC, 5, 132; Cass. Dio, 49, 15. ¹⁸² App., BC, 5, 130; Cass. Dio, 49, 15. ¹⁸³ App., BC, 5, 132. ¹⁸⁴ App., BC, 5, 132; Cass. Dio, 49, 15; Oros., 6, 18, 14. ¹⁸⁵ App., BC, 5, 132; Cass. Dio, 49, 15. ¹⁸⁶ App., Illyric., 12—13. ¹⁸⁷ Sueton., Aug., 21; Plut., Ant., 54; App., Illyric., 16—28; Cass. Dio, 49, 35—38. ¹⁸⁸ Cass. Dio, 49, 43. ¹⁸⁹ Plut., Ant., 33, 60; Seneca, Suasor., 7; Cass. Dio, 48, 39; CIA, II, 482. ¹⁹⁰ Plut., Dem. et Ant. comp. ¹⁹¹ Plut., Ant., 36; Fl. Ios., Antl., 15, 4, 4; BJ, 1, 18. ¹⁹² Cass. Dio, 49, 26—31; Plut., Ant., 38—40. ¹⁹³ Cass. Dio, 50, 5; cf. Serv., In Aeneid., 8, 696. ¹⁹⁴ Sueton., Aug., 69. ¹⁹⁵ Plut., Ant., 55. ¹⁹⁶ Cass. Dio, 50, 1. ¹⁹⁷ Ibid., 50, 2. ¹⁹⁸ Ibid., 49, 41. ¹⁹⁹ Plut., Ant., 55. ²⁰⁰ Cass. Dio, 50, 2. ²⁰¹ Liv., Epit., 132. ²⁰² Vell. Paterc., 2, 83. ²⁰³ Plut., Ant., 58; Sueton., Aug., 17. ²⁰⁴ Cass. Dio, 50, 3. ²⁰⁵ Plut., Ant., 58; Cass. Dio, 50, 3. ²⁰⁶ Cass. Dio, 50, 6, 1. ²⁰⁷ Ovid., Fasti, 6, 205—210; Cass. Dio, 50, 4, 5; Plut., Ant., 60. ²⁰⁸ Cass. Dio, 50,

4, 3; 50, 26; Plut., Ant., 60. ²⁰⁹ RgdA, 25, 2. ²¹⁰ Ibid., 3, 3. ²¹¹ Cass. Dio, 50, 7, 1—2. ²¹² Plut., Ant., 58; Cass. Dio, 50, 10, 4—5; Ibid., 51, 3. ²¹³ Plut., Ant., 58; Cass. Dio, 51, 11. ²¹⁴ Plut., Ant., 61—69. ²¹⁵ Cass. Dio, 50, 9; Plut., Ant., 62. ²¹⁶ Cass. Dio, 50, 11. ²¹⁷ Plut., Ant., 66; Zonaras, 10, 30. ²¹⁸ Cass. Dio, 50, 12—35; Plut., Ant., 65—66; Verg., Aeneid., 8, 675—695; Sueton., Aug., 17; Oros., 19, 4—12; Flor., 4, 11; Vell. Paterc., 2, 84—86. ²¹⁹ Vell. Paterc., 2, 86, 2. ²²⁰ Cass. Dio, 51, 2. ²²¹ Vell. Paterc., 2, 86. ²²² Cass. Dio, 51, 3. ²²³ Sueton., Aug., 17, 3; Oros., 6, 19, 4; Cass. Dio, 51, 4. ²²⁴ Cass. Dio, 50, 1, 1. ²²⁵ Ibid., 51, 1, 3; Strabo, 7, 7, 6, p. 325; Fl. Ios., Antt., 16, 5, 3; Antol. Palat. IX, 553. ²²⁶ Pausan., 10, 8, 4. ²²⁷ Serv., In Aeneid., 3, 501. ²²⁸ Tac., Ann., 5, 10. ²²⁹ Cass. Dio, 51, 1, 2; Syncell., 583, 178; Strabo, 7, 7, 6, p. 325. ²³⁰ Cass. Dio, 53, 1, 4. ²³¹ Sueton., Aug., 93; Cass. Dio, 51, 4, 1. ²³² Sueton., Aug., 17. ²³³ Dio Chrys., 31, 66—68. ²³⁴ IGLS, II, 718. ²³⁵ Plut., Ant., 68. ²³⁶ Cass. Dio, 51, 6. ²³⁷ Flor., 2, 21, 9. ²³⁸ Cass. Dio, 51, 7. ²³⁹ Sueton., Aug., 17; Cass. Dio, 51, 5; Fl. Ios., Antt., 15, 6, 6; Fl. Ios., BJ, 1, 20. ²⁴⁰ Plut., Ant., 74. ²⁴¹ Cass. Dio, 51, 6. ²⁴² Plut., Ant., 78. ²⁴³ Sueton., Aug., 17, 5. ²⁴⁴ Cass. Dio, 51, 12. ²⁴⁵ Ibid., 51, 19, 3—4.

К главе 4

¹ Sueton., Aug., 17; Plut., Ant., 81; Cass. Dio, 51, 15. ² Oros., 6, 19, 20. ³ Liv., Epit., 133; Vell. Paterc., 2, 88; App., BC, 4, 50. ⁴ Cass. Dio, 51, 17. ⁵ Ibid., 51, 18; Strabo, 17, 1, 10, p. 795. ⁶ Cass. Dio, 51, 17. ⁷ Ibid., 53, 2. ⁸ Sueton., Aug., 18; Cass. Dio, 51, 16. ⁹ Sueton., Aug., 93; Cass. Dio, 51, 16. ¹⁰ RgdA, 27, 1; CIL, VI, 701. ¹¹ Tac., Hist., 1, 11; Ann., 2, 59. ¹² Fl. Ios., BJ, 1, 20, 3. ¹³ Fl. Ios., Antt., 15, 7, 4. ¹⁴ Strabo, 12, 8, 8—9, p. 574. ¹⁵ Ibid., 12, 3, 6, p. 543. ¹⁶ Cass. Dio, 51, 20—21; RgdA, 4, 1; Liv., Epit., 133; Oros., 6, 20, 1; Macrob., 1, 12, 35; Verg., Aeneid., 8, 714; Sueton., Aug., 22. ¹⁷ Horat., Carm., 37; Epod., 9. ¹⁸ Cf. Tac., Ann., 1, 2. ¹⁹ Vell. Paterc., 2, 89. ²⁰ CIL, VI, 873, 1527; RgdA, 1, 1. ²¹ Sueton., Aug., 7; Cass. Dio, 53, 16. ²² RgdA, 5, 1; Cass. Dio, 54, 1; Vell. Paterc., 2, 89, 5; Sueton., Aug., 52. ²³ Cass. Dio, 51, 19, 6. ²⁴ RgdA, 8, 2. ²⁵ Cass. Dio, 53, 1, 3. ²⁶ Tac., Ann., 1, 9. ²⁷ RgdA, 34, 1; Tac., Ann., 3, 28; Cass. Dio, 53, 3—11. ²⁸ RgdA, 34, 1. ²⁹ Sueton., Aug., 53, 1—2; Cass. Dio, 55, 12, 2; Oros., 6, 22, 4. ³⁰ Cass. Dio, 54, 1. ³¹ Ibid., 54, 2. ³² Flor., 4, 12, 66. ³³ RgdA, 34, 2; Cass. Dio, 53, 16; Sueton., Aug., 7; Liv., Epit., 134; Vell. Paterc., 2, 91; Flor., 4, 12; Oros., 6, 20, 2; Censorin., 21, 8. ³⁴ Cass. Dio, 52, 41. ³⁵ Ibid., 52, 1; 53, 17. ³⁶ Ovid. Fast., 1, 608. ³⁷ Cass. Dio, 53, 32. ³⁸ Ibid., 53, 23, 2. ³⁹ Ibid., 54, 10. ⁴⁰ RgdA, 10, 2; Sueton., Aug., 31. ⁴¹ Cass. Dio, 56, 28. ⁴² RgdA, 6, 1. ⁴³ Ibid., 35, 1. ⁴⁴ Sueton., Aug., 58. ⁴⁵ Ibid., 25; Cass. Dio, 53, 21. ⁴⁶ Cass. Dio, 55, 5. ⁴⁷ Sueton., Aug., 40. ⁴⁸ Ibid., 56. ⁴⁹ Cass. Dio, 54, 10; Vell. Paterc., 2, 92. ⁵⁰ Cass. Dio, 53, 21, 7. ⁵¹ Ibid., 53, 12. ⁵² Ibid., 53, 14. ⁵³ Seneca, Dial., 4, 2, 5; Tac., Ann., 3, 68. ⁵⁴ OGIS, 532. ⁵⁵ Cass. Dio, 53, 23. ⁵⁶ Ibid., 53, 13, 1. ⁵⁷ Sueton., Aug., 30, 1. ⁵⁸ Ibid., 37, 1. ⁵⁹ RgdA, 12, 2. ⁶⁰ Ibid., 13. ⁶¹ Sueton., Aug., 32, 1—2. ⁶² Ibid., 40, 3. ⁶³ Ibid., 40, 5. ⁶⁴ CIL, VI, 930. ⁶⁵ Cass. Dio, 54, 16. ⁶⁶ Sueton., Aug., 54. ⁶⁷ Cass. Dio, 56, 27. ⁶⁸ Sueton., Aug., 55. ⁶⁹ Vell. Paterc., 2, 91; Sueton., Tib., 8; Cass. Dio, 54, 3. ⁷⁰ Seneca, De clement., 1, 9, 2; Cass. Dio, 55, 14; Sueton., Aug., 19; 64. ⁷¹ Sueton., Aug., 19. ⁷² Cass. Dio, 52, 46, 7. ⁷³ Ibid., 52, 42, 8. ⁷⁴ Ibid., 53, 2. ⁷⁵ Ibid., 53, 2, 5. ⁷⁶ RgdA, 8, 1; Tac., Ann., 11, 25; Cass. Dio, 52, 42. ⁷⁷ Seneca, De benef., 3, 27. ⁷⁸ Tac., Ann., 4, 34. ⁷⁹ Cass. Dio, 53, 32. ⁸⁰ Iuven., Sat., 7, 151. ⁸¹ Sueton., Aug., 51. ⁸² Ibid., 53, 2—3. ⁸³ Cass. Dio, 54, 17; 54, 26; Sueton., Aug., 41. ⁸⁴ RgdA, IV. ⁸⁵ Cass.

Dio, 49, 16. ⁸⁶ Ibid., 54, 16; Dig., 23, 2, 44. ⁸⁷ Cass. Dio, 48, 43. ⁸⁸ Ibid., 52, 14. ⁸⁹ Sueton., Aug., 35; Cass. Dio, 54, 13—14. ⁹⁰ Sueton., Aug., 54. ⁹¹ Cass. Dio, 54, 30. ⁹² Ibid., 55, 24. ⁹³ RgdA, 35, 1. ⁹⁴ Sueton., Aug., 39. ⁹⁵ Ibid., 34. ⁹⁶ Cf. Plin., NH, 33, 30—33. ⁹⁷ RgdA, 15. ⁹⁸ Sueton., Aug., 40. ⁹⁹ Ibid., 42; Cass. Dio, 54, 11. ¹⁰⁰ Sueton., Aug., 42. ¹⁰¹ RgdA, 22—23. ¹⁰² Cass. Dio, 54, 1. ¹⁰³ Cass. Dio, 55, 8. ¹⁰⁴ RgdA, 25, 1. ¹⁰⁵ Cass. Dio, 54, 3. ¹⁰⁶ Ibid., 54, 23. ¹⁰⁷ Ibid., 55, 5. ¹⁰⁸ Sueton., Aug., 40, 3—4. ¹⁰⁹ Tac., Ann., 6, 11. ¹¹⁰ Ibid., 13, 32; Dig., 29, 5. ¹¹¹ RgdA, 8, 5. ¹¹² Cf. Horat., Epod., 16. ¹¹³ Cass. Dio, 54, 16; Dig., 23, 2, 44. ¹¹⁴ Cass. Dio, 56, 10; Tac., 3, 28. ¹¹⁵ Dig., 48, 5, 26; Paul., Sent., 11, 86, 4. ¹¹⁶ Dig., 48, 5, 4; 48, 5, 12. ¹¹⁷ Ibid., 50, 16, 101; 48, 5, 35. ¹¹⁸ Aul. Gell., 2, 24, 14—15. ¹¹⁹ Horat., Carm., 3, 5; 1, 12, 51. ¹²⁰ RgdA, 26, 5. ¹²¹ Ibid., 31, 1. ¹²² Ibid., Praef. ¹²³ Ibid., 3. ¹²⁴ Ibid., 13. ¹²⁵ Cass. Dio, 53, 7; Oros., 6, 21, 11. ¹²⁶ Mela, 3, 1; Plin., NH, 4, 111. ¹²⁷ App., BC, 5, 92; Eutrop., 7, 5. ¹²⁸ Tibull., 1, 7, 5. ¹²⁹ Cass. Dio, 53, 25. ¹³⁰ Sueton., Aug., 23; Oros., 6, 21, 26—27. ¹³¹ Sueton., Aug., 24. ¹³² Cass. Dio, 54, 7, 1. ¹³³ Diod., 16, 7. ¹³⁴ Strabo, 6, p. 268. ¹³⁵ Ibid., 6, p. 270. ¹³⁶ CIL, X, 7474, 7345. ¹³⁷ Strabo, 6, p. 272. ¹³⁸ Plut., Apoph. 5. ¹³⁹ Cass. Dio, 54, 7, 2. ¹⁴⁰ Plut., Apoph. Aug., 13. ¹⁴¹ Cass. Dio, 54, 7, 2. ¹⁴² Vitruv., 7, 7. ¹⁴³ Syll., 399. ¹⁴⁴ Cass. Dio, 54, 7, 6. ¹⁴⁵ Ibid., 54, 9, 2. ¹⁴⁶ RgdA, 11; Cass. Dio, 54, 10, 3. ¹⁴⁷ RgdA, 32, 2. ¹⁴⁸ Strabo, 16, p. 780—782; Plin., NH, 6, 32; Cass. Dio, 53, 29, 3—8. ¹⁴⁹ Per. mar. Erythr., 26. ¹⁵⁰ RgdA, 26, 5. ¹⁵¹ Per. mar. Erythr., 23. ¹⁵² Cass. Dio, 54, 5, 4—6. ¹⁵³ RgdA, 26, 5; Plin., NH, 6, 29, 181. ¹⁵⁴ Strabo, 17, p. 821. ¹⁵⁵ RgdA, 34, 2. ¹⁵⁶ Eutrop., 7, 8. ¹⁵⁷ Sueton., Aug., 73. ¹⁵⁸ Ibid., 68—69. ¹⁵⁹ Ibid., 71, 1. ¹⁶⁰ Ibid., 71, 1—4. ¹⁶¹ Ibid., 62, 2. ¹⁶² Cass. Dio, 48, 15, 3—4; 48, 44. ¹⁶³ Sueton., Aug., 84, 2. ¹⁶⁴ Cass. Dio, 56, 30. ¹⁶⁵ Ibid., 53, 32, 1. ¹⁶⁶ Ibid., 51, 21. ¹⁶⁷ Ibid., 53, 32, 3; CIL, XIV, 2240. ¹⁶⁸ Cass. Dio, 53, 3, 2—3; Vell. Paterc., 2, 93. ¹⁶⁹ Cass. Dio, 53, 33; Seneca, Dial., 2, 3, 4. ¹⁷⁰ Tac., Ann., 1, 3; Seneca, De benef., 3, 32, 4. ¹⁷¹ Plin., NH, 7, 45. ¹⁷² Nic. Damasc., Caes., 7. ¹⁷³ Cass. Dio, 52, 2—13. ¹⁷⁴ Horat., Epist., 12, 1. ¹⁷⁵ Cass. Dio, 54, 29. ¹⁷⁶ Ibid., 54, 29; Seneca, Epist., 94. ¹⁷⁷ Cass. Dio, 53, 32, 1. ¹⁷⁸ Ibid., 53, 27. ¹⁷⁹ Ibid., 54, 12; Vell. Paterc., 2, 90; Tac., Ann., 3, 56. ¹⁸⁰ Plin., NH, 35, 26. ¹⁸¹ RgdA, 14. ¹⁸² Plin., NH, 7, 8, 46; Sueton., Tib., 7. ¹⁸³ Macrobr., 2, 5, 6. ¹⁸⁴ Ibid., 2, 5, 5. ¹⁸⁵ Seneca, De benef., 6, 32; Plin., NH, 21, 9. ¹⁸⁶ Cass. Dio, 55, 10; Sueton., Aug., 65. ¹⁸⁷ Sueton., Aug., 65; Cass. Dio, 55, 10. ¹⁸⁸ Cass. Dio, 55, 13. ¹⁸⁹ Sueton., Aug., 65; Tac., Ann., 4, 71; Plin., NH, 35, 26. ¹⁹⁰ Sueton., Aug., 10, 1; cf. Tac., Ann., 1, 8.

К главе 5

¹ Sueton., Aug., 85, 1. ² Plut., Demosth. et Cicer. comp., 3. ³ Sueton., Aug., 101, 4; Cass. Dio, 56, 33. ⁴ Sueton., Claud., 1. ⁵ Plin., NH, 3, 46. ⁶ Sueton., Aug., 101, 4; Tac., Ann., 1, 11. ⁷ Sueton., Claud., 4, 1—6. ⁸ Schol. ad carm. Horat., 4, 1, 1; schol. ad epist. Horat., 2, 1, 1. ⁹ Sueton., Aug., 85, 2. ¹⁰ Mart., Epigr., 11, 20. ¹¹ Seneca, De ira, 3, 23. ¹² Verg., Ecl., 8, 10; Horat., Carm., 2, 1, 9—10; Cicero, Ad famil., 10, 32, 6. ¹³ Plin. Iun., Epist., 5, 3, 5. ¹⁴ Seneca, Controvers., 4, ineunte 3; Plin., NH, 36, 33. ¹⁵ Horat., Carm., 2, 1, 1—8. ¹⁶ Tac., Ann., 4, 34. ¹⁷ Seneca, Suasor., 6, 14. ¹⁸ Macrobr., 2, 4, 21. ¹⁹ App., BC, 4, 38. ²⁰ Sueton., Aug., 58. ²¹ Plin., NH, 33, 50. ²² Tibull., 1, 10. ²³ Ibid., 1, 7. ²⁴ Ovid., Trist., 1, 7. ²⁵ Ovid., Metamorph., 15, 745—870. ²⁶ Ovid., Trist., 2, 549—552. ²⁷ Ibid., 2, 207. ²⁸ Ibid., 3, 5, 49—50. ²⁹ Seneca, Controvers., 10, ineunte 5; Sueton., Calig., 16, 1. ³⁰ Seneca, Controvers., 7. ³¹ Tac., Ann., 1, 72. ³² Ibid., 4, 21; Sueton., Calig., 16, 1. ³³ Horat.,

Carm., 1, 1; Propert., 3, 9, 1. ³⁴ Cass. Dio, 55, 7; Zonaras, 10, 35. ³⁵ Cass. Dio, 52, 14—40. ³⁶ Serv., In Aeneid., 8, 310. ³⁷ Horat., Carm., 2, 12, 9—10. ³⁸ Serv., In Georg., 2, 42. ³⁹ Ibid., 2, 41. ⁴⁰ Sueton., Aug., 86; Tac., Orat., 26. ⁴¹ Sueton., Gramm., 21. ⁴² Mart., Epigr., 7, 29; 8, 56. ⁴³ Horat., Sat., 1, 5, 40. ⁴⁴ Horat., Epist., 2, 4, 438. ⁴⁵ Sueton., Aug., 90—92. ⁴⁶ Ibid., 93. ⁴⁷ Verg., Aeneid., 8, 698. ⁴⁸ Sueton., Claud., 25, 2. ⁴⁹ Sueton., Aug., 31, 1. ⁵⁰ RgdA, 19. ⁵¹ Ibid., 7, 3. ⁵² Sueton., Aug., 30, 3. ⁵³ Ibid., 31, 2; Liv., Epit., 134. ⁵⁴ Pap. Brit. mus., CCCVI. ⁵⁵ Ancient Greek inscriptions in the British museum, V, p. 894. ⁵⁶ IGRR, III, 162. ⁵⁷ Sueton., Aug., 52. ⁵⁸ Gell., Noctes att., 6, 20, 1; Philargyr., In Georg., 2, 225. ⁵⁹ Donat., p. 57. ⁶⁰ Horat., Carm., 2, 18, 11; 3, 16, 29—38; Sat., 2, 6. ⁶¹ Verg., Bucol., 8, 11—12; Serv., p. 2, 7—8. ⁶² Verg., Bucol., 4, 4—12. ⁶³ Tac., Orat., 13. ⁶⁴ Verg., Georg., 3, 41—42. ⁶⁵ Ibid., 1, 2. ⁶⁶ Donat., p. 61, 1—4. ⁶⁷ Verg., Georg., 1, 466—488. ⁶⁸ Ibid., 1, 500—504. ⁶⁹ Ibid., 3, 16—39. ⁷⁰ Ibid., 3, 46—47. ⁷¹ Ibid., 2, 458—474. ⁷² Serv., Praef., 1, p. 2, 10. ⁷³ Donat., p. 61, 14—17. ⁷⁴ Ibid., p. 62, 1—4. ⁷⁵ Ibid., p. 61—63; Serv., Praef., p. 2, 12. ⁷⁶ Donat., p. 59, 8—12. ⁷⁷ Verg., Aeneid., 1, 588—589. ⁷⁸ Ibid., 1, 220; 10, 591; 12, 175; 12, 311. ⁷⁹ Ibid., 1, 9. ⁸⁰ Ibid., 6, 403. ⁸¹ Ibid., 5, 783. ⁸² Ibid., 1, 544—545. ⁸³ Ibid., 1, 148—153. ⁸⁴ Ibid., 6, 847—853. ⁸⁵ Ibid., 6, 789—795. ⁸⁶ Ibid., 8, 671—713. ⁸⁷ RgdA, 25, 2. ⁸⁸ Porphy., In Horat. Epist., 1, 16; cf. Horat., Epist., 1, 16, 27—29; Horat., Sat., 1, 10, 43—44. ⁸⁹ Seneca, De benef., 6, 3, 1; Fragm. Hercul., 817; Vell. Paterc., 2, 36, 3. ⁹⁰ Quintil., 10, 1, 89. ⁹¹ Seneca, Suasor., 6, 26. ⁹² Horat., Sat., 1, 6, 6—8; Epist. 1, 20, 20; Scholia in Horat. Epist., 2, 1, 1. ⁹³ Horat., Epist., 2, 2, 50—51. ⁹⁴ Scholia in Horat. Epist., 2, 1, 1. ⁹⁵ Horat., Epist., 2, 2, 51—52. ⁹⁶ Horat., Sat., 1, 6, 55. ⁹⁷ Ibid., 1, 6, 56—62. ⁹⁸ Ibid., 1, 10, 85. ⁹⁹ Horat., Carm., 2, 1. ¹⁰⁰ Scholia in Horat. Epist., 2, 1, 1. ¹⁰¹ Ibid. ¹⁰² Horat., Epist., 2, 1, 3—4. ¹⁰³ Ibid., 1, 1; 1, 7. ¹⁰⁴ Ibid., 1, 17—18. ¹⁰⁵ Horat., Epod., 16. ¹⁰⁶ Ibid., 7. ¹⁰⁷ Horat., Sat., 2, 6; Epist., 1, 10; 1, 14 etc. ¹⁰⁸ Horat., Sat., 2, 6, 60—63. ¹⁰⁹ Horat., Epod., 2. ¹¹⁰ Horat., Carm., 3, 2. ¹¹¹ Ibid., 3, 3. ¹¹² Ibid., 3, 5. ¹¹³ Ibid., 3, 6, 37—44. ¹¹⁴ Ibid., 45—48. ¹¹⁵ Ibid., 1, 12, 49—60. ¹¹⁶ Ibid., 1, 29. ¹¹⁷ Ibid., 3, 3. ¹¹⁸ Ibid., 3, 14. ¹¹⁹ Ibid., 4, 5. ¹²⁰ Ibid., 4, 14. ¹²¹ Ibid., 4, 15. ¹²² Ibid., 4, 5. ¹²³ CIL, X, 823; ILS, 108, 139. ¹²⁴ Horat., Carm., 1, 37. ¹²⁵ Horat., Epod., 9. ¹²⁶ Propert., 3, 9. ¹²⁷ Ibid., 4, 6. ¹²⁸ Sueton., Aug., 31, 5. ¹²⁹ Cass. Dio, 56, 34, 2—3. ¹³⁰ Liv., Epit., 134. ¹³¹ Liv., 4, 20. ¹³² Tac., Orat., 38. ¹³³ Vitruv., 1, Praef., 2. ¹³⁴ RgdA, 20, 2, 20, 5; cf. CIL, XI, 365; Sueton., Aug., 30, 1; Cass. Dio, 53, 22, 1—2. ¹³⁵ Sueton., Aug., 28, 3. ¹³⁶ Cf. Aur. Vict., Epit., 1, 21. ¹³⁷ Cass. Dio, 56, 30, 3. ¹³⁸ RgdA, 19—21, 1. ¹³⁹ Sueton., Aug., 29, 1—4. ¹⁴⁰ Vitruv., 1, Praef., 2. ¹⁴¹ Sueton., Aug., 29, 5. ¹⁴² Cass. Dio, 53, 27, 1. ¹⁴³ Ibid., 53, 27, 2—3. ¹⁴⁴ Plin. NH, 36, 5, 38. ¹⁴⁵ Sueton., Aug., 29, 2. ¹⁴⁶ Ibid., 29, 1—2. ¹⁴⁷ Ibid., 29, 3. ¹⁴⁸ Fragm. Hist. Rom. p. 254; Aug., 5. ¹⁴⁹ Augustin., De civ. Dei, 22, 28. ¹⁵⁰ Horat., Carm. saec., 21—22. ¹⁵¹ Cass. Dio, 54, 19, 7; Jul. Obsequens, 131. ¹⁵² Zosimas, 2, 6, 7; Horat., Carm. saec., 5. ¹⁵³ RgdA, 22. ¹⁵⁴ ILS, 5050; Zosimas, 2, 1—7. ¹⁵⁵ Sueton., Claud., 21, 2. ¹⁵⁶ Sueton., Aug., 40, 5. ¹⁵⁷ Horat., Carm. saec., 9—12. ¹⁵⁸ Ibid., 37—60.

К за к л ю ч е н и ю

¹ Sueton., Aug., 97, 1—2. ² Tac., Ann., 1, 5. ³ Aur. Vict., Epit., 1, 29. ⁴ RgdA, 35, 2; Sueton., 101, 4; Cass. Dio, 56, 33, 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Благовещенский Н. М.* Гораций и его время. Варшава, 1878.
Буассье Г. Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1914.
Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923.
Всеобщая история архитектуры. М., 1948. Т. 2, ч. 2.
Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования Принципата. Л., 1985.
Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986.
Малеин А. И. «Золотой век» римской литературы (эпоха Августа). Пг., 1923.
Машкин Н. А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949.
Нагуевский Д. История римской литературы. Казань, 1915. Т. 2.
Покровский М. М. История римской литературы. М.; Л., 1942.
Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918.
Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952.
Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.
Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916—1925. Т. 3—5.
Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи: Италия и западные провинции. М., 1961.
Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Abele T.* Der Senat unter Augustus. Paderborn, 1907.
Bowersock G. W. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965.
Buchan J. Augustus Caesar. Boston, 1937.
Catter J. M. The Battle of Actium. London, 1970.
Daniel R. M. Vipsanius Agrippa. Breslau, 1933.
Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Berlin, 1899, 1929. Bd 1, 2.
Earl D. The Age of Augustus. London, 1968.
Gagé J. Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis. Paris, 1935.
Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891—1896. Bd 1—3.
Grant M. From Imperium to Auctoritas. Cambridge, 1946.
Crenade P. Essai sur les origines du Principat. Paris, 1961.
Hammond M. The Augustan Principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. Cambridge Mass., 1933.

- Homo L.* Auguste. Paris, 1935.
- Kloevekorn H.* De proscriptionibus a. Chr. 43 a M. Antonio, M. Aemilio Lepido, C. Iulio Octaviano triumviris factis. Regiomontani, 1891.
- Magdelain A.* Auctoritas principis. Paris, 1947.
- Marsh F. B.* Founding of the Roman Empire. Oxford, 1927.
- Mattingly H.* British Museum Catalogue of coins of the Roman Empire. London, 1923. Vol. 1.
- Mattingly H., Sydenham E. A.* The Roman imperial coinage. London, 1923. Vol. 1.
- Meyer E.* Kaiser Augustus // Kleine Schriften. Halle, 1910.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd 2, Teil 2.
- Premmerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937.
- Rice Holmes T.* The Architect of the Roman Empire. Oxford, 1928, 1931. Vol. 1, 2.
- Sattler P.* Augustus und der Senat. Göttingen, 1960.
- Schmitthenner W.* Oktavian und das Testament Cäsars. München, 1952.
- Schmitthenner W.* (Hrsg.) Augustus. Darmstadt, 1969.
- Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero. London, 1976.
- Seeck O.* Kaiser Augustus. Bielefeld; Leipzig, 1902.
- Syme R.* The Roman revolution. Oxford, 1939.
- Syme R.* The Augustan aristocracy. Oxford, 1986.
- The Cambridge Ancient History.* Vol. X. The Augustan Empire. Cambridge, 1934.
- Wickert L.* Princeps (civitas) // Pauly's Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1954. Bd 22.
- Wirszubski Ch.* Libertas as a political idea. Cambridge, 1950.

ДЕЯНИЯ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА

«Деяния божественного Августа» в латинской и греческой версиях известны по надписи из Анкары (*Momumentum Ansgarum*), открытой в 1555 г. послами императора Фердинанда II к султану Сулейману. Она была записана на стенах местного храма Рима и Августа, впоследствии превращенного в мечеть. Другим источником текста «Деяний» являются фрагменты греческого перевода, найденные в Аполлонии (Писидия в Малой Азии). Там они находились на платформе, на которой были установлены статуи Августа, Тиберия, Ливии, Германика и Друза. Фрагменты латинского оригинала обнаружены также в Антиохии (Писидия).

Перевод выполнен по изданию, подготовленному Ж. Гаже (см. литературу). В квадратных скобках дается бесспорно восстанавливаемый текст, в угловых — текст, необходимый для лучшего понимания русским читателем, но отсутствующий в оригинале.

Деяний божественного Августа, которыми он земной круг власти рим[ского] народа покорил, и пожертвований, которые он сделал государству и римскому народу, вырезанных на двух бронзовых столбах, которые установлены в Риме, копия врученная.

1. 1. Девятнадцати лет отроду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетенное господством партии освобо[дил]. 2. За[ ] эт[о] сен[ат] поче[тн]ыми постановлениями в свой состав меня включил, когда консу[лами были] Г[ай] Панса, А[вл] Гирций, дав также право произносит суждения вместе с [кон]сулярами, и и[м]перий мне дал. 3. Он [мне] в качестве пропретора повелел вместе с консулами позаботиться, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба. 4. [Народ] также в том же году избрал меня консулом, когда об[а] консула [на вой] не погибли, и триумвром для устройства государства.

2. Тех, кто убили моего отца, их я удалил в изгнание, в соответствии с законными приговорами суда совершив над ними месть, а после этого, когда они

пошли войной на государство, дважды победил в сражении.

3. 1. Войны на суше и на море, гражданские и с в [неш] ними врагами, по всему земному кругу часто я вел и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал [п]ощаду. 2. Чужеземные народы, которых безопасно можно было простить, я предпочитал сохранять, а не уничтожать. 3. Тысяч римс [ких] граждан, приведенных к присяге мне, было почти пятьсот. Из них я вывел в колонии или оставил в их муниципиях, когда они отслужили, тысяч значительно более трехсот, и всех их наделил землями или деньгами наградил за военную службу. 4. Кораблей я захватил шестьсот, кроме тех, которые были меньше трирем.

4. 1. Дважды я торжественно всту [пил] в Город с овацией, трижды я совершал триумф на колеснице и был провозглашен дв [адцать од] ин раз императором. Се [нат] многочисленные триумфы для меня постановлял, от [к]оторых всех я отказывался. Лавры с ф [асц]и и [й] я возлагал в Капитолии, выпол [ня]я обеты, которые тво [рил] во время каждой войны. 2. За деяния, мною или моими легатами под моим началом на суше и на [м]оре счастливо совершенные, пя [ть] десят п [я]ть раз постановлял сенат совершить моления бесс [мертным] богам. А [дней], когда по решению сената производились моления, было 890. 3. В моих триумфах было проведено за м [о]ей колесницей царей или царских детей девять. 4. Консулом я б [ы]л тринадцать раз, к [ог]да я это писал, я был [трид]цат [ь] седьмой год обладателем [трибу]нской власти.

5. 1. Дик [тат] уру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, [и] в моем присутствии и наро [дом], и се [на] [том], когда консулами были М <арк> Марцелл и Л <уций> Ар [рунций], [я не при]нял. 2. Я не [отказа]лся [при кр]айней недоста [че] пищи от [за]боты о п [родо]вольствии и этим так распо [ряд]ился, что за [немно]го [дне]й все государство на свои средства и своею заботой от страха и су [ществовавш] ей тогда опасности я освободил. 3. Консульство, тогда мне пред [ло]женное, годичное и постоянное, я не принял.

6. 1. Когда консулами были М <арк> Виниций и Кв <инт> Лукреций, а потом П <ублий> и Гн <ей> Лентулы и на третий раз Павел Фабий Максим

и Кв<инт> Туберон, по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран [по] печителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшей вопреки отеческим обычаям, я не принимал. 2. То, что тогда сенат через меня совершить [ж]е[лал], я выполнил, пользуясь [триб]унс[к]о[й] властью. И в самой этой должно [сти коллегу] са [м по своей воле] у сена [та] про [сил и принимал].

7. 1. Три [умв] и [ром] для у [ст]рой [ст]ва [гос]ударства я был непреры [вно] десять лет. 2. П[ер]воприсутствующим в се [нате] я был до т [ого д]ня, когда писал это, в течение [сор]ока лет. 3. Великим пон [тификом], авгуром, членом коллегии Пятнад [ца]ти для [со]вершения священных церемоний, членом коллегии семи э [пулоно]в, арвальским братом, членом коллегии Тициев, [фециа]лом я был.

8. 1. Число патрициев я увеличил, будучи консулом в пятый раз, по велению народа и сената. 2. Сенатский список трижды я пересматривал. И в шестое консульство с коллегой М<арком> Агриппой я провел оценку имущества народа. Перепись после сорок второго года я осуществил. Во время этой переписи учтено было голов римских граждан четыре миллиона шестьдесят три тысячи. 3. [Тогда] вторично, пользуясь консульской властью, я осуществил перепись единолично, когда консулами были Г<ай> Ценсорин и Г<ай> Асиний. Во время этой переписи учтено было голов римск [их] граждан четыре миллиона двести тридцать три тысячи. 4. И в третий раз, пользуясь консульской властью, я совершил перепись с коллегой Тиб<ерием> и Цезарем, [м]оим сыном, когда консулами были Секст Помпей и Секст Аппулей. Во время этой переписи учтено было голов римских [гра]ждан четыре миллиона девят [я]тьсот тридцать семь тысяч. 5. Новыми законами, [в]веденными по [мо]ей инициативе, [м]ногие примеры древних, забытые уже наш [им] век [ом], я вер [нул], и сам многих де [л при]меры, достойные подражания, потомкам передал.

9. 1. Чтобы [жертвоприношения по обету з]а мое здоровье твори [лись] консулами и жрецами каждые пя [ть] лет, сенат постановил. Из этих жертвоприношений часто устраивали при [мо]ей жизни игры, иногда великопнейшая четырех жрецов коллегия, иногда консулы. 2. Также ча [стн]ым образом и по муниципиям

все граждане единомуш [но непре]станно во всех храмах за мое здо [ров]ье мо [ли]лись.

10. 1. Мо [е им]я по решен [ию] сена [та] включено в Салический гимн, и свяще [нны]м чтобы я был наве [чно] и, пок [а] буду жить, чтобы трибунская власть была моею, законом было установлено. 2. Великим понтификом я отказался стать вместо живого коллеги, когда народ подносил мне этот жреческий сан, который имел мой отец. Эт [от] жреческий сан я [прин]ял несколько лет спустя, когда ум [ер тот, к]то им овладел, воспользовавшись [вол]нениями граждан, причем со всей Италии на народное собрание для моего избрания [собрало]сь такое множество народа, какого, как рассказывают, никогда до э [того врем]ени не было, когда консулами были П [ублий] Сульпиций, Г [ай] Вальгий.

11. [Алтарь] Фортуны [Во]звратительницы про [тив] храма Чести и Доблести у [Кап]енских ворот по поводу мое [го возвра]щения [се]нат посвятил, на котором приказал понтификам и [дев]ам-ве [стал]кам совершать ежегодное жертвоприношение в тот [д]ень, когда при ко [нсул]ах Кв [инте] Лукреции и М [арке] Виниции в Город из Сирии я вернулся, и тот день Августалиями по [наш]ему прозвищу он назвал.

12. 1. По решению сената в то же время часть преторов и плебейских [три]бунов с консулом Кв [интом] [Лу]крецием и первенствующими [мужами] мне навстречу была послана в Кампани [ю], [каковая] почесть до то [го времени] никому, кроме меня, не была постановлена. 2. Когда из Исп [а]нии и Галлии, деяни [я] в этих про [винциях] счастливо совершив, в Рим я вернулся, когда консулами были Тиб [ерий] Не [р]он, П [ублий] Квинтилий, алтарь Августава Мира по поводу моего возвращения по [св]я [тить] сенат определил, на котором магистратам и жрецам, и девам-весталкам совершать ежегодное жертвоприношение приказал.

13. Януса Квирина, которого наши предки желали запирать, [когда] повсюду, где властвует римский народ, на суше и на море, будет рожденный поб [едам]и мир, в то время как прежде, чем я родился, от основания города только дважды он был заперт, как рассказывается, трижды, когда я был первоприсутствующим, сенат определял запереть.

14. 1. Сыновей моих, которых молодыми у меня вырвала Фортуна, Гая и Луция Цезарей, чтобы почтить

меня, сенат и народ римский, когда им было пятнадцать лет, назначил консулами, чтобы они вступили в эту должность через пять лет. И с того дня, когда они были выведены на Форум, чтобы они участвовали в обсуждении государственных дел, постановил сенат. 2. А все римские всадники обоих их провозгласили начальниками молодежи, дав серебряные щиты и копья.

15. 1. Римским плебеям каждому по триста сестерциев я отсчитал по завещанию моего отца; и от своего имени по четыреста сестерциев из военной добычи, будучи в пятый раз консулом, я дал; вторично также в десятое консульство из моего имущества по четыреста сестерциев в подарок каждому я отсчитал; и, будучи консулом в одиннадцатый раз, двенадцать продовольственных раздач, хлеб частным образом скупив, я устроил; и, обладая трибунской властью в двенадцатый раз, по четыреста нуммов в третий раз каждому я дал. Каковы мои раздачи достались не менее чем двумстам пятидесяти тысячам человек. 2. Обладая [т]рибу[нск]ой властью в восемнадцатый раз, будучи консулом в 12-й раз, тремстам двадцать [ти] тысячам городских плебеев по шестидесяти денариев каждому я дал. 3. И в колониях моих воинов, будучи консулом в пятый раз, из военной добычи каждому по одной тысяче нуммов я дал; получили этот триумфальный подарок в коло [н]иях около ста двадцати тысяч человек. 4. Будучи консулом в тринадцатый раз, по шестидесяти денариев плебеям, которые тогда государственное продовольствие получа [ли], я дал; это было немногим больше двухсот тысяч человек.

16. 1. Деньги з [а] земли, которые в консульство мое четвертое и позже, когда консулами были М (арк) Красс и Гн (ей) Лентул-авгур, я раздал воинам, я заплатил муниципиям. Всего это было около шестисот миллионов с [ест]ерциев, которые за италийские недвижимос [ти] я отсчитал, и около двухсот шестидесяти миллионов, которые за провин [ц]иальные земли я заплатил. Это первый и единственный из всех, кто выводили колонии воинов в Италии или в провинциях, в пам [я]ть о своем веке я сделал. 2. И позже, когда консулами были Тиб (ерий) Нерон и Гн (ей) Писон, та [к] же когда консулами были Г (ай) Антистий и Д (ецим) Лелион, и когда консулами были Г (ай) Кальвисий и Л (уций)

Пасиен, и когда консулами были Л(уций) Лентул и М(арк) Мессала, и когда консулами были Л(уций) Каниний и Кв(инт) Фабриций, вои[нам, ко]торых, когда они отслужили свой срок, в их муниципии я вывел, наград[ы на]личными я выплатил. На это [при]близительно четыреста миллион[ов] сесте[рциев] я потратил.

17. 1. Четырежды мои деньги я приказывал городской казне, так что сто пятьдесят миллионов сетсерциев тем, кто управляли казной, я внес. 2. И когда консулами были М(арк) Лепид и Л(уций) Аррунций, в военную казну, которая по моему совету была уч[реж]дена, из которой награды следовало выдавать воинам, которые отслужили двадцать лет или больше, сто пятьдесят миллионов сестерциев из своего имущества я внес.

18. С того года, в который Гн(ей) и П(ублий) Лентулы консулами были, когда недоставало доходов, иногда ста тысячам человек, иног[да мно]го [бо]льшему числу про[дово]льственные и денежные дары из своих закро[мов] и (своего) на[с]л[едия] я раздавал.

19. 1. Курию и примыкающий к ней Халкидик, и храм Аполлона на Палатине с портиками, храм божественного Юлия, Луперкал, портик при Фламиниевом цирке, который я позволил называть Октавиевым по имени того, кто прежний (портик) на этой земле построил, храм подле Великого Цирка, 2. храм на Капитолии Юпитера Феретрия и Юпитера Громовержца, храм Квирина, храм Минервы и Юноны Царицы и Юпитера Освободителя на Авентине, храм Ларов на Святейшей Дороге, храм богов Пенатов в Велии, храм Юности, храм Великой Матери на Палатине я построил.

20. 1. Капитолий и Помпеев театр, — то и другое предприятия, потребовавшие огромных затрат, — я перестроил без какой-либо надписи с моим именем. 2. Водопроводы, во многих местах от старости пришедшие в негодность, я перестроил, и водопровод, который называется Марциевым, я удвоил, присоединив к его водоводу новый источник. 3. Форум Юлиев и базилику, которая была между храмом Кастора и храмом Сатурна, работу, начатую и почти доведенную до конца моим отцом, я завершил, и ту же базилику, пожранную пожаром, расширив ее территорию, надписав имя своих сыновей, я начал и, если бы при жизни я не завершил, приказ[ал] завершить моим наследник[ам]. 4. Восемь-

десять два храма богов в Городе, будучи в шест [ой] раз консулом, [по] постановл [ению] сената я восстановил, ничего не упустив из того, что в то вр [емя] должн [о] было восстановить. 5. Будучи в седьмой раз кон [с]улом, Фламиниеву дорогу от города Аримина я восстановил [и] все мосты, кроме Мульвиева и Муциниева.

21. 1. На частной земле храм Марса Мстителя и Августов Форум на средства из до [бы] чи я построил. Театр у храма Аполлона на земле, большей частью купленной у частных лиц, я построил, чтобы под именем М <арка> Марцелла, моего зятя, он был. 2. Дары из добычи на Капитолии и в храме божественного Юлия, и в храме Аполлона, и в храме Весты, и в храме Марса Мстителя я посвятил, что мне обошлось примерно в сто миллионов сестерциев. 3. Золотые венки весом в тридцать пять тысяч <фунтов> муниципиям и колониям италийским, принесшим их к моим триумфам, будучи в пятый раз консулом, я вернул, и после этого каждый раз, когда меня провозглашали императором, золотые венки я не принимал, хотя муниципии и колони [и] постановляли с такою же благосклонностью, с какою и прежде постановляли.

22. 1. Тр [и] ж ды гладиаторские игры я дал от моего имени и пять раз от имени мо [и] х сыновей и внуков, в каковых играх сражались около десяти тысяч челове [к]. Дважды з [ре] л [и] щ е [а] т летов, отовсюду приглашенных, [н] ароду я представил от своего имени и в третий раз от имени моего внука. 2. И [г] р ы я устраивал от моего имени четырежды, а через других магистрат [ов] двадцать три раза. За коллегия 15 мужей, будучи магистром кол [л] е [г] и и имея коллег [ой] М <арка> Агриппу, Век [овы] е игры, когда консулами были Г <ай> Фурний, Г <ай> [С] илан, я устроил. Будучи кон [су] л в 13-й раз, Марсовы игры первым я устро [ил], кото [ры] е после этого времени в последовавшие непосредственно затем [г] о д ы по постановлению сената и закону у [с] траивали консулы. 3. Тра [в] ли африканских зверей от моего имени или моих сыновей и внуков в цирке или [н] а Форуме, или в амфитеатрах народу я дал двадцать шесть раз, для которых было доставлено зверей около трех тысяч пятисот.

23. Зрелище морского сражения народу я дал за Тибром, на каковом месте теперь роща находится Це-

зарей, выкопав землю в длину на тысячу восемьсот футов, а в ширину на тысячу двести. Там тридцать кораблей с таранами, триремы или биремы, множество также мелких судов между собой сражались. [На] эт [их] судах бились, кроме гребцов, около трех тысяч человек.

24. 1. В храмы всех городов пр[ов]инции Азии, будучи победителем, я вернул украшения, которыми, разграбив храмы, то [т], с кем я вел войну, частным образом владел. 2. Серебряных моих статуй, пеших, и конных, и на квадригах, стояло в Городе около 80, каковые я сам удалил, и на эти деньги золотые дары в храме Апол[ло]на от своего имени и тех, кто меня статуями почтил, я поставил.

25. 1. Море я умиротворил от разбойников. В той войне рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, примерно тридцать тысяч захватив, господам для достойного наказания я отдал. 2. Поклялась мне в верности вся Италия по своей воле и меня вытребовала в вожди в войне, в которой я победил при Аквиуме. Поклялись мне также в верности провинции Галлии, Испании, Африка, Сицилия, Сардиния. 3. Среди тех, кто под моими знаменами тогда воевал, было сенаторов 700, среди них тех, кто либо раньше, либо позже были сделаны консулами до того дня, когда это написано, 83, жрецов почти 170.

26. 1. Всех провинций римского народа, которых соседями были народы, которые не повиновались нашей власти, пределы я расширил. 2. Галльские и испанские провинци [и и] Германию, которые окружают Океан от Гадеса до устья Альбы-ре [к]и, я умиротворил. 3. Альпы от той области, к которой примыкает Адриатическое море, до Этрусского моря я умиротворил, ни с одним народом не ведя войны незаконно. 4. М [ой] флот [п]о Океану от устья Рена до области, где восходит солнце, вплоть до границ кимвром плавал, куда ни по суше, ни по морю ни один римлянин до этого времени не приходил. И кимвры, и хариды, и семноны, и той же местности другие германские народы через послов просили о дружбе моей и римского народа. 5. По моему приказу и по моей воле были направлены два войска в одно примерно время в Эфиопию и в Аравию, которая называется Счастливой, и огромные обоих враждебных народов войска были перебиты в сражении, и мно-

жество городов было захвачено. В Эфиопии они дошли до города Напаты, с которым соседствует Мероэ. В Аравии до пределов сабейцев прошагало вой[ск]о, до города Мариба.

27. 1. Египет власти римского народа я подчинил. 2. Великую Армению, когда был убит ее царь Артаксий, хотя я мог сделать провинцией, я предпочел, по примеру наших предков, это царство Тиграну, сыну царя Артавазда, внуку также царя Тиграна, через Тиб<ерия> Нерона передать, который тогда был моим пасынком. И этот же народ, после того отп[ав]ший и взбунтовавшийся, усмирленный Гаем, моим сыном, царю Арио [барз]ану, сыну царя мидян Артабаза, для царствования я передал, а после е[го] смерти его сыну Артавазду. Когда он был [уб]ит, [Тиг]рана, который происходил из царского армянского рода, в это ца[рство] я послал. 3. Все провинции, что за Адриатическим морем простирают[ся н]а восток, и Кирену, большей частью которых уже владели их цари, и, кроме того, Сицилию и Сардинию, охваченные рабской войной, я отвоевал.

28. 1. Колонии воинов в Африку, Сицилию, Македонию, обе Испании, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию, Писидию я вывел. 2. В Италии также были выведены по моей воле 28 колоний, которые при моей жизни были славнейшими и многочисленнейшими.

29. 1. Многочисленные военные знамена, утраченные другими вождями, победив врагов, я возвратил из Испании и Галлии и от далматинцев. 2. Парфян трех римс[к]их войск доспехи и знамена отдать мне и, умоляя, просить о дружбе римского народа я принудил. А эти знамена в святилище, которое в храме Марса Мстителя, я, возвратив, поместил.

30. 1. Племена паннонцев, до которых, пока я не стал первоприсутствующим римского народа, римское войско никогда не доходило, побежденные Ти<берием> Нероном, который тогда был моим пасынком и легатом, власти римского народа я подчинил и продвинул иллирийские пределы до берегов реки Данувия. 2. Кроме этого, даков переправившееся войско по моей воле было побеждено и уничтожено, [а] потом приведенное за Данувий мое войско принудило племена даков переносить власт[ь р]имского [н]арода.

31. 1. Ко мне из Индии царей посольства часто присылаются, никогда до этого в [ре]мени не виданные ни при каком римском вожде. 2. Нашу др[уж]бу прос[ил]и и через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, кот[орые] по ту и по сю сторону р[е]ки Танаиса, и царь албанцев и ибер[ов], и мидян.

32. 1. Ко мне с мольбами прибегали цари парфян Тиридат и пот[ом] Фраат, с[ын] царя Фраата, мидян [Ар]тавазд, адиабенцев Артаксар, британцев Думнобеллан[н] и Тинкоммий, сугамбров Молон, маркоманов, свево[в]. . . 2. [Ко] мне цар[ь] парфян Фраат, сын Орода, своих сыновей и внуков всех [послал] в Италию, не будучи побежденным в войне, но нашей дружбы прося, отдавая в залог своих де[те]й. 3. Многие другие народы испытали верность р[имского] н[арода], когда я был первоприсутствующим, у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений.

33. От меня народы парфян и мидян получили царей, которых первенствующие этих народов через послов просили: парфяне Вонона, сына царя Фраата, внука царя Орода; мидяне Ариобарзана, сына царя Артавазда, ви[ука] царя Ариобарзана.

34. 1. В шестое и седьмое консульство, п[осле] того как Гражданские в[ойны] я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римск[ого] народа передал. 2. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Август[ом], и лаврами косяки моего дома были покрыты [всена]родно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щ[ит] в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каком-то щите [свидетельству]ет, что его сенат [и на]род [рим]ский дали з[а] мужество, милосе[рд]ие, справедливо[сть] и благоче[стие]. 3. После этого времени я превосходил всех а[вторитетом], но власти име[л] не больше, [чем друг]ие, кто [б]ыли у меня когда-либо коллегами по должности.

35. 1. Когда тринадцатое консульство я исполня[л], [сена]т и в[са]дническое сословие, и весь римский народ наз[ва]ли меня от[цом] отечества, и чтобы это было записа[но] в вестибюле моего дома [и в курии] Юлиевой, и на Авг[устовом] Форуме под квадригами, которые мне [по] постановлению сената поставле[ны],

указал. 2. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год.

I. Всего денег, которые он дал в казну или римским плебейм, или демобилизованным воинам: денариев ше[ст]ьс[от] миллионoв.

II. Он возвел новые постройки — храм Марса Мстителя, Юпитера [Гро]мовержца и Феретрия, Аполлона, божественного Юлия, Квирина, Минервы, Юноны Царицы, Юпитера Освободителя, Ларов, богов Пенатов, Юности, Великой Матери, Луперкал, храм при цирке, курию с Халкидиком, Форум Августа, базилику Юлия, театр Марцелла, портик Октавия, рощу Цезарей за Тибром.

III. Он перестроил Капитолий, храмы числом во семьдесят два, театр Помпея, водопро[во]ды, Фламиниеву дорогу.

IV. Средства, вложенные в [сце]нические зр[е]лища, и гладиаторские игры, и <состязания> атлетов, и травли зверей, и морские [сра]жен[и]я, и деньги, данные колониям, муниципиям, городам, пострадавшим от [зем]летрясения или пожара, или — каждому — друзьям и сенаторам, чье состояние он пополнил, неисчислимы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. НАЧАЛО ПУТИ	7
Глава 2. НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ	25
Глава 3. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ	43
Глава 4. НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ	91
Глава 5. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА	136
Заключение	178
Примечания	181
Литература	187
Приложение. ДЕЯНИЯ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА	189